

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Председатель редакционного совета:

К.А. Чуйченко, Министр юстиции
Российской Федерации (г. Москва)

Члены редакционного совета:

Н.К. Атабекова, кандидат юридических наук,
кандидат филологических наук, доцент,
проректор по науке и инновациям
Международного университета Кыргызской
Республики (Киргизия);

Д.С. Жуйков, заместитель Министра юстиции
Российской Федерации (г. Москва);

М.Н. Илюшина, доктор юридических
наук, профессор, заведующая кафедрой
гражданского и предпринимательского права
ВГУЮ (РПА Минюста России), Заслуженный
юрист РФ (г. Москва);

В.И. Красиков, доктор философских наук,
профессор, главный научный сотрудник
центра научных исследований ВГУЮ
(РПА Минюста России) (г. Москва);

А.В. Малько, доктор юридических наук,
профессор, профессор кафедры государственно-
правовых дисциплин Поволжского государственного
института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России),
Заслуженный деятель науки РФ (г. Саратов);

Ц. Сяюань, кандидат филологических наук,
доцент, начальник секретариата Центра
обмена и сотрудничества при Комиссии по
юридическим услугам для ШОС (Шанхайского
политико-юридического университета) (Китай);

А.И. Усов, доктор юридических наук, профессор,
первый заместитель директора, курирующий
научно-методическую и образовательную
деятельность Российского федерального центра
судебной экспертизы при Министерстве
юстиции РФ (г. Москва);

П.С. Яни, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права
и криминологии юридического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва);

В.В. Ярков, доктор юридических наук,
профессор, заведующий кафедрой
гражданского процесса Уральского
государственного юридического университета
им. В.Ф. Яковлева (г. Екатеринбург);

Б.В. Яцеленко, доктор юридических наук,
профессор, заведующий кафедрой уголовного
права и криминологии ВГУЮ (РПА Минюста
России), Заслуженный юрист РФ (г. Москва)

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Председатель редакционной коллегии: доктор юридических
наук, профессор, председатель Следственного комитета РФ,
генерал юстиции РФ, Заслуженный юрист РФ
А.И. Бастрыкин (г. Москва)

Главный редактор: член редакционной коллегии, кандидат
юридических наук, доцент, ректор ВГУЮ (РПА Минюста России)
О.И. Александрова (г. Москва)

Заместитель главного редактора: член редакционной коллегии,
доктор юридических наук, профессор, проректор по научной
работе, заведующий кафедрой гражданского процесса, публично-
правовой деятельности и организации службы судебных приставов
ВГУЮ (РПА Минюста России) **В.А. Гуреев** (г. Москва)

Ответственный секретарь: член редакционной коллегии,
доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой
административного, финансового и информационного права ВГУЮ
(РПА Минюста России) **Э.М. Казачкова** (г. Москва)

Члены редакционной коллегии:

Д.А. Авдеев, кандидат юридических наук, доцент (г. Тюмень);

М.Б. Аверин, кандидат юридических наук, кандидат
исторических наук, доцент (г. Москва);

А.С. Автономов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

В.Н. Бабенко, доктор исторических наук, профессор (г. Москва);

Н.В. Бандурина, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Э.В. Богмацера, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);

С.В. Борисов, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

И.И. Зенкин, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);

О.В. Исаенкова, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов);

А.Я. Кодинцев, доктор юридических наук, кандидат исторических
наук, доцент (г. Санкт-Петербург);

Е.Б. Козлова, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

В.Ф. Лапшин, доктор юридических наук, доцент (г. Ханты-Мансийск);

А.Н. Лёвушкин, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

С.В. Максимов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

Б.И. Нефедов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

В.Ю. Панченко, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Н.А. Подольный, доктор юридических наук, доцент (г. Саратов);

А.Г. Репьев, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Б.В. Сангаджиев, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

А.Ю. Соколов, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов);

З.Б. Соколов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

Ю.Г. Торбин, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

Е.В. Трофимов, доктор юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург);

Е.В. Фоменко, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

К.В. Черкасов, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Н.Г. Якубова, кандидат юридических наук (г. Москва)

**THE COMPOSITION
OF THE EDITORIAL COUNCIL**

Chairman of the Editorial Council:

K.A. Chuichenko, Minister of Justice of the Russian Federation (Moscow)

Members of the Editorial Board:

N.K. Atabekova, PhD in Law, PhD in Philology, Vice-Rector for Science and Innovations of International University of the Kyrgyz Republic (Kyrgyzstan);

M.N. Ilyushina, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil and Business Law of All-Russian State University of Justice, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow);

V.I. Krasikov, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Center for Scientific Research of All-Russian State University of Justice (Moscow);

A.V. Malko, Doctor of Law, Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Volga Region Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice, Honored Worker of Science of the Russian Federation (Saratov);

C. Siyuan, PhD in Philology, Head of the Secretariat of the Center for Exchange and Cooperation under the Commission on Legal Services for the SCO (Shanghai University of Politics and Law) (China);

A.I. Usov, Doctor of Law, Professor, First Deputy Director in Charge of Scientific, Methodological and Educational Activities of the Russian Federal Center for Forensic Science Under the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow);

P.S. Yani, Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University (Moscow);

V.V. Yarkov, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Procedure of V.F. Yakovlev Ural State Law University (Yekaterinburg);

B.V. Yatselenko, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of All-Russian State University of Justice, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow);

D.S. Zhuikov, Deputy Minister of Justice of the Russian Federation (Moscow)

**THE COMPOSITION
OF THE EDITORIAL BOARD**

Chairman of the Editorial Board: Doctor of Law, Professor, Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation, General of Justice of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation **A.I. Bastrykin** (Moscow)

Chief Editor: Member of the Editorial Board, PhD in Law, Rector of All-Russian State University of Justice **O.I. Alexandrova** (Moscow)

Deputy Chief Editor: Member of the Editorial Board, Doctor of Law, Professor, Vice-Rector for Scientific Work, Head of the Department of Civil Procedure, Public Law Activity and Organization of the Bailiff Service of All-Russian State University of Justice **V.A. Gureev** (Moscow)

Executive Secretary: Member of the Editorial Board, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Administrative, Financial and Information Law of All-Russian State University of Justice **Z.M. Kazachkova** (Moscow)

Members of the Editorial Board:

D.A. Avdeev, PhD in Law (Tyumen);

M.B. Averin, PhD in Law, PhD in History (Moscow);

A.S. Avtonomov, Doctor of Law, Professor (Moscow);

V.N. Babenko, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow);

N.V. Bandurina, Doctor of Law (Moscow);

E.V. Bogmatsera, PhD in Law (Moscow);

S.V. Borisov, Doctor of Law (Moscow);

K.V. Cherkasov, Doctor of Law (Moscow);

E.V. Fomenko, Doctor of Law (Moscow);

O.V. Isaenkova, Doctor of Law, Professor (Saratov);

A.Ya. Kodintsev, Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences (St. Petersburg);

E.B. Kozlova, Doctor of Law (Moscow);

V.F. Lapshin, Doctor of Law (Khanty-Mansiysk);

A.N. Levushkin, Doctor of Law, Professor (Moscow);

S.V. Maksimov, Doctor of Law, Professor (Moscow);

B.I. Nefedov, Doctor of Law, Professor (Moscow);

V.Yu. Panchenko, Doctor of Law (Moscow);

N.A. Podolny, Doctor of Law (Saransk);

A.G. Repyev, Doctor of Law (Moscow);

B.V. Sangadzhiev, Doctor of Law, Professor (Moscow);

A.Yu. Sokolov, Doctor of Law, Professor (Saratov);

Z.B. Soktoev, Doctor of Law, Professor (Moscow);

Yu.G. Torbin, Doctor of Law, Professor (Moscow);

E.V. Trofimov, Doctor of Law (St. Petersburg);

N.G. Yakubova, PhD in Law (Moscow);

I.I. Zenkin, PhD in Law (Moscow)

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

© Вестник Российской правовой академии, 2024

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации № 77–15470 от 20 мая 2003 г.

Номер подготовлен при информационной поддержке справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Журнал включен в Перечень рецензируемых изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, соискание ученой степени доктора наук по следующим научным

специальностям: 5.1.1 «Теоретико-исторические правовые науки», 5.1.2 «Публично-правовые (государственно-правовые) науки», 5.1.3 «Частноправовые (цивилистические) науки», 5.1.4 «Уголовно-правовые», 5.1.5 «Международно-правовые науки».

Опубликованные статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Редакция оставляет за собой право на внесение изменений и сокращений. Полная и частичная перепечатка материалов возможна с письменного разрешения редакции.

Published articles express the authors' opinion, which may not coincide with the point of view of the editorial office of the journal. The editors reserve the right to make changes and abbreviations. Full and partial reprinting of materials is possible with the written permission of the editorial office.

СОДЕРЖАНИЕ

К 180-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АНАТОЛИЯ ФЕДОРОВИЧА КОНИ

Приветственное слово Министра юстиции Российской Федерации
К. А. Чуйченко..... 10

Александрова О. И.

Вклад Анатолия Федоровича Кони в развитие и популяризацию
гуманитарных наук..... 12

Кодинцев А. Я., Рыбин Д. В.

Анатолий Федорович Кони о гражданском праве
и гражданском процессе..... 21

Лавров В. В.

Анатолий Федорович Кони о прокурорской деятельности
в России XIX – начала XX вв. 29

Борисова Т. Ю.

Милостивый государственный суд как отражение
христианских воззрений А. Ф. Кони 41

Баишева З. В.

Композиционные особенности обвинительных речей А. Ф. Кони 54

Аверин М. Б., Никитин П. В., Оганесян Р. Г.

Право в художественном наследии Анатолия Федоровича Кони 71

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА. ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ
ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Шаталов Е. А.

Сага как источник познания институтов обычного права
средневековой Исландии эпохи викингов: к вопросу
о некоторых современных науковедческих проблемах
отечественной историко-юридической науки..... 81

ПУБЛИЧНОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

Кондратьев В. А.

Отдельные проблемы обращения взыскания на предмет залога
в судебном порядке и способы их решения.....89

Пастухова С. С.

О возможности участия несовершеннолетнего
в качестве переводчика в гражданском процессе.....98

Рустикова Г. С.

Правовая природа цифровой трансформации образования..... 106

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

Абросимов А. В.

Некоторые аспекты применения гражданско-правового
принципа добросовестности при определении
приобретательной давности 117

Филиппов С. А., Толочкова И. А.

К вопросу о договоре целевого обучения: прикладные аспекты..... 125

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ: ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Акимова Н. В.

Краткий аналитический обзор состояния криминальной сферы
современного российского общества..... 135

Воротилина Т. В., Иванченко Е. А., Шульженко И. С.

Стадия судебного следствия для государственного обвинителя:
к вопросу о значении надлежащей подготовки
и инициативного участия 143

Погорельский А. А.

Проблемы совершенствования производства
в порядке гл. 40 УПК РФ..... 157

ОКАЗАНИЕ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ
И ПРАВОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ. ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.
РЕКОМЕНДАЦИИ ПРАКТИКУЮЩИХ ЮРИСТОВ

Ушаков А. А.

Изготовление индивидуальных медицинских изделий
с использованием 3D-печати 170

ТРУДЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Тарова В. З.

Правовые подходы к определению понятия
«национальное меньшинство» в международно-правовых актах..... 179

Хандрыга Д. О.

Правовое регулирование биометрических персональных данных
в Российской Федерации..... 191

Харитонов В. С.

Научные подходы к исследованию истории вигилантизма 202

Шушеначев А. В.

Цифровые технологии в уголовном процессе: проблемы и риски 214

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ, ПЕРСОНАЛИИ

Кирсанова Е. В.

Обзор итогов проведения XVII международной научно-практической
конференции «Державинские чтения», посвященной 280-летию
со дня рождения Г. Р. Державина 230

CONTENT

TO THE 180TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF ANATOLY FEDOROVICH KONI

Welcoming Speech by the Minister of Justice of the Russian Federation K. A. Chuychenko.....	10
--	----

Olga I. Alexandrova

Anatoly Fedorovich Koni's Contribution to the Development and Popularization of the Humanities.....	13
--	----

Alexander Ya. Kodintsev, Danil V. Rybin

Anatoly Fedorovich Koni on Civil Law and Civil Procedure	22
--	----

Veniamin V. Lavrov

Anatoly Fedorovich Koni about Prosecutorial Activities in Russia of the 19 th – Early 20 th Century.....	30
---	----

Tatiana Yu. Borisova

The Merciful State Court as a Reflection of the Christian Views of A. F. Koni	42
--	----

Zilya V. Baisheva

Compositional Features of A. F. Koni's Accusatory Speeches.....	55
---	----

Mikhail B. Averin, Pavel V. Nikitin, Roman G. Oganessian

Law in the Artistic Heritage of Anatoly Fedorovich Koni	72
---	----

PHILOSOPHY OF LAW. LEGAL POLICY. THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

Evgeny A. Shatalov

Saga as a Source of Knowledge of Customer Law Institutions of Medieval Iceland of the Viking Age: On Some Modern Scientific Problems of Domestic Historical and Legal Science	82
---	----

PUBLIC AND INTERNATIONAL LAW: THEORY AND PRACTICE OF APPLICATION

Vladimir A. Kondratyev

Some Problems of Foreclosure on the Subject of Collateral
in Judicial Procedure and Ways of Solving Them..... 90

Svetlana S. Pastukhova

On the Possibility of Participation of a Minor as an Interpreter
in Civil Proceedings 99

Galina S. Rustikova

The Legal Nature of the Digital Transformation of Education..... 107

ACTUAL ISSUES OF PRIVATE LAW

Anton V. Abrosimov

Some Aspects of the Application of the Civil Law Principle of Good Faith
in Determining the Limitation Period..... 118

Sergey A. Filippov, Irina A. Tolochkova

On the Targeted Training Agreement: The Applied Aspects 126

CRIMINAL LEGAL SCIENCES: LEGISLATION, THEORY AND PRACTICE

Natalia V. Akimova

A Short Analytical Review of the Condition of the Criminal Sphere
of the Modern Russian Society..... 136

Tatiana V. Vorotilina, Elena A. Ivanchenko, Irina S. Shulzhenko

The Stage of Judicial Investigation for the Public Prosecutor:
On the Importance of Proper Preparation and Proactive Participation 144

Andrey A. Pogorelsky

Problems of Improving Production in accordance with Chapter 40
of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation..... 158

PROVISION OF FREE LEGAL AID AND LEGAL EDUCATION OF THE POPULATION.
LEGAL EDUCATION. RECOMMENDATIONS OF PRACTICING LAWYERS

Andrey A. Ushakov

Manufacturing of Customized Medical Devices Using 3D Printing..... 171

PROCEEDINGS OF YOUNG SCIENTISTS

Valeria Z. Tarova

Legal Approaches to the Definition of the Concept of “National Minority”
in International Legal Acts 180

Dmitry O. Khandryga

Legal Regulation of Biometric Personal Data in the Russian Federation 192

Vyacheslav S. Kharitonov

Scientific Approaches to the Study of the History of Vigilantism 203

Alexey V. Shushenachev

Digital Technologies in Criminal Proceedings: Problems and Risks 215

REVIEWS, PERSONALITIES

Ekaterina V. Kirsanova

Review of the Results of the XVII International Scientific
and Practical Conference “Derzhavinskie Readings” Dedicated
to the 280th Anniversary of the Birth of G. R. Derzhavin..... 231

**ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО
МИНИСТРА ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
К. А. ЧУЙЧЕНКО**

В феврале 2024 г. исполняется 180 лет со дня рождения Анатолия Кони – выдающегося юриста-практика и ученого в области уголовного права, непревзойденного мастера ораторского искусства, литературоведа, публициста и, что не менее важно, прямого и бескомпромиссно честного человека, который на протяжении своей служебной и общественной деятельности отстаивал идеалы справедливости.

Вся жизнь Анатолия Кони являет собой высокий пример полной отдачи своему делу, а его научное и духовное наследие и по сей день не потеряло своего значения. Он был и по праву остается миссионером принципов этики, морали и гуманизма, неукоснительное соблюдение которых лежит в основе совершенствования современной российской правовой системы, укрепления государственности и обеспечения верховенства закона.

Анатолий Федорович внес значимый вклад в становление отечественной юридической науки, став одним из учредителей университетского Санкт-Петербургского юридического общества. На должности прокурора он руководил расследованием наиболее сложных и запутанных дел Российской империи, принимал участие в уголовном процессе в качестве судьи, защищая правовые интересы общества и справедливость. При этом он не забывал о личности подсудимых, считая, что помимо соблюдения правовых норм в судопроизводстве важно следовать принципам гуманности и нравственности, не унижать человеческое достоинство.

Отдельно стоит отметить активное участие Анатолия Кони в формировании уголовно-правовой политики государства, содержание которой во все времена определяло эффективность действия уголовного закона и влияло на снижение уровня преступности в обществе. Работая в департаментах Правительствующего Сената, Анатолий Федорович участвовал в развитии имперского уголовного права. Так, при Кони в законодательство был внесен ряд важных поправок, в частности были отменены телесные наказания для ссыльных женщин, смягчена ответственность несовершеннолетних, а также были изменены правила о совокупности и повторении преступлений.

Анатолия Федоровича всегда волновали человек и острые социальные проблемы, с которыми он сталкивался. Он был неравнодушен к нуждам тех, кто обращался к нему за помощью, твердо отстаивал российские традиционные духовно-нравственные ценности, основанные на порядочности, человеколюбии и милосердии.

В настоящее время этико-философский подход Кони приобретает особую актуальность практического применения в правовой деятельности. Продолжая дело выдающегося юриста, Министерство юстиции РФ сегодня решает целый комплекс задач, связанных как с общим развитием уголовно-исполнительной системы, так и с совершенствованием законодательства для ее гуманизации. Минюст России также проводит работу в направлении гуманизации уголовного законодательства, в частности готовит проект Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации, одной из приоритетных задач которого является расширение оснований для назначения наказаний, не связанных с лишением свободы.

Отрадно, что с каждым годом интерес к многогранной личности Анатолия Кони возрастает. Его нравственные принципы – эмпатия, этика и мораль остаются основными постулатами современного юриста в условиях меняющегося мироустройства. Без сомнения, именно они сегодня должны задавать планку не только современным работникам юстиции, но и рядовым гражданам нашей страны.

Министр юстиции Российской Федерации
К. А. Чуйченко

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-12-20>

ВКЛАД АНАТОЛИЯ ФЕДОРОВИЧА КОНИ В РАЗВИТИЕ И ПОПУЛЯРИЗАЦИЮ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Ольга Ивановна Александрова

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

rpa@rpa-mjust.ru

Аннотация

Анатолий Федорович Кони – выдающийся юрист России, гуманист и этик – посвятил свою жизнь российскому народу. Образование и литературный дар позволяли ему заниматься популяризацией знаний в форме научно-популярных работ и докладов, в стенах учебных заведений, в общественных организациях, парламенте, на страницах различных изданий. В исследовании популяризаторской деятельности Кони использован системный подход. Широкий обзор популяризаторской деятельности Кони является научно новым и позволяет достичь цели формирования представлений о масштабе научной пропаганды А. Ф. Кони. Безупречный высокоморальный «этический» характер Кони через его труды влияет на юристов современной России, его идеи проникли в процессуальные кодексы нашей страны, его представления о сочетании законности с моралью находятся в основе преподавания права, а идея постепенной модернизации с соблюдением принципов морали и законности влияет на современную политическую систему России.

Ключевые слова: А. Ф. Кони; популяризация науки; легалисты; дидактика; Государственный Совет; трудовая помощь; судебная этика; врачебная этика; девиации; свобода совести; судебная психиатрия; суицид.

Для цитирования: Александрова О. И. Вклад Анатолия Федоровича Кони в развитие и популяризацию гуманитарных наук // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 1. С. 12–20. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-12-20>

Research Article

ANATOLY FEDOROVICH KONI'S CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT AND POPULARIZATION OF THE HUMANITIES

Olga I. Alexandrova

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St.,
Moscow, 117638, Russia
rpa@rpa-mjust.ru

Abstract

Anatoly Fedorovich Koni, an outstanding Russian lawyer, humanist and ethicist, dedicated his life to the Russian people. Education and literary gift allowed him to popularize knowledge in the form of popular scientific works and reports, within the walls of educational institutions, in public organizations, parliament, and on the pages of various publications. A systematic approach was used in the study of Koni's popularization activities. A broad overview of Koni's popularization activities is scientifically new and allows us to achieve the goal of forming ideas about the scale of Koni's scientific propaganda. The impeccable, highly moral "ethical" character of Koni, through his works, influences the lawyers of modern Russia, his ideas have penetrated into the procedural codes of our country, his ideas about the combination of legality and morality are the basis of teaching law, and the idea of gradual modernization in compliance with the principles of morality and legality influences modern political system of Russia.

Keywords: A. F. Koni; popularization of science; legalists; didactics; State Council; labor assistance; judicial ethics; medical ethics; deviations; freedom of conscience; forensic psychiatry; suicide.

For citation: *Alexandrova O. I. Anatoly Fedorovich Koni's Contribution to the Development and Popularization of the Humanities. Herald of the Russian Law Academy, 2024, no. 1, pp. 12–20. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-12-20>

Введение

Анатолий Федорович Кони – знаменитый юрист – известен нам как судебный оратор, прокурор и судья. Гораздо меньше или совсем он неизвестен как ученый, политик и общественный деятель. А между тем он проявил себя в этих областях самым активным образом. Как ученый он является создателем практической этики (философия права); как политик он был негласным лидером либеральных юрис-

тов (легалистов) и влиял на деятельность праволиберальных партий России; как общественный деятель он входил в десятки общественных организаций, возглавлял несколько из них и реализовывал через них свои этические идеи.

Одной из важнейших сфер деятельности Анатолия Федоровича была его популяризаторская работа. Глубоко интересуясь всеми гуманитарными знаниями, Кони изучал современные ему достижения науки: юридические, исторические, этнографические, лингвистические, психологические, философские, антропологические, психиатрические, религиоведческие, литературоведческие. Огромный интеллектуальный и практический багаж знаний расширял кругозор юриста, позволял ему быстро ориентироваться в разных проблемах, сопоставлять данные, быстро их комбинировать. В итоге такой кругозор возвышал Кони над современниками, он представлялся вроде универсального специалиста, почти энциклопедиста.

Переполненный этими знаниями, имея склонности к дидактике, Анатолий Федорович стремился их распространять, просвещать и помогать людям, прежде всего юристам, понять, как разнообразен и интересен мир, в котором они живут. Тяга к распространению знаний у Кони носила постоянный, но неплановый характер. Как правило, нехватка времени и плохое здоровье ограничивали его устремления.

1. Общественная деятельность как инструмент популяризации знаний

В первую очередь Анатолий Федорович стремился распространять научно-практическую информацию в учебных заведениях. В 1876–1883 гг. он вел лекции в Училище правоведения, с 1901 г. преподавал в Александровском лицее. Главным образом вел занятия по этике и уголовному процессу. Одновременно Анатолий Федорович давал сотни публичных лекций по праву и общественным проблемам в различных обществах («Маяк» и пр.). После 1917 г. он целиком сосредоточился на преподавании. Вел занятия в Институте живого слова, Железнодорожном университете, Клиническом институте, Петроградском университете. Были прочитаны буквально тысячи лекций.

Следующим направлением популяризации научных знаний стала пропаганда знаний на публичных мероприятиях и в общественных выступлениях.

Обилие общественных организаций, в которых состоял сенатор, поражает. Он был членом нескольких юридических обществ, Российского общества защиты женщин, Попечительства о трудовой помощи и нескольких попечительств трудолюбия, Медицинского Совета МВД, нескольких обществ грамотности, нескольких психологических обществ, Академии Наук, ряда литературных обществ (любителей словесности, тургеневского общества, библиотечного общества, пушкинского общества и пр.), общества ревнителей истории, Исторического общества и пр., а также председателем попечительного комитета помощи участникам и жертвам войны, председателем Благотворительного общества судебного ведомства, членом общества попечения о семьях ссыльно-каторжан, директором Санкт-Петербургского попечительного о тюрьмах общества и пр.

На рубеже веков сенатор был вовлечен в борьбу за защиту детей (попечительство о трудовой помощи). Кроме активного участия он опубликовал серию пламен-

ных статей, где эмоционально критиковал семейные и общественные деформации, негативно влияющие на детей. Первой работой такого рода стала публикация «Задачи трудовой помощи» (1898). Сцены насилия над детьми, которые автор преподносит, со всей силой своего литературного таланта, могут вызвать дрожь.

В ряде публикаций в начале XX в. Анатолий Федорович с позиций моралиста активно выступал против пополнения государственной казны с помощью «неэтичных» доходов: от пьянства, от тотализатора и пр. Совокупность публицистических трудов против социальных девиаций нашла свое полное выражение в работах, вышедших в 1922 г.: «Этика публичных мероприятий» и «Нравственность и государственные доходы». Кони концентрировал свое внимание на анализе влияния на общество публичных мероприятий, а именно бокса, атлетики, акробатических упражнений, цирковых представлений по укрощению хищных зверей, боя быков, охоты ради забавы, публичного исполнения смертной казни, принудительной работы в колониях под страхом жестоких и истязующих наказаний, зверское отношение к врагам во время войн. Автор говорит о прямой жестокости зрелищ, равнодушном отношении к животным, утонченной жестокости преступлений, совершаемых с мстительной обдуманностью, жестоких расправах с врагами и работниками в колониях. Автор обращал внимание на обесценивание значения труда в жизни человека в обществе, акцент на развлечениях и всякого рода наслаждениях. Жестокие публичные зрелища вредно влияли на душу и духовное развитие детей и подростков, женщин [1, с. 5–11; 2, с. 15–18].

Анатолий Федорович рассмотрел этические основы способов пополнения государственного бюджета с помощью казино, азартных игр, тотализаторов, коневодства и скачек, питейного дела. Эти язвы на теле государства знаменитый юрист призывал лечить немедленно, запрещая одни формы и устанавливая особые правила для других.

Вообще, как кажется, не было почти ни одной социальной проблемы, которую не миновал бы выдающийся юрист. Публично, в общественных организациях, Государственном Совете, Кони пламенно выступал против проституции, против пьянства. Подробно описывая пути решения проблем, Анатолий Федорович одновременно объяснял обществу все аспекты зла, выступал важным спикером, задающим социальные настроения, отторгающие девиации [3, с. 697–703; 4, с. 773–795; 5, с. 522–538]. Энергично Анатолий Федорович в публичных мероприятиях (в Государственном Совете, на заседаниях Российского общества защиты женщин и пр.) отстаивал права и интересы женщин. При этом он выступал за постепенное уравнивание прав мужчин и женщин, без форсирования процесса [6, с. 192–202].

Большую общественную деятельность Анатолий Федорович провел в борьбе за реализацию свободы совести в России. В 1890-е гг. в разгар гонений на сектантов и иноверцев обер-прокурор Уголовно-кассационного департамента Сената шел иногда на игнорирование закона ради защиты духовных прав неправославных подданных империи. В последующие годы Анатолий Федорович неоднократно публично защищал религиозные группы православных сектантов, штундистов, униатов, протестантов, иудеев. Кроме периодической печати он часто выступал в стенах Госсовета, отстаивая принципы свободы совести [7, с. 511–592; 8, с. 443–510].

2. Научно-популярные работы А. Ф. Кони

Третьим направлением стала активная публикационная деятельность Анатолия Федоровича. С 1870-х гг. стали выходить его научно-популярные публикации. Первые работы были неловкими, «корявыми», носили отпечаток стилистики судебного работника, были похожи на отчеты, элементы судебных актов и пр. Кони это понимал и выработал практику работы с научным материалом. Сначала он прочитывал и конспектировал всю литературу по проблеме. Путем переписки он собирал точки зрения специалистов, которые давали ему советы, присылали статьи, в том числе зарубежные, по интересующим вопросам. Он, в свою очередь, отправлял им образцы своих статей. Анатолий Федорович бесчисленное количество раз менял формулировки. После обработки заметок Кони готовил проект статьи, годами ее переделывал (до 20 лет) и лишь после этого публиковал. Некоторые статьи, которыми Анатолий Федорович не был удовлетворен, так и не были опубликованы [9, с. 8].

Работы начала XX в. отличаются высоким качеством, тщательно проработаны, изложены прекрасным литературным слогом, читаются почти как литературное произведение. Именно поэтому Кони так популярен. Отлично владея русским языком, сенатор готовил очень хорошие научно-популярные труды. Это была превосходная публицистика, доступная многим людям, объясняющая простыми словами сложные гуманитарные вопросы.

Многие научно-популярные работы Анатолия Федоровича и по прошествии 120 лет не утратили своей новизны и актуальности. Они оказали большое влияние на российское общество. Трудно найти сопоставимые по уровню и качеству научно-популярные работы, адаптированные для юристов.

Откровением для юристов и врачей стали первые опубликованные работы Анатолия Федоровича по этике: «Нравственные начала в уголовном процессе» (1902), «О врачебной тайне» (1902), «Общие черты судебной этики» (1902). Впоследствии эти работы неоднократно переиздавались и широко известны юридической общественности. Эти труды носили дидактический (педагогический, по словам Кони), научно-популярный характер, были насыщены примерами и состояли из многих мелких нюансов судебной/врачебной деятельности при разрешении этических проблем. Нормы судебной этики Кони распространял на всех участников судебного процесса [10; 11, с. 3–44].

В первой работе по проблемам врачебной этики – «О врачебной тайне» – Анатолий Федорович отмечал, что в отличие от Европы в России к началу XX в. не существовало понятия «врачебная тайна». Нарушение врачебной тайны по аналогии подводилось под отдельные статьи действующего законодательства. Трудно бывает определить объем и пределы врачебной тайны. Существовали бесконечные споры на эту тему. Анатолий Федорович подробно разбирал эти споры [12, с. 443–453]. Осталось несколько неопубликованных работ сенатора по данной теме.

Анатолий Федорович был очень заинтересован в распространении психологических и психиатрических открытий в российском обществе. С 1870-х гг. он внимательно отслеживал новые открытия в этих сферах и опубликовал ряд работ, в которых адаптировал эти знания в юриспруденции. Собственно, именно благодаря Кони и произошло проникновение психологических идей в правосудие. Здесь не-

возможно переоценить влияние Анатолия Федоровича. До сих пор эти работы читаются как увлекательное, практичное и современное научное пособие.

Первые работы по психиатрии, которые Анатолий Федорович апробировал на многочисленных юридических и медицинских собраниях, выходили с 1880-х гг. Проникновение некоторых радикальных идей в судебную психиатрию (школа Ломброзо) он подверг разгромной критике. С профессиональных позиций он критически разбирал все направления психиатрии XIX в. Впоследствии выходили работы: «Душевнобольные», «Сущие-глупые и умом прискорбные». В них перед нами предстает большая группа псевдо-больных, псевдо-здоровых, невинно-обвиненных и прочих лиц. Кони приходил к выводу: «Вообще, преступность относится к безумию, как красноречие к поэзии» [9, с. 121–122; 13; 14, с. 128–136].

С 1905 г. неоднократно переиздавалась его работа «Свидетели на суде» (далее «Свидетели и обвиняемые» и позже «Память и внимание»), где сенатор подробно описывал своеобразие свидетелей, их типы (темпераменты). Так, Анатолий Федорович подчеркивал своеобразие свидетелей по признакам пола, возраста, интеллектуальному уровню, физическим особенностям, национальностям и пр. Что интересно, практические замечания сенатора, основанные на большом личном опыте, тесно переплетались с современными ему психологическими знаниями. В итоге мы видим такую достоверную картину, что верим ей и можем ее использовать (и использовали/используем) в современной следственной и судебной практике [9, с. 88–94].

Мы видим глубокое погружение юриста в научные темы, прекрасное владение терминами и понимание основных достижений науки, личное переживание описываемых процессов, отличный практический опыт в названной сфере. Мы видим стремление к популяризаторству знаний, стремление быть «в тренде» с учеными, отсутствие личных научных открытий, иногда желание блеснуть знаниями.

Анатолий Федорович вполне осознавал пределы своих знаний в психологических и медицинских науках. Собственно, как любитель он дошел до границы своих возможностей в описании психопатологических явлений. Но психологом он быть не стремился. Главную функцию – пропаганду знаний – он выполнил. Его труды оказали на юристов большое влияние, открыли для них мир судебной психологии и психиатрии.

Одним из аспектов психологии, который живо интересовал Кони, была практика суицидов. Изучал эту проблему юрист много лет и распространил знания на эту тему только в 1920-е гг. Он опубликовал работу «Самоубийство в законе и жизни» [15] (1923; вариант: «Юридический и бытовой характер самоубийства»). Символом самоубийства наш гуманист выбрал «черное крыло смерти», образ, который он неоднократно эксплуатировал в своих работах. По мнению Анатолия Федоровича, причинами самоубийств были: одиночество, «борьба за существование», «пессимизм», одиночество, погодные условия и пр. Необходимо жить, необходимо (по Кони) умереть для себя (т.е. отказаться от эгоизма) и ожить для других [9, с. 100–104; 16, с. 36–77; 17, с. 454–457].

Интересы Анатолия Федоровича увлекали его далеко. Он отметился научно-популярными трудами по истории: «Отцы и дети судебной реформы (к 50-летию судеб-

ных уставов)» (1914), «История развития уголовно-процессуального законодательства» (1913), «Петр Великий и народное образование» (1915), «Новые меха и новое вино» (1892); религиоведению: «Из области религиозных исканий» (1912); литературоведению: «Мотивы и приемы творчества Некрасова (1921), «По поводу драматических произведений Толстого» (1911) и пр. [9, с. 134–135, 144, 238; 18, с. 275–278, 502–518]. Вышло множество научных работ по праву. В нашей публикации мы их не рассматриваем, так как их нельзя отнести к популярным изданиям.

Заключение

Сотни выступлений Анатолия Федоровича, сотни научно-популярных публикаций, участие в десятках общественных и государственных организаций создали ощущение всеобщности Кони, его универсальности. Казалось, что он почти везде и всюду. Аура его присутствия охватывала сотни или, возможно, тысячи людей. Он пользовался уважением у всех современников, кто его знал или о нем слышал. Даже потенциальные противники юриста никогда не написали о нем ничего плохого. Юбилеи Кони и посмертные мероприятия 1914–1916, 1924, 1927, 1928 гг. сопровождались многочисленными праздниками, банкетами, сотнями поздравлений и статей в печати.

Личный пример Анатолия Федоровича Кони вдохновляет наших современников. Его личные этические качества вкупе с его теорией этики служат образцом для тысяч юристов России. Его научно-популярные работы являются практическими пособиями для многих граждан. Убеждения Кони, основанные на идее Б. Н. Чичерина о примате законности, лежат в основе преподавания юриспруденции в вузах. Его представления о господстве практической этики консервативно-либеральной направленности влияют на российскую политическую систему.

После смерти выдающегося юриста осталась память, которая могла постепенно исчезнуть, если бы не сотни оставшихся работ. Их с удовольствием читали и читают советские/российские граждане. Для советских юристов работы Кони стали важнейшим, чуть ли не основным ориентиром в сферах нравственности, психологии, юридической этики, судебной психиатрической и медицинской экспертизы. Для медиков Кони стал одним из основоположников русской школы врачебной этики. Для филологов важным источником информации о личностях русских писателей. Поэтому Кони актуален и в наши дни, а плоды его всеобъемлющей деятельности продолжают оказывать дидактическое и воспитательное влияние на жителей нашей Родины.

Пристатейный библиографический список

1. Кони А. Ф. Нравственность и общественная жестокость // Артельное дело. 1922. № 5-8.
2. Кони А. Ф. Нравственность и государственные доходы // Артельное дело. 1922. № 5-8.
3. Лекция А. Ф. Кони (О задачах Российского общества защиты женщин в борьбе с проституцией) // Право. 1901. 22 марта.

4. Кони А. Ф. Попечение о народной трезвости // Вестник Европы. Т. VI. СПб., 1908.
5. Кони А. Ф. По вопросу об упразднении попечительств о народной трезвости в их настоящем виде / Кони А. Ф. На жизненном пути. Т. 2. СПб. : Тип. т-ва печ. и изд. дела Труд, 1912.
6. Рыбин Д. В. Общественно-политическая деятельность А. Ф. Кони : «Женский вопрос» в России // Вопросы истории. 2021. № 12-1.
7. Кони А. Ф. На жизненном пути. Т. 1. СПб. : Тип. т-ва печ. и изд. дела Труд, 1912.
8. Кони А. Ф. На жизненном пути. Т. 2. СПб. : Тип. т-ва печ. и изд. дела Труд, 1912.
9. Кодинцев А. Я., Рыбин Д. В., Штыкова Н. Н. Гуманитарные исследования Анатолия Федоровича Кони : монография / науч. ред. А. Я. Кодинцев. СПб. : Нестор-История, 2022.
10. Кони А. Ф. Общие черты судебной этики. СПб., 1902.
11. Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе / Кони А. Ф. Судебные речи. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1905.
12. Кони А. Ф. О врачебной тайне / Кони А. Ф. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 4. М. : Юрид. лит., 1967.
13. Кони А. Ф. Суце-глухие и умом прискорбные (Из воспоминаний судебного деятеля). Пг., 1922.
14. Кодинцев А. Я., Рыбин Д. В. Вопросы психологии и психиатрии в работах Анатолия Федоровича Кони // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2021. № 2 (82).
15. Кони А. Ф. Самоубийство в законе и жизни. М. : Право и жизнь, 1923.
16. Кони А. Ф. Юридический и бытовой характер самоубийства // Право и жизнь. 1923. № 1.
17. Кони А. Ф. Самоубийство в законе и жизни / Кони А. Ф. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 4. М. : Юрид. лит., 1967.
18. Кони А. Ф. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 6. М. : Юрид. лит., 1967.

References

1. Koni A. F. Morality and Social Cruelty. *Artel Business*, 1922, no. 5-8. (In Russ.)
2. Koni A. F. Morality and State Revenues. *Artel Business*, 1922, no. 5-8. (In Russ.)
3. Lecture by A. F. Koni (on the Tasks of the Russian Society for the Protection of Women in the Fight Against Prostitution). *Law*, 22 March 1901. (In Russ.)
4. Koni A. F. Care for People's Sobriety. In *Bulletin of Europe*. Vol. VI. St. Petersburg, 1908. (In Russ.)
5. Koni A. F. On the Abolition of Trustees for National Sobriety in Their Present Form. In *Koni A. F. On the Path of Life*. Vol. 2. St. Petersburg: Trud Printing House, 1912. (In Russ.)
6. Rybin D. V. Social and Political Activities of A. F. Koni: "Women's Issue" in Russia. *Questions of History*, 2021, no. 12-1. (In Russ.)
7. Koni A. F. On the Path of Life. Vol. 1. St. Petersburg: Trud Printing House, 1912. (In Russ.)
8. Koni A. F. On the Path of Life. Vol. 2. St. Petersburg: Trud Printing House, 1912. (In Russ.)

9. *Kodintsev A. Ia., Rybin D. V., Shtykova N. N.; Kodintsev A. Ia. (ed.). Humanitarian Studies of Anatoly Fedorovich Koni: Monograph. St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2022. (In Russ.)*
10. *Koni A. F. General Features of Judicial Ethics. St. Petersburg, 1902. (In Russ.)*
11. *Koni A. F. Moral Principles in Criminal Proceedings. In Koni A. F. Judicial Speeches. St. Petersburg, 1905. (In Russ.)*
12. *Koni A. F. On Medical Confidentiality. In Koni A. F. Collected Works. In 8 vols. Vol. 4. Moscow: Iuridicheskaja literatura, 1967. (In Russ.)*
13. *Koni A. F. Really Stupid and Deplorable in Mind (from the Memoirs of a Judicial Figure). Petrograd, 1922. (In Russ.)*
14. *Kodintsev A. Ia., Rybin D. V. Questions of Psychology and Psychiatry in the Works of Anatoly Fedorovich Koni. Bulletin of University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2021, no. 2 (82). (In Russ.)*
15. *Koni A. F. Suicide in Law and Life. Moscow: Pravo i zhizn, 1923. (In Russ.)*
16. *Koni A. F. Legal and Everyday Nature of Suicide. Law and Life, 1923, no. 1. (In Russ.)*
17. *Koni A. F. Suicide in Law and Life. In Koni A. F. Collected Works. In 8 vols. Vol. 4. Moscow: Iuridicheskaja literatura, 1967. (In Russ.)*
18. *Koni A. F. Collected Works. In 8 vols. Vol. 6. Moscow: Iuridicheskaja literatura, 1968. (In Russ.)*

Сведения об авторе:

О. И. Александрова – кандидат юридических наук, доцент, ректор.

Information about the author:

O. I. Alexandrova – PhD in Law, Associate Professor, Rector.

Статья поступила в редакцию 26.10.2023; одобрена после рецензирования 27.11.2023; принята к публикации 05.02.2024.

The article was submitted to the editorial office 26.10.2023; approved after reviewing 27.11.2023; accepted for publication 05.02.2024.

Научная статья
УДК 340
<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-21-28>

АНАТОЛИЙ ФЕДОРОВИЧ КОНИ О ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ И ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Александр Яковлевич Кодинцев¹

Данил Вячеславович Рыбин²

^{1,2} Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 199178, Россия, г. Санкт-Петербург, 10-я линия Васильевского острова, д. 19, лит. А

¹ balsak1@yandex.ru

² danilarybin@rambler.ru

Аннотация

В должности прокурора окружного суда и председателя департамента судебной палаты Анатолий Федорович Кони соприкасался с гражданско-правовыми делами и применял нормы гражданского процесса. Анатолий Федорович составил собственные представления об отдельных институтах права. Эти представления он отразил в ряде практических рекомендаций во второй половине XIX в. С учетом роли А. Ф. Кони в развитии права, изучение его цивилистического наследия является актуальным. В начале XX в. сенатор вернулся к проблемам права, выступая в стенах Государственного Совета империи, где энергично добивался расширения демократических принципов судопроизводства и реализации принципа равенства. Эволюция взглядов А. Ф. Кони в сфере гражданского права и процесса (что является целью данного исследования) прослеживается нами с помощью исторического метода. Он показывает, как эти взгляды усложнялись и развивались. В научной литературе занятия Кони частным правом и гражданским процессом никакого отражения не получили. Это определяет научную новизну исследования.

Ключевые слова: А. Ф. Кони; наследственное право; наследственная масса; права женщин; Государственный Совет; Сенат; землеустроительные комиссии.

Для цитирования: *Кодинцев А. Я., Рыбин Д. В.* Анатолий Федорович Кони о гражданском праве и гражданском процессе // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 1. С. 21–28. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-21-28>

Research Article

ANATOLY FEDOROVICH KONI ON CIVIL LAW AND CIVIL PROCEDURE

Alexander Ya. Kodintsev¹

Danil V. Rybin²

^{1,2} St. Petersburg Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice, 19, let. A 10th Line of the Vasilievsky Island, St. Petersburg, 199178, Russia

¹ balsak1@yandex.ru

² danilarybin@rambler.ru

Abstract

As a district court prosecutor and chairman of the department of the judicial chamber, Anatoly Fedorovich Koni came into contact with civil law cases and applied the norms of civil procedure. Anatoly Fedorovich formed his own ideas about individual legal institutions. He reflected these ideas in a number of practical recommendations in the second half of the 19th century. Taking into account the role of A. F. Koni in the development of law, the study of its civil heritage is relevant. At the beginning of the 20th century, the senator returned to the problems of law, speaking within the walls of the State Council of the Empire, where he energetically sought to expand the democratic principles of legal proceedings and implement the principle of equality. The evolution of views A. F. Koni in the field of civil law and civil procedure (which is the purpose of this study) are traced by us using the historical method. It shows how these views became more complex and developed. Koni's studies in private law and civil procedure have not received any reflection in the scientific literature. This determines the scientific novelty of the research.

Keywords: A. F. Koni; inheritance law; inheritance mass; women's rights; State Council; Senate; land management commissions.

For citation: *Kodintsev A. Ya., Rybin D. V.* Anatoly Fedorovich Koni on Civil Law and Civil Procedure. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 1, pp. 21–28. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-21-28>

Введение

Сфера гражданского права и гражданского процесса, изложенная в трудах Анатолия Федоровича Кони, почти не получила какого-либо отражения в исследованиях многочисленных ученых, занимающихся творчеством знаменитого юриста [1, с. 192–202]. Нам представляется это очень странным с учетом того, что к проблематике непубличного права Кони обращался на протяжении 50 лет. Специалистом в этой сфере он не являлся, но важность частного права понимал, переписывался с десятками цивилистов и считал важным популяризовать знания по праву и процессу. В нашей статье раскрывается эта сторона таланта выдающегося юриста. Разбираются гражданско-правовые и гражданско-процессуальные темы, поднятые Кони, за исключением авторского права [2, с. 65–72].

1. Правовой статус наследственного имущества и процессуальные аспекты применения наследственного права в трудах А. Ф. Кони в 1870-х–1880-х гг.

Впервые гражданским процессом Кони занялся на посту прокурора Санкт-Петербургского (далее также – СПб) окружного суда. На этом посту он столкнулся с нечеткостью норм гражданского процесса по делам о наследстве. 10 декабря 1871 г. прокурор направил большую записку (представление) своему начальнику, прокурору СПб судебной палаты В. А. Половцову. Тот направил документ в Минюст, а далее в законодательное отделение Минюста. Так возникло дело по вопросу о подсудности дел об утверждении в правах наследства. Суть вопроса состояла в нечетком определении подсудности по делам о вступлении (утверждении) в наследство по Уставу гражданского судопроизводства (далее – УГС) 1864 г. Эту подсудность СПб судебная палата и СПб окружной суд определяли по-разному, что приводило к серии конфликтов.

Статья 215 УГС предусматривала, что «иски о наследстве, споры наследников... предъявляются суду, в ведомстве коего открылось наследство». В качестве примера Кони приводил дело, поданное Абрамовой (владела имуществом в СПб, сама скончалась в Полтавской губернии). СПб окрсуд постановил в столице дело не открывать. СПб палата рассмотрела частную жалобу поверенного Абрамовой и нашла, что ст. 215 определяет место рассмотрения дела по месту нахождения имущества.

Санкт-Петербургский окрсуд был прав в том смысле, что наследственное дело, трактуя буквально ст. 215, могло быть открыто вообще в любом суде. Но, как правило, в суде той местности, где наследодатель умер (физически или юридически). При этом Кони ссылаясь на международную правовую практику, на международные договоры. В пользу мнения СПб палаты можно было сказать, что имущество могло находиться в подведомственности разных судов. Фактически статья позволяла открывать наследственное дело в нескольких судах сразу.

По мнению окружного прокурора, следовало согласиться, что дело должно было рассматриваться в ведомстве того суда, где дело было открыто. Выбор суда должен быть предоставлен усмотрению просителя. Возбуждение дел сразу же в нескольких судах привело бы к вредным последствиям. Решения судов будут противоречить друг другу, что вызовет правовой конфликт. Какой же суд лучше вы-

брать? Желательно, чтобы этот суд находился по месту постоянного жительства наследодателя. Там обычно находилось и большинство имущества.

Сразу же Кони предложил новую редакцию ст. 215 УГС:

«1. Просьбы об утверждении в правах наследства подаются тому суду, в ведомстве коего наследодатель имеет постоянное местожительства... Если место постоянного жительства наследодателя неизвестно, наследникам должен быть указан Московский окружной суд. Наследники могут просить о переводе дела в другой суд предъявив доказательства, что в ведомстве того суда наследодатель имел постоянное местожительства.

2. Просьбы об утверждении в правах наследства к имуществу лиц, имевших постоянное местожительство за границей, предъявляются: если наследодатель жил в одном из государств Азии – в Казанский окружной суд, а если наследодатель жил в остальных иностранных государств в Петербургский окружной суд».

31 июля 1872 г. прокурором СПб судебной палаты был составлен ответ на представление Кони. Указывалось, что в целом УГС страдает многими недостатками. В этой связи пересматривать отдельные нормы было бы нецелесообразно. Например, наследственное дело возбуждалось в участке того мирового судьи, где оно находится (ст. 1401 УГС), т.е. может быть возбуждено во всех участках, где оно имеется. Это порождало серию проблем.

Прокурор СПбОС предполагал местом открытия наследства или место смерти наследодателя, или место нахождения имущества. В силу ст. 1222 и 1104 Свода законов гражданских (ч. 1 т. X Свода законов Российской империи) наследственная масса представляет собой совокупность имущества, оставшегося после смерти наследодателя. Фактом перехода являлась смерть наследодателя, а следовательно, наследство должно открываться там, где совершилось это событие, т.е. в месте смерти наследодателя. Далее следовало неубедительное объяснение, что это связано с тем, что к наследникам переходили не только права, но и обязанности наследодателя.

Далее автор ответа писал, что при конкуренции норм надо было исключать те, которые являются неудобными (?). Производство о наследстве никак не отменяло ст. 212 УГС, согласно которой рассмотрение дела о недвижимом имуществе производится по месту его нахождения (?).

В итоге, по мнению Половцова, следовало принять следующую практику: дела о наследстве необходимо возбуждать в месте смерти наследодателя. Но наследники могли просить о переносе дела в место настоящего жительства наследодателя или место нахождения последнего оставшегося имущества. Если он умер за границей, производство осуществляется в округе, где наследодатель имел последнее настоящее местожительство [3, л. 1-18].

В 1882–1885 гг. Анатолий Федорович работал председателем гражданского департамента Санкт-Петербургской судебной палаты. На этом посту он в наибольшей степени погрузился в мир гражданского права. Судья не создавал и не стремился создавать новые толкования норм частного права. Тем не менее он выработывал вместе с коллегами новые стандарты отдельных институтов права. В том числе они определили институт пожизненного владельца завещанным имуществом

за долги наследодателя, характер права требования жены на содержание от мужа (по ст. 106 т. X Свода законов), установление законности рождения ребенка, определение круга наследников наследодателя, определение ответственности лиц за наступление ущерба в отношении подданных при авариях на железных дорогах, выяснение вопроса о возможности учредителя предприятия участвовать в прибылях организации. Интересно отметить, что разбирательства, инициированные Кони и обжалованные в Гражданский кассационный департамент Сената, обычно встречали поддержку в форме определений, устанавливающих новые границы судебной политики по тем или иным делам [4, с. 238–287].

Но все-таки при уважении к гражданскому праву Кони тосковал по любимому уголовному праву и уголовному процессу. Даже на посту председателя Гражданского департамента он просил и получал на рассмотрение уголовные дела, писал труды по уголовному процессу. В 1885 г. ему удалось вернуться к любимому публичному праву.

2. Уравнение наследственных прав мужчин и женщин

Прошло более 20 лет и, став членом Государственного Совета, Кони вновь вернулся в мир реформируемого гражданского права Российской империи. 3 февраля 1909 г. 33 депутата Государственной Думы внесли законодательное предположение об уравнении наследственных прав мужчин и женщин. По предложению Совета Министров Министерство юстиции переработало проект, ограничившись только наследственным правом. Проект предусматривал уравнение наследственных прав всех родственников мужского и женского пола. Вопрос об уравнении этих прав обсуждался в империи 150 лет. В западных губерниях это уравнение действовало со времен Речи Посполитой. Такая же правовая ситуация существовала почти во всех европейских странах. Россия оказывалась «изгоем» на фоне всеобщего уравнения прав двух полов. Либеральный проект в 1910 г. обсуждался в Государственной Думе и был принят большинством голосов [5, л. 1-58].

В 1912 г. в Государственном совете рассматривался законопроект «Об уравнении наследственных прав женщин», Кони принял активное участие в его обсуждении и вновь последовательно отстаивал расширение прав женщин, а именно равномерное с сыновьями наследование дочерьми родового имущества. Его оппоненты, отстаивая противоположную точку зрения, оперировали громкими, но абстрактными аргументами вроде того, что уравнение наследственных прав женщин противоречит «народному правосознанию» и сложившимся «бытовым воззрениям», «поставит женщин на не принадлежащее ей место». Кони же, формулируя свою позицию, основательно подготовился по этому вопросу и обратился к научным изысканиям в этой сфере и пришел к выводам, что правоприменительная практика в части наследования имущества в России довольно разнообразна. Устранение дочерей от равного с сыновьями наследования отнюдь не является повсеместной в крестьянской среде того времени. Кони подчеркивал, что наследственное право не отличалось единством и сочетало в себе родовое и трудовое начало в наследовании крестьян. И в этой связи, по его мнению, говорить о «едином народном правосознании» в этом вопросе нельзя [6, с. 583–586]. Кони критич-

но оценивал мнение о некоем отличии женского духовного мира от мужского. Вся так называемая отсталость женщин обусловлена их низким социально-экономическим положением и, зачастую, отсутствием имущества. Рассуждения о том, что наследование женщиной родовых имуществ вообще не имеет серьезного основания. Женщина может быть не менее хозяйственной, чем мужчина. Аргументация Кони в этом вопросе отличалась научным подходом, ссылками на авторитетных ученых, стройностью мысли и логики размышлений. Его оппоненты смогли ему противопоставить лишь общие фразы о том, что различие между мужчиной и женщиной, закреплено природой, признано и освящено вековыми устоями общественного строя.

Анатолий Федорович возражал против любых попыток затормозить принятие законопроекта. Так, он отверг аргумент о переносе вопроса о наследственных правах женщин до принятия Гражданского уложения, которое рассматривалось уже десятки лет.

В полемике Кони вновь затрагивал социально-экономические предпосылки расширения прав женщин, совершенно справедливо констатируя, что общественный строй России перестраивается на началах личного труда и данный процесс экономически неизбежен для женщины. Кони считал несправедливым ограничивать женщину чернорабочим трудом прислуги или компаньонки. Для квалифицированного женского труда необходимо образование и специальная подготовка, продолжал Кони, а следовательно, материальные средства и сама логика приводит к уравнению в отношении этих средств братьев и сестер [7, с. 585]. Таким образом, Кони связывал необходимость получения образования девушкой (например, осиротевшей) с ее наследственной долей. Наконец Кони-гуманист взывал к совести, говорил о тяжелом положении, в котором находятся обездоленные дочери и ради справедливости призывал уравнивать женщин в наследственных правах с мужчинами. Второе выступление Кони в Государственном совете по уравниванию женщин в наследственных правах отличалось эмоциональностью, яркостью приводимых образов и безупречной аргументацией. В конечном счете наследственные права были женщинам предоставлены.

3. Проекты по реформе гражданского процесса в Государственном Совете в 1910–1911 гг.

В очередной раз к гражданскому процессу Кони обратился в 1910 г. В Госсовете обсуждался небольшой законопроект об отмене прокурорских заключений по гражданским делам. По этому вопросу сенатор сделал доклад 8 декабря 1910 года. С первых же слов сенатор ставил вопрос о случаях, когда возникает необходимость в прокурорских заключениях. Это дела беззащитных лиц, умалишенных, малолетних и лиц, страдающих тяжелыми недугами. Дворянская опека, сиротские суды – обветшавшие учреждения. Преступления опекунов не были редкостью. Подопечные часто оказывались пострадавшими. Утверждения, что де прокуроры не знают гражданское право, не соответствовали действительности. Анатолий Федорович приводил примеры прокуроров специалистов в гражданском праве и процессе. Сенатор приводил необычный довод в пользу присутствия прокурора. Как прави-

ло, судьи по гражданским делам специализируются по ним всю жизнь. Прокуроры, напротив, – специалисты по уголовным делам и в ходе гражданского процесса могли выявить признаки уголовного преступления в цивилистических делах. Так, судья оказывался нуждающимся в мнении криминалиста. Процессуальное неудобство в привлечении прокурора вообще не выдерживало никакой критики и было легко устранимо. Прокурор остался жизненно важным участником гражданского процесса. Законопроект был отклонен [7, с. 670–675].

Новый проект по изменению гражданского процесса поступил в Госсовет в 1911 г. Споры по земельным делам разрешались в губернских землеустроительных комиссиях. Их решения обжаловались в Сенат (2-й департамент). Возник проект отмены этого обжалования. В своем докладе 2 апреля Анатолий Федорович выступил против отмены кассации по земельным делам. Во-первых, он задавался вопросом, зачем вообще отменять кассацию? Во-вторых, устранение Сената означало потерю единства кассационной практики по судебным делам, т.е. утерю единой судебной политики. Введение земских участковых начальников уже привело к разрушению единой практики. Предложение ввести в губернские землеустроительные комиссии членов окружного суда являлось паллиативом и не устраняло пестроту кассационной практики. Конечно, сообщал Кони, решения 2-го департамента и кассационных департаментов Сената для комиссий не имели обязательной силы, но имели силу нравственную и создавали общую кассационную практику как руководство к действию всех органов власти. При этом он указывал, что попытка заменить кассацию на надзор являлась плохой идеей. Все мелкие соображения по необходимости отмены кассации Кони отбрасывал как несерьезные [8, с. 707–711].

Заключение

Разнородные и разновременные высказывания Анатолия Федоровича имели определенное научное значение для развития гражданского права и процесса в империи. Но в большей степени они имели социально-психологическое значение. Обращаясь к обществу, Кони неоднократно подчеркивал важность частного права. Он настаивал на необходимости его развития и приведения в соответствие с европейскими стандартами. По оценке самого Кони, такое развитие происходило, и Россия, таким образом, постепенно европеизировалась, приближалась к современным стандартам права.

Пристатейный библиографический список

1. *Рыбин Д. В.* Общественно-политическая деятельность А. Ф. Кони : «Женский вопрос» в России // Вопросы истории. 2021. № 12-1.
2. *Кодинцев А. Я., Штыкова Н. Н.* Авторское право в трудах А. Ф. Кони // Хозяйство и право. 2022. № 4.
3. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1364. Оп. 15. Д. 114. Л. 1-18.
4. *Кони А. Ф.* Гражданские дела / *Кони А. Ф.* Собрание сочинений : в 8 т. Т. 1. М. : Юрид. лит., 1966.

5. РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 59. Л. 1-58.
6. *Кони А. Ф. Уравнение наследственных прав женщин / Кони А. Ф. На жизненном пути. Т. 2. СПб. : Тип. т-ва печ. и изд. дела Труд, 1912.*
7. *Кони А. Ф. Отмена прокурорских заключений по гражданским делам / Кони А. Ф. На жизненном пути. Т. 2. СПб. : Тип. т-ва печ. и изд. дела Труд, 1912.*
8. *Кони А. Ф. Землеустройство и кассация / Кони А. Ф. На жизненном пути. Т. 2. СПб. : Тип. т-ва печ. и изд. дела Труд, 1912.*

References

1. *Rybin D. V. Social and Political Activities of A. F. Koni: "Women's Issue" in Russia. Questions of History, 2021, no. 12-1. (In Russ.)*
2. *Kodintsev A. Ia., Shtykova N. N. Copyright in the Works of A. F. Koni. Economy and Law, 2022, no. 4. (In Russ.)*
3. Russian State Historical Archive (hereinafter RSHA), f. 1364, op. 15, d. 114, l. 1-18. (In Russ.)
4. *Koni A. F. Civil Cases. In Koni A. F. Collected Works. In 8 vols. Vol. 1. Moscow: Iuridicheskaja literatura, 1966. (In Russ.)*
5. RSHA, f. 1276, op. 6, d. 59, l. 1-58. (In Russ.)
6. *Koni A. F. Equalization of Women's Inheritance Rights. In Koni A. F. On the Path of Life. Vol. 2. St. Petersburg: Trud Printing House, 1912. (In Russ.)*
7. *Koni A. F. Cancellation of Prosecutor's Opinions in Civil Cases. In Koni A. F. On the Path of Life. Vol. 2. St. Petersburg: Trud Printing House, 1912. (In Russ.)*
8. *Koni A. F. Land Management and Cassation. In Koni A. F. On the Path of Life. Vol. 2. St. Petersburg: Trud Printing House, 1912. (In Russ.)*

Сведения об авторах:

А. Я. Кодинцев – доктор юридических наук, профессор.
Д. В. Рыбин – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the authors:

A. Ya. Kodintsev – Doctor of Law, Professor.
D. V. Rybin – PhD in History, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 26.10.2023; одобрена после рецензирования 29.11.2023; принята к публикации 05.02.2024.

The article was submitted to the editorial office 26.10.2023; approved after reviewing 29.11.2023; accepted for publication 05.02.2024.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-29-40>

АНАТОЛИЙ ФЕДОРОВИЧ КОНИ О ПРОКУРОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Вениамин Владимирович Лавров

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры РФ, 191014, Россия, г. Санкт-Петербург, Литейный пр., д. 44
gpdprokurator@rambler.ru

Аннотация

А. Ф. Кони почитается потомками как блестящий оратор, специализирующийся на поддержании государственного обвинения. Целью настоящей статьи является попытка представить обзор работ А. Ф. Кони, в которых он затрагивал вопросы прокурорской деятельности в Российской империи, и показать трансформацию института дореволюционной прокуратуры в советскую Россию. При проведении исследования были использованы историко-сравнительный и системный методы. В работе проанализирован материал о «прокурорских буднях» пореформенного периода в воспоминаниях А. Ф. Кони, а также трудах более позднего периода, где отмечается соединение в лице советского прокурора функций обвинителя и надзора вне сферы уголовного преследования. Новизна статьи заключается в оценке принципов работы прокуратуры в пореформенный и советский период на основе наименее исследованных в указанном ключе работ А. Ф. Кони. Выдающийся юрист рассматривал прокуратуру как полифункциональный орган, сочетающий в себе полномочия по осуществлению уголовного преследования и осуществлению надзора вне уголовно-правовой сферы.

Ключевые слова: прокуратура; обвинение; судопроизводство; ораторское искусство; прокурорский надзор; судебное следствие; Российская империя; реформы.

Для цитирования: Лавров В. В. Анатолий Федорович Кони о прокурорской деятельности в России XIX – начала XX вв. // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 1. С. 29–40. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-29-40>

Research Article

ANATOLY FEDOROVICH KONI ABOUT PROSECUTORIAL ACTIVITIES IN RUSSIA OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURY

Veniamin V. Lavrov

St. Petersburg Law Institute (Branch) of University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 191014, St. Petersburg, Liteinyi Ave., 44
gpdprokuror@rambler.ru

Abstract

A. F. Koni is revered by descendants as a brilliant speaker specializing in maintaining public prosecution. The purpose of this article is an attempt to present an overview of the works of A. F. Koni, in which he touched upon the issues of prosecutorial activity in the Russian Empire and to show the transformation of the institute of pre-revolutionary prosecutor's office in Soviet Russia. Historical-comparative and systematic methods were used in the research. The paper analyzes the material about the "prosecutor's everyday life" of the post-reform period in the memoirs of A. F. Koni, where he notes the connection in the person of the Soviet prosecutor of the functions of the prosecutor and supervision outside the sphere of criminal prosecution. The novelty of the article lies in an attempt to form a new view of the work of the prosecutor's office of various historical periods and to assess the role of continuity in the implementation of its main tasks in modern conditions. A. F. Koni considered the prosecutor's office as a multifunctional body combining the powers to carry out criminal prosecution and supervision outside the criminal legal sphere.

Keywords: prosecutor's office; prosecution; judicial proceedings; public speaking; prosecutor's supervision; judicial investigation; Russian Empire; reforms.

For citation: *Lavrov V. V. Anatoly Fedorovich Koni about Prosecutorial Activities in Russia of the 19th – Early 20th Century. Herald of the Russian Law Academy, 2024, no. 1, pp. 29–40. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-29-40>*

Введение

Творческое наследие А. Ф. Кони привлекало к себе внимание представителей многих отраслей научного знания [1, с. 51–64].

Анатолий Федорович Кони внес значительный вклад в развитие русской литературы, за что был удостоен звания почетного члена Санкт-Петербургской академии наук. Разработки А. Ф. Кони проблем нравственности применительно к уго-

ловному судопроизводству дают полное основание включить его труды в тезаурус российской философской мысли [1, с. 65–84].

Однако основная часть профессиональной и творческой деятельности А. Ф. Кони была связана с наукой о праве и юридической практикой.

Согласно данным послужного списка А. Ф. Кони занимал различные государственные должности, связанные со многими направлениями в юриспруденции: в последние годы нахождения на государственной службе он, будучи, членом Госсовета Российской империи занимался законотворчеством, до этого, будучи сенатором, участвовал в отправлении правосудия в составе высшей судебной инстанции. Был период, когда А. Ф. Кони занимал судебские должности (председательствующего в Окружном суде и в Судебной палате). Но самый длительный по времени период нахождения А. Ф. Кони на государственной службе был связан с прокуратурой, в которой он прошел практически всю служебную лестницу от секретаря прокурора Московской судебной палаты, товарища окружного прокурора, прокурора сначала Казанского, а затем Санкт-Петербургского судебного округа и дослужился до обер-прокурора кассационного департамента Правительствующего Сената [2, с. 210–213]. В 1906 г. А. Ф. Кони было предложено занять должность министра юстиции (генерал-прокурора) в кабинете министров по предложению П. А. Столыпина. Однако, взвесив все аргументы *pro et contra*, Анатолий Федорович отказался [3, с. 360–376].

Следует отметить, что «прокурорская» составляющая биографии и творческого наследия А. Ф. Кони недостаточно представлена в научной литературе. Отдельно изучались его идеи, касающиеся прокурорской этики применительно к современным реалиям [4, с. 89–96]. Обращались исследователи также и к анализу вклада Анатолия Федоровича в развитие судебного красноречия [5, с. 185–186; 6, с. 13–18]. Предметом специального рассмотрения были отдельные взгляды А. Ф. Кони на реформирование российской прокуратуры в 1864 году [7, с. 62–67].

Целью настоящей статьи является попытка сделать обзор работ А. Ф. Кони, в которых он затрагивал вопросы прокурорской деятельности в Российской империи, и показать трансформацию института дореволюционной прокуратуры в советскую Россию.

Специальных научных работ монографического характера, в которых содержалось бы исследование прокурорской деятельности, А. Ф. Кони после себя не оставил. Однако в его трудах, как опубликованных, так и находящихся в архивохранилищах, можно найти богатый материал по истории прокуратуры Российской империи. В этих произведениях содержатся как интересные фактические сведения, так и оценочные суждения, касающиеся деятельности российской прокуратуры и ее места в государственном механизме дореволюционной России.

1. Прокурорская деятельность и оценка института пореформенной прокуратуры А. Ф. Кони

А. Ф. Кони начал службу на прокурорских должностях в 1866 г. одновременно с введением в действие Судебных уставов 1864 г. Согласно последним было установлено, что при судебных местах должны быть специальные прокуроры, име-

ющие штат помощников. Деятельность прокуратуры в пореформенный период была главным образом сосредоточена на поддержании государственного обвинения и руководстве предварительным расследованием.

Интересный фактический материал о «прокурорских буднях» пореформенно-го периода можно найти в воспоминаниях А. Ф. Кони, опубликованных под общим названием «Из записок судебного деятеля» [8, с. 37–495]. Написанные блестящим литературным языком рассказы из профессиональной деятельности А. Ф. Кони по праву можно назвать иллюстрацией истории судопроизводства пореформенной России. Вопреки общему посылу профессиональных историков с осторожностью относиться к художественно-публицистическим произведениям при реконструкции исторических событий, следует отметить, что «Записки судебного деятеля», автор которых был в различные периоды высокопрофессиональным прокурором и судьей в различных судебных инстанциях, являются достоверным источником по истории российского права пореформенного периода.

Оценку пореформенной прокуратуры А. Ф. Кони дает в работе «Новое вино в новые меха», написанной в канун 25-летия Судебной реформы 1864 года, отмечая следующее: «район ее (прокуратуры) действий сделался меньше, но она стала играть роль махового колеса в машине уголовного суда. Для этого надо было не только работать, но и умело отстоять свою работу, а это вызывало появление способных обвинителей» [9, с. 259].

Деятельность прокуроров по поддержанию обвинения в судах, а также развитие юридического образования в России обусловили формирование плеяды выдающихся российских прокуроров-обвинителей (Д. Н. Замятин, А. Ф. Кони, Н. В. Муравьев, М. Ф. Громницкий, Н. А. Манасеин и др.), оставивших потомкам непревзойденные образцы судебного красноречия [10, с. 50; 11; 12; 13, с. 17–19; 14, с. 103–110; 15, с. 5–13].

Вопросы прокурорской деятельности в суде затрагивались А. Ф. Кони в его работе «Нравственные начала в уголовном процессе»: «Судебные уставы, создавая прокурора-обвинителя и указав ему его задачу, начертали и нравственные требования, которые облегчают и возвышают его задачу, отнимая у исполнителя ее формальную черствость и бездушную исполнительность» [16, с. 61–62].

А. Ф. Кони почитается потомками как блестящий оратор, причем специализирующийся на поддержании государственного обвинения. Многие из его речей по праву занимают достойное место в тезаурусе российского судебного красноречия. Наряду с выдающимися судебными выступлениями А. Ф. Кони оставил свои суждения также относительно того, каким должно быть обвинительное заключение и какие приемы следует использовать прокурору. Свои взгляды на сей предмет А. Ф. Кони изложил в работе «Приемы и задачи прокуратуры», изданной дважды: сначала в 1911 г. в двух очерках «Приемы и задачи обвинения» и «Из прошлого петербургской прокуратуры», а затем в виде самостоятельного издания в 1924 г. [17, с. 121–200, 493]. Указанная работа выходит вскоре после образования в 1922 г. прокуратуры РСФСР, что дает возможность рассматривать ее повторную публикацию как своего рода назидание патриарха царской прокуратуры молодой советской прокуратуре.

В работе «Приемы и задачи прокуратуры» наряду с интересными замечаниями касательно прокурорского надзора (о чем будет упомянуто ниже) А. Ф. Кони пишет о деятельности прокурора в суде, что и сейчас особенно актуально в связи с введением в России судов присяжных на районном уровне.

Так, аксиомой служат слова А. Ф. Кони, касающиеся роли прокурора в судопроизводстве и проистекающих от этого высоких нравственных требований к обвинителю: «На государстве лежит задача охранения общества, между прочим, преследование нарушителей закона, и практическое служение этой важной задаче выпадает на судебное состязание, на долю прокурора обвинителя. Исполняя свой тяжелый долг, он – прокурор обвинитель – служит обществу, но это служение будет только тогда полезным, когда в него будет внесена строгая нравственная дисциплина, и когда интерес общества и человеческого достоинства личности будут ограждаться с одинаковой чуткостью и усердием» [17, с. 126].

Большое внимание в своих работах А. Ф. Кони уделяет отношению прокурора к обвиняемому – подсудимому. Со ссылкой на слова московского митрополита Филарета (Дроздова) о том, что к преступнику надо относиться «с христианскою любовью, с простотой и снисхождением и остерегаться всего, что унижает или оскорбляет: низко преступление, а человек достоин сожаления», А. Ф. Кони делает вывод о том, что «если таково должно быть отношение к осужденному преступнику, составляющее одну из прекрасных нравственных черт русского народа, то нет никакого основания иначе относиться к подсудимому. А это должно неминуемо отражаться на формах и приемах обвинительной речи, нисколько не ослабляя ее правовой и фактической доказательности» [17, с. 126].

Значительное место занимают в работе А. Ф. Кони вопросы взаимоотношений обвинителя и защитника, которые должны быть основаны на уважении прокурора к процессуальному противнику. «Прокурору, – отмечает А. Ф. Кони – не приличествует забывать, что у защиты, теоретически говоря, одна общая с ним цель содействовать, с разных точек зрения суду в выяснении истины...» [17, с. 129].

2. Суждения А. Ф. Кони о приемах и методах судебного красноречия

Особое внимание уделяет А. Ф. Кони чистоте русского языка, что является актуальным и в наши дни: «В последнее время у нас происходит какая-то порча языка. И трогательный завет Тургенева о любви и бережном отношении к языку забывается до очевидности. В язык вносятся новые слова, противоречащие его духу, оскорбляющие слух и вкус, и при том по большей части вовсе не нужные. Ибо в сокровищнице нашего языка уже есть слова для выражения того, что дерзостно думают служить эти новшества» [17, с. 142–143].

Разбирая различные приемы, к которым может прибегнуть судебный оратор-обвинитель, А. Ф. Кони пишет: «Не нужно лгать! Человек лжет в жизни вообще часто, а в нашей русской жизни и очень часто, трояким образом. Он говорит не то, что думает – это ложь по отношению к другим. Он думает не то, что чувствует – это ложь к самому себе. И, наконец, он впадает в ложь в квадрате: говорит не то, что думает, а думает не то, что чувствует. Присутствие каждого из этих видов лжи почти всегда чувствуется слушателем и отнимает у публичной речи ее силу и убедительность» [17, с. 143].

Интересны суждения А. Ф. Кони об использовании зарубежных образцов судебного красноречия. Он пишет: «я интересовался судебными прениями западных судебных ораторов. В основном французских. Но их приемы не подходят к природе русского человека, которому чужда приподнятая фразеология и полемический задор. Замечания митрополита Филарета о том, что народ наш не настроен к напряженному и продолжительному вниманию, и краткое, близкое к разумению и сердцу слово он берет и, не роняя, уносит, вполне справедливо». Здесь же А. Ф. Кони рекомендует прокурорам изучать русское духовное красноречие, в котором он находит блестящие примеры «богатства языка и глубины мысли» [17, с. 155].

Несмотря на важную роль прокурора в судопроизводстве в пореформенный период, надзорная деятельность прокуратуры в то время вне сферы уголовного преследования была незначительной. Надзорная деятельность прокуратуры пореформенной России года была ограничена в основном сферой судебных установлений и уголовным преследованием, а также некоторыми категориями дел, к числу которых относятся участие в губернских присутствиях по крестьянским делам, участие в заседаниях губернских правлений по освидетельствованию сумасшедших, земским, городским и фабричным делам. Прокурорам было предоставлено право возбуждать дисциплинарные дела, связанные с профессиональной деятельностью адвокатов [18, с. 161–172; 19, с. 77–87].

Изменение статуса российской прокуратуры, в результате которого значительно сузились ее надзорные функции, вызвало серьезную критику со стороны многих представителей юридического сообщества. В их числе оказался и А. Ф. Кони [20, с. 157].

Свои критические соображения, касающиеся сужения сферы прокурорского надзора в пореформенный период, А. Ф. Кони излагает в написанных в 1893 г. воспоминаниях о Д. А. Ровинском – выдающемся правоведе, государственном деятеле, последнем Московском губернском прокуроре и первом прокуроре Московской судебной палаты, под руководством которого А. Ф. Кони начал свою службу в прокуратуре в 1866 г.

Оценивая нереализовавшийся надзорный потенциал дореформенной прокуратуры, А. Ф. Кони отмечает: «история министерства юстиции с 1830-х до 1860-х гг. представляет немало примеров энергичной борьбы губернских прокуроров с местными злоупотреблениями. Борьба эта не всегда была успешна, но уже самое возникновение ее, основанное на предписаниях закона, определявшего обязанности gubernского прокурора, действовало благотворно, не говоря уже о тех случаях, когда последствием ее являлись сенаторские ревизии, несшиеся, как грозные тучи, на местность, пораженную правовой засухой...» [21, с. 8–9].

Свою мысль относительно значительного сужения сферы прокурорского надзора в пореформенной России А. Ф. Кони развивает в работе «Приемы и задачи прокуратуры». В указанной работе губернская (дореформенная) прокуратура названа одним из «лучших екатерининских учреждений» [17, с. 123], имеющим значительный объем полномочий. Губернский прокурор справедливо назван «блюстителем законов», «царским оком», являвшимся «представителем центральной правительственной власти, вдвинутым в среду местного управления» [17, с. 123].

Появление губернской прокуратуры связано с именем Екатерины II, которая, проводя реформы управления, не могла обойти и органы надзора на местах. Согласно Учреждениям для управления губерний 1775 г. губернская прокуратура оказалась, по сути, в двойном подчинении – у генерал-прокурора и заместителя губернии [22, с. 10–15].

Однако зависимость Губернского прокурора от губернского начальства приводила тому, что сведения о многочисленных нарушениях на местах зачастую не доводились до центральной власти.

В дальнейшем, на протяжении третьей четверти XVIII – первой половины XIX вв., в законодательство вносились изменения, направленные на организации прокуратуры на местах, изменения направлений прокурорской деятельности, регламентации прокурорского надзора и т.д. [22, с. 10–15].

Несмотря на значительный потенциал правовых средств, которыми обладал губернский прокурор, в реальной жизни деятельность прокуратуры на местах зачастую оказывалась неэффективной, о чем достаточно резко пишет А. Ф. Кони: «на практике губернские прокуроры, за несколькими блестящими исключениями вроде знаменитого [Д. А.] Ровинского и [Н. И.] Ланге, далеко не соответствовали идеалу, начертанному в Учреждении о губерниях» [17, с. 123].

Думается, что в данном месте А. Ф. Кони чрезмерно резко высказался о до-реформенной прокуратуре. Тем более что в приведенных выше воспоминаниях о Д. А. Ровинском оценка деятельности губернских прокуроров в большей степени носит позитивный характер. Кроме того, о колоссальной работе, которую проводили губернские прокуроры, свидетельствуют издаваемые с 1804 г. ежегодные отчеты Министерства юстиции Российской Империи, в которых содержались подробнейшие сведения о состоянии законности в стране за отчетный период и работе в этом направлении [7, с. 62–67; 23, с. 203–207].

Некоторая инертность губернской прокуратуры, о которой говорят многие исследователи, была связана прежде всего с недостатком квалифицированных кадров (кстати, это понимал еще Николай I, не торопившийся проводить судебную реформу и прилагавший значительные усилия к развитию университетского образования, в том числе юридического). Второй причиной являются безусловно общие недостатки государственного управления России первой половины XIX в. [7, с. 62–67].

Подобное суждение перекликается с мыслями А. Ф. Кони, высказанными в воспоминаниях о Д. А. Ровинском: «Бог знает, сколько тягостных пререканий, где голос оскорбленных самолюбий и властолюбий заглушает ропот искажаемой истины, было бы устранено, сколько окольных путей для жалоб и взаимных обвинений «поросло бы травой забвения», если бы в широкие рамки обязанностей губернского прокурора была в 1864 г. влита энергия тех молодых и полных любви к делу сил, которые обречены были упражнять свое стремление к законности и талантливое трудолюбие исключительно на обвинительном поприще» [21, с. 8–9].

3. Оценка А. Ф. Кони советской прокуратуры

Возвращаясь к работе «Приемы и задачи прокуратуры», следует отметить еще один значимый момент – это оценка А. Ф. Кони советской прокуратуры.

События Октябрьской революции 1917 г. привели к коренной перестройке системы государственного управления в стране.

24 ноября 1917 г. высшим органом власти в стране – Советом Народных Комиссаров – был принят Декрет о суде № 1, согласно которому упразднились существовавшие до революции суды, институты судебных следователей, прокурорского надзора [24, с. 13–40].

Однако по мере формирования Советского государства возникла настоятельная потребность в создании прокуратуры, деятельность которой была бы направлена на обеспечение законности в стране посредством надзора. Перед молодой советской властью стояли сложные задачи: необходимо было не только восстановить разрушенную восьмилетним периодом войн экономику, но и преобразовать аграрную страну, находящуюся во вражеском окружении, в передовую индустриальную державу, способную противостоять любому агрессору. Для решения этих задач был необходим четко работающий государственный аппарат, функционирование которого обеспечивалось бы, в том числе, средствами надзора [18, с. 161–172].

При образовании прокуратуры во Всероссийском центральном исполнительном комитете (ВЦИК) развернулась дискуссия о необходимости двойного подчинения органов прокуратуры ВЦИК и местным советам. Однако позиция, занятая В. И. Лениным (поначалу оказавшимся в меньшинстве), привела к тому, что органы прокуратуры стали подчиняться исключительно ВЦИК. В. И. Ленин отмечал: «Прокурор отвечает за то, чтобы ни одно решение ни одной местной власти не расходилось с законом, и только с этой точки зрения прокурор обязан опротестовывать всякое незаконное решение <...> нет сомнения, что мы живем в море беззаконности и что местное влияние является одним из величайших, если не величайшим противником установления законности и культурности. <...> Поэтому я предлагаю ЦИК отвергнуть в данном случае «двойное» подчинение, установить подчинение местной прокурорской власти только центру и сохранить за прокурорской властью право и обязанность опротестовывать все и всякие решения местных властей» [25, с. 202–205].

28 мая 1922 г. Постановлением ВЦИК было принято первое «Положение о прокурорском надзоре» [26, с. 212–215], согласно которому в составе Народного комиссариата юстиции учреждалась Государственная Прокуратура. На прокуратуру было возложено осуществление надзора от имени государства за законностью действий всех органов власти, хозяйственных учреждений, общественных и частных организаций и частных лиц путем возбуждения уголовного преследования против виновных и опротестования нарушающих закон постановлений. Кроме того, на прокуратуру были возложены наблюдение за деятельностью следственных органов дознания в области раскрытия преступлений, за деятельностью Государственного Политического Управления, поддержание обвинения в суде и наблюдение за правильностью содержания заключенных под стражей.

А. Ф. Кони отмечает следующие прогрессивные моменты в созданной советской прокуратуре: во-первых, соединение в лице советского прокурора функций обвинителя и надзора вне сферы уголовного преследования устранило прежнюю ошибку составителей Судебных уставов 1864 г.; во-вторых, право прокурора под-

держивать гражданский иск потерпевшего на всех стадиях уголовного процесса; в-третьих, право прокурора возбуждать уголовные дела в отношении любых должностных лиц как центральных, так и местных органов; в-четвертых, прокурору предоставлено право отказа от обвинения в случае, если данные предварительного расследования не нашли подтверждения при рассмотрении дела в суде. Как итог, А. Ф. Кони говорит о том, что советское законодательство о прокурорском надзоре следует приветствовать ввиду его «широты и целесообразности» [17, с. 121].

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о том, что А. Ф. Кони рассматривал прокуратуру как полифункциональный орган, сочетающий в себе полномочия по осуществлению уголовного преследования и осуществления надзора вне уголовно-правовой сферы. Указанные взгляды на функции прокуратуры нашли свое отражение в организации советской прокуратуры, что очередной раз подтверждает тезис о преемстве многих традиций в развитии российской государственности за ее многовековую историю.

Пристатейный библиографический список

1. *Кодинцев А. Я., Рыбин Д. В., Штыкова Н. Н.* Гуманитарные исследования Анатолия Федоровича Кони : монография / науч. ред. А. Я. Кодинцев. СПб. : Нестор-История, 2022.
2. *Смолярчук В. И.* Анатолий Федорович Кони (1844–1927). М. : Наука, 1981.
3. *Кони А. Ф.* Моя Гефсиманская ночь / *Кони А. Ф.* Собрание сочинений : в 8 т. Т. 2. М. : Юрид. лит., 1966.
4. *Кудрявцев В. Л.* Идеи А. Ф. Кони о нравственной составляющей в деятельности прокурора в суде через призму современного законодательства и правоприменения // *Юридическая наука : история и современность.* 2018. № 8.
5. *Кулик Н. В.* Правовое и научное наследие А. Ф. Кони и формирование профессиональных компетенций современного прокурора – государственного обвинителя // *Право и практика.* 2018. № 4.
6. *Лавров В. В., Кулик Н. В.* А. Ф. Кони о Судебном красноречии государственных обвинителей в России 1864–1917 годов // *Речи прокуроров Российской империи.* СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ, 2020.
7. *Лавров В. В.* Изменение функций российской прокуратуры в результате судебной реформы 1864 года в оценке А. Ф. Кони // *Криминалистика.* 2020. № 4 (33).
8. *Кони А. Ф.* Из записок судебного деятеля / *Кони А. Ф.* Собрание сочинений : в 8 т. Т. 1. М. : Юрид. лит., 1966.
9. *Кони А. Ф.* Новые меха и новое вино (из истории первых дней судебной реформы) / *Кони А. Ф.* Собрание сочинений : в 8 т. Т. 4. М. : Юрид. лит., 1967.
10. *Кони А. Ф.* Отцы и дети судебной реформы : (К пятидесятилетию Судебных Уставов), 1864–20 ноября 1914. М. : Изд. т-ва И. Д. Сытина, 1914.
11. *Сергеич П. (Пороховщиков П. С.)* Искусство речи на суде. М., 1960.

12. *Чебышев Н. Н.* Обвинительные речи, 1903–1913. Пг., 1916.
13. *Иванова Н. М.* Прокуроры и суд присяжных заседателей в пореформенной России // *Криминалисть*. 2018. № 3.
14. *Еремин А. В.* Н. В. Муравьев – зеркало пореформенной прокуратуры // *Актуальные вопросы прокурорской деятельности : лекции / под ред. А. А. Сапожкова*. СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ, 2019.
15. *Лавров В. В., Жуков Г. К., Иванова Н. М., Еремин А. В., Кулик Н. В.* Ораторское искусство российских прокуроров-обвинителей (1864–1917) // *Речи прокуроров Российской империи*. СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ, 2020.
16. *Кони А. Ф.* Нравственные начала в уголовном процессе / *Кони А. Ф.* Собрание сочинений : в 8 т. Т. 4. М. : Юрид. лит., 1967.
17. *Кони А. Ф.* Приемы и задачи прокуратуры / *Кони А. Ф.* Собрание сочинений : в 8 т. Т. 4. М. : Юрид. лит., 1967.
18. *Кулик Н. В., Лавров В. В.* Российская прокуратура : историко-правовая ретроспектива // *Современная научная мысль*. 2017. № 4.
19. *Субанова Н. В., Деревскова В. М.* Прокурорский надзор вне уголовно-правовой сферы в Российской империи второй половины XIX – начала XX в. (к вопросу о существовании «общего надзора» после судебной реформы 1864 г.) // *Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации*. 2023. № 4 (96).
20. *Казанцев С. М.* История царской прокуратуры. СПб. : Изд-во С.-Петербур. унта, 1993.
21. *Кони А. Ф.* Дмитрий Александрович Ровинский / *Кони А. Ф.* Собрание сочинений : в 8 т. Т. 5. М. : Юрид. лит., 1967.
22. *Лавров В. В.* Формирование принципа независимости губернской прокуратуры в России в первой половине XIX века // *Журнал юридических исследований*. 2021. Т. 6. № 4.
23. *Яковлева О. Н.* Роль министерства юстиции в формировании и развитии системы судебной и пенитенциарной статистики в Российской империи (1802–1864 гг.) // *Вестник Томского государственного университета*. 2015. № 1 (31).
24. *Кожевников М. В.* История советского суда. М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948.
25. *Ленин В. И.* О двойном подчинении и законности // *История советской прокуратуры в важнейших документах*. М. : Госюриздат, 1956.
26. Постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета от 28 мая 1922 г. «Положение о прокурорском надзоре» // *История советской прокуратуры в важнейших документах*. М. : Госюриздат, 1956.

References

1. *Kodintsev A. Ia., Rybin D. V., Shtykova N. N.; Kodintsev A. Ia. (ed.)*. Humanitarian Studies of Anatoly Fedorovich Koni: Monograph. St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2022. (In Russ.)

2. *Smoliarchuk V. I.* Anatoly Fedorovich Koni (1844–1927). Moscow: Nauka, 1981. (In Russ.)
3. *Koni A. F.* My Gethsemane Night. In *Koni A. F. Collected Works*. In 8 vols. Vol. 2. Moscow: Iuridicheskaja literatura, 1966. (In Russ.)
4. *Kudriavtsev V. L.* Ideas of A. F. Koni about the Moral Component in the Activities of the Prosecutor in Court through the Prism of Modern Legislation and Law Enforcement. *Legal Science: History and Modernity*, 2018, no. 8. (In Russ.)
5. *Kulik N. V.* Legal and Scientific Heritage of A. F. Koni and the Formation of Professional Competencies of a Modern Prosecutor – State Prosecutor. *Law and Practice*, 2018, no. 4. (In Russ.)
6. *Lavrov V. V., Kulik N. V.* A. F. Koni on the Judicial Eloquence of State Prosecutors in Russia 1864–1917. In *Speeches of Prosecutors of the Russian Empire*. St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (Branch) of University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation, 2020. (In Russ.)
7. *Lavrov V. V.* Change in the Functions of the Russian Prosecutor’s Office as a Result of the Judicial Reform of 1864 in the Assessment of A. F. Koni. *Criminalist*, 2020, no. 4 (33). (In Russ.)
8. *Koni A. F.* From the Notes of a Judicial Figure. In *Koni A. F. Collected Works*. In 8 vols. Vol. 1. Moscow: Iuridicheskaja literatura, 1966. (In Russ.)
9. *Koni A. F.* New Furs and New Wine (from the History of the First Days of Judicial Reform). In *Koni A. F. Collected Works*. In 8 vols. Vol. 4. Moscow: Iuridicheskaja literatura, 1967. (In Russ.)
10. *Koni A. F.* Fathers and Sons of Judicial Reform: (To the Fiftieth Anniversary of the Judicial Statutes), 1864 – 20 November 1914. Moscow: I. D. Sytin’s Publishing House, 1914. (In Russ.)
11. *Sergeich P. (Porokhovshchikov P. S.)* The Art of Speech in Court. Moscow, 1960. (In Russ.)
12. *Chebyshev N. N.* Accusatory Speeches, 1903–1913. Petrograd, 1916. (In Russ.)
13. *Ivanova N. M.* Prosecutors and Jury Trials in Post-Reform Russia. *Criminalist*, 2018, no. 3. (In Russ.)
14. *Eremin A. V. N. V. Muravyov – The Mirror of the Post-Reform Prosecutor’s Office*. In *Sapozhkov A. A. (ed.)*. Current Issues of Prosecutorial Activity: Lectures. St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (Branch) of University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation, 2019. (In Russ.)
15. *Lavrov V. V., Zhukov G. K., Ivanova N. M., Eremin A. V., Kulik N. V.* Oratory Art of Russian Prosecutors-Prosecutors (1864–1917). In *Speeches of Prosecutors of the Russian Empire*. St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (Branch) of University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation, 2020. (In Russ.)
16. *Koni A. F.* Moral Principles in Criminal Proceedings. In *Koni A. F. Collected Works*. In 8 vols. Vol. 4. Moscow: Iuridicheskaja literatura, 1967. (In Russ.)
17. *Koni A. F.* Techniques and Tasks of the Prosecutor’s Office. In *Koni A. F. Collected Works*. In 8 vols. Vol. 4. Moscow: Iuridicheskaja literatura, 1967. (In Russ.)
18. *Kulik N. V., Lavrov V. V.* Russian Prosecutor’s Office: Historical and Legal Retrospective. *Modern Scientific Thought*, 2017, no. 4. (In Russ.)

19. *Subanova N. V., Derevskova V. M.* Prosecutor's Supervision Outside the Criminal Legal Sphere in the Russian Empire of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries (on the Existence of "General Supervision" after the Judicial Reform of 1864). *Bulletin of University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*, 2023, no. 4 (96). (In Russ.)
20. *Kazantsev S. M.* History of the Tsar's Prosecutor's Office. St. Petersburg: St. Petersburg University Publishing House, 1993. (In Russ.)
21. *Koni A. F.* Dmitry Aleksandrovich Rovinskii. In *Koni A. F. Collected Works*. In 8 vols. Vol. 5. Moscow: Iuridicheskaja literatura, 1967. (In Russ.)
22. *Lavrov V. V.* Formation of the Principle of Independence of the Provincial Prosecutor's Office in Russia in the First Half of the 19th Century. *Journal of Legal Research*, 2021, vol. 6, no. 4. (In Russ.)
23. *Iakovleva O. N.* The Role of the Ministry of Justice in the Formation and Development of the System of Judicial and Penitentiary Statistics in the Russian Empire (1802–1864). *Bulletin of Tomsk State University*, 2015, no. 1 (31). (In Russ.)
24. *Kozhevnikov M. V.* History of the Soviet Court. Moscow: Legal Publishing House of the USSR Ministry of Justice, 1948. (In Russ.)
25. *Lenin V. I.* On Double Subordination and Legality. In *History of the Soviet Prosecutor's Office in the Most Important Documents*. Moscow: Gosizurizdat, 1956. (In Russ.)
26. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of 28 May 1922 "Regulations on Prosecutorial Supervision". In *History of the Soviet Prosecutor's Office in the Most Important Documents*. Moscow: Gosizurizdat, 1956. (In Russ.)

Сведения об авторе:

В. В. Лавров – кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author:

V. V. Lavrov – PhD in Law, PhD in History, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 26.10.2023; одобрена после рецензирования 29.11.2023; принята к публикации 05.02.2024.

The article was submitted to the editorial office 26.10.2023; approved after reviewing 29.11.2023; accepted for publication 05.02.2024.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-41-53>

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУД КАК ОТРАЖЕНИЕ ХРИСТИАНСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ А. Ф. КОНИ*

Татьяна Юрьевна Борисова

Санкт-Петербургский филиал Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики», 190008, Россия, г. Санкт-Петербург,
ул. Союза Печатников, д. 16
tyuborisova@gmail.com

Аннотация

В статье ставится вопрос о значении милости в практической деятельности А. Ф. Кони. На основе известных и ранее не использовавшихся исследователями источников, в том числе неопубликованных архивных материалов из личного фонда А. Ф. Кони в ИРЛИ, делается вывод о большом интересе выдающегося юриста к христианским догматам. Применяя подход культурной истории, автор показывает, что особое внимание А. Ф. Кони к понятию милости в христианском учении отвечало его собственным идеям о милости в пореформенном суде.

Ключевые слова: А. Ф. Кони; милость; суд присяжных; оправдательный приговор; Судебная реформа 1864 г.

Для цитирования: *Борисова Т. Ю.* Милостивый государственный суд как отражение христианских воззрений А. Ф. Кони // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 1. С. 41–53. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-41-53>

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Research Article

THE MERCIFUL STATE COURT AS A REFLECTION OF THE CHRISTIAN VIEWS OF A. F. KONI*

Tatiana Yu. Borisova

St. Petersburg Branch of National Research University Higher School of Economics,
16 Soiuz Pechatnikov St., St. Petersburg, 190008, Russia

Abstract

The article deals with religious views of A. F. Koni. Based on published sources and unpublished archival documents, the author demonstrates that Koni's Christian belief needs to be taken into account for a more nuanced understanding of his commitment to merciful justice. Approach of cultural history allows to highlight practical implementation of Christian concept "mercy" in the working of Russia's jurisprudence in the nineteenth century.

Keywords: A. F. Koni; mercy; merciful justice; jury; acquittal; Judicial Reform 1864.

For citation: *Borisova T. Yu.* The Merciful State Court as a Reflection of the Christian Views of A. F. Koni. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 1, pp. 41–53. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-41-53>

«Милость торжествует над судом» – эти слова Священного писания в настоящее время не являются ли светом, который и во тьме светит... в темноте греха, горя и опасностей, нас окружающих.

*А. Ф. Кони*¹

Введение

В историографии последних лет предприняты отрядные попытки изучить вклад А. Ф. Кони в развитие отечественной юриспруденции на основе ранее не изучавшегося архивного материала [2, с. 193–205; 3]. Наше исследование также ставит своей задачей пролить свет на неизвестные ранее аспекты жизни и службы выдающегося российского юриста. Несмотря на обилие публикаций о героическом служении А. Ф. Кони пореформенной юриспруденции, вопрос о его мотивации

* The study was implemented in the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

¹ [1, л. 70].

остаётся не до конца исследованным. В этой статье речь пойдет об этической, моральной составляющей и религиозной подоплеке профессиональной деятельности Кони-юриста.

Подтверждением большого морального авторитета Кони было то, что он был одним из немногих дореволюционных юристов, которому отдала должное и советская власть. Косвенным свидетельством такого особого отношения было решение торжественно похоронить его на кладбище выдающихся деятелей русской культуры в Александро-Невской Лавре в Ленинграде. В 1929 г. в разгар борьбы с религиозным культом на могиле Кони был установлен массивный деревянный крест. Уже после войны, в 1946 г., подруга Кони Е. А. Садова обращала внимание властей на то, что крест, «сооруженный с таким трудом», сильно накренился, что являлось «черной неблагодарностью» по отношению к Кони, который, напоминала Садова, был «чудесный человек, глубокий мыслитель и писатель, «первый судья» России, друг многих выдающихся людей нашей Родины, помощник и учитель своих современников»[4, л. 1 об.].

Это перечисление заслуг Кони, кажется, дает ключ к ответу на центральные вопросы этой статьи: что символизировал крест на могиле Кони для его современников? Какое понимание христианской религии исповедовал крещеный в православие Кони в своей общественной и профессиональной деятельности? Чтобы ответить на эти вопросы, мы остановимся на трех эпизодах судебной практики А. Ф. Кони, в которых наиболее явно проявились его представления о милости как важной составляющей справедливого законного порядка.

Эти эпизоды мы рассмотрим, исходя из архивных свидетельств, которые указывают на большой интерес А. Ф. Кони к христианской религии и даже позволяют предполагать в нем сильное религиозное чувство. В специально собранной папке в личном архиве А. Ф. Кони [1], хранящейся в Пушкинском доме, рукою Кони переписаны разного рода материалы – молитвы, отрывки из Евангелия и проповедей, тетради с собственными набросками на религиозные темы. Что характерно, в них часто подчеркнуто слово «милость». Как, например, в этой молитве, переписанной рукою Кони:

«Господи, имя тебе любовь: не отвергни меня, заблуждающегося человека

Имя тебе сила: подкрепи меня изнемогающего и падающего

Имя тебе свет: просвети мою душу, омраченную житейскими страстями

Имя тебе мир: умири мятущуюся душу мою

Имя тебе милость: не переставай миловать меня» [1, л. 25 об.].

Как надписано на папке, эти материалы относятся к позднему периоду жизни А. Ф. Кони: 1890-м–1920-м гг. Но, кажется, идея милостивого суда и обличения фарисейства была близка Кони и в более ранний период.

1. Борьба с фарисеями за правду: оправдание Засулич

Говоря об этических установках Кони, мы не можем обойти вниманием известный процесс Веры Засулич, ставший самым большим профессиональным испытанием его жизни. Из личных материалов фонда Кони и его воспоминаний известно, что он много думал о смысле жизни, религии и своей собственной вере во время тяжелого личного кризиса, связанного с оправданием Засулич в 1878 г.

Действительно, после скандального оправдания террористки, покушавшейся на жизнь градоначальника, служебная позиция Кони сильно пошатнулась. Большие нравственные страдания и, как он сам писал, «душевную боль» вызвало предложение министра юстиции выйти в отставку. Это предложение, как сокрушался Кони, было «предъявлено несменяемому судье» за то, что «он был слугой правосудия, в условиях, начертанных Судебными Уставами, а не услужливым пособником осуществления предвзятых решений» [5, с. 340].

Для Кони процесс Засулич и кризис после него стали моментом окончательной кристаллизации его профессиональной и личной этики, его веры в правду и в человека. Именно после оправдания и последовавшей за ним опалы Кони стал часто выступать с докладами, лекциями, статьями, брошюрами и книгами, в которых особое внимание уделялось вопросам морали и нравственности. На этом основании выступления Кони можно отнести к своеобразному роду гражданской проповеди.

На аналогию с проповедью указывает то, как в своих публикациях и судебных речах Кони часто использовал метафоры из Библии. Так, одним из самых любимых библейских выражений, которое он использовал для обозначения конфликта старых и новых начал в российской юриспруденции, было «вино новое в мехи старые». Именно в этом конфликте Кони видел важную подоплеку дела Засулич. В своих воспоминаниях он подробно останавливался на конфликте с Министром юстиции графом Паленом по поводу ведения этого дела. Пален просил недавно назначенного председателя Петербургского окружного суда Кони об услуге – склонить присяжных к обвинению Засулич. На что Кони отвечал ему, что такое понимание роли председателя суда совершенно невозможно: «Председатель – судья, а не сторона, и ведя уголовный процесс, он держит в руках чашу со святыми дарами. Он не смеет наклонить ее ни в ту ни в другую сторону – иначе дары будут пролиты» [6, с. 85–86]. Кони настаивал, что суд не оказывает услуг, т.е., следуя заветам отцов Судебной реформы, не может служить лицам, а служит правде. Библейская метафора чаши со святыми дарами подчеркивала высокое институциональное значение суда как учреждения, в котором вершится высокая справедливость.

Тогда Пален попытался повлиять на Кони по-другому. Чтобы напомнить о долге службы, за две недели до процесса Пален организовал для Кони «представление» императору по случаю вступления Кони в должность председателя Санкт-Петербургского окружного суда. Формально по протоколу такое представление не было предусмотрено. Кони понимал, что все это организовано из-за грядущего процесса над Засулич, и с волнением думал о том, как поделится своими переживаниями об этом деле с Царем-освободителем. На царском приеме после воскресной обедни Кони ждало горькое разочарование. Ему пожал руку и спросил коротко о предыдущей службе очень усталый человек, которому было не до сложностей дела Засулич.

Отказавшись от предложения Палена склонить присяжных к обвинительному акту, Кони выбрал путь, как ему казалось, максимально соответствующий задаче свершения правосудия. Для этого он принял принципиальное решение, за которое его впоследствии порицали. Он разрешил защите реконструировать на про-

цессе обстоятельства, которые спровоцировали Засулич на преступление. Засулич показала на суде, что не будучи лично знакома с Боголюбовым она прочитала в газете сообщение о том, что в Доме предварительного заключения были жестоко подавлены беспорядки из-за позорного сечения студента Боголюбова, якобы не снявшего шапки перед градоначальником Треповым. Унижение уже лишеного прав человека и беззащитность его заключенных товарищей перед побоями заставили Засулич предпринять шаг отчаяния. Покушением на Трепова она хотела обратить внимание общества на немыслимость такого положения дел.

Решение председательствующего в суде Кони допустить на процессе чтение той самой заметки в газете о беспорядках и опрос свидетелей беспорядков в корне изменили значение процесса. Министр Пален думал представить процесс Засулич как разбирательство частного уголовного дела, в котором основным мотивом была личная месть Засулич Трепову за унижение Боголюбова. Но процесс над Засулич стал процессом над незаконным произволом. Действительно, приказ Трепова высечь Боголюбова выходил за рамки закона, по которому подобное наказание можно было применять к осужденному только на месте отбывания наказания, а события происходили в Доме предварительного заключения. В своих мемуарах Кони обращал внимание на интересную деталь в этой истории.

Он писал, что накануне боголюбовской истории в свете и в государственных учреждениях стали ходить разговоры о том, что надо возратить порку, как патриархальный способ вернуть контроль над молодежью. Приказ градоначальника Трепова пороть Боголюбова был отдан в контексте этих обстоятельств и отвечал определенному запросу общества силой утвердить общественное спокойствие и порядок. Однако, подчеркивал Кони, Трепов приехал к нему и, «крестясь на образ», уверял, что не знал о том, что его поступок был противозаконным. Более того, Трепов настаивал, что после порки в знак примирения послал чаю и сахару высеченному Боголюбову. Усмехаясь якобы христианскому поступку Трепова, Кони высказывал сомнение в том, что Боголюбов пил треповский чай. Уже перед процессом Засулич, как писал Кони, Трепов везде рассказывал, что простил Засулич и не желает ей зла, но на процесс сам не явился. Для Кони эти декларации Трепова являлись не чем иным, как фарисейством, которое он не раз обличал в воспоминаниях о деле Засулич.

Надо сказать, что в итоге общественное мнение склонилось к тому, что Кони не нарушал судебную процедуру. Старший товарищ А. Ф. Кони, его университетский профессор Б. Н. Чичерин, присутствовавший на процессе, написал короткую, но очень влиятельную заметку, в которой авторитетно подтверждал законность судебной процедуры на процессе Засулич [7].

Кони писал, что он рассчитывал на снисхождение присяжных, не на оправдание. То, что присяжные сочли возможным оправдать Засулич, говорило о наличии морального конфликта в обществе между поколением отцов и детей. Для Кони проигрыш защиты права на жизнь Трепова означал не анархию, а то, что на суде победила милость к детям. Эта победа, в представлении Кони, была важной победой нового суда, как общественного института, с помощью которого могло осуществиться примирение сторон.

2. Судить нельзя, помиловать

Жизнь шла своим чередом, и, несмотря на то, что оправдательным приговором были очень недовольны в высших эшелонах власти, и Сенат впоследствии кассировал его, Кони продолжал исполнять свои обязанности. Через месяц после процесса Засулич, в мае 1878 г., Кони составил Всеподданнейший доклад «По делу о сопротивлении крестьян Бельского и Соколовского уездов Седлецкой губернии местному полицейскому начальству». Седлецкая губерния была основана в 1867 г. в рамках административного переустройства Польши после восстания 1863 г. [8]. Недовольство крестьян было связано с тяжелыми наказаниями, которые они должны были нести за отказ крестить детей в православную веру [9].

Во всеподданнейшем докладе Кони показывал, что, несмотря на то, что вина всех 20 привлеченных к следствию крестьян доказана, следствие надо прекратить, сделать виновным внушение, но до суда не доводить. Основываясь на данных следствия, Кони приводил аргументы с двух сторон, обращаясь к личности обвиняемых и к обстоятельствам, которые они приводили в свое оправдание.

Кони убеждал царя в том, что в основе сопротивления полицейской власти крестьян Седлецкой губернии лежит радикально изменившаяся политика в отношении религии в Польше: «резкое противоречие между проходящим чрез всю историю нашего законодательства началом терпимости и отсутствия насильственного давления на совесть в делах веры – и теми последствиями, которые вызваны мероприятиями к упрочению совершившегося в последние годы воссоединения униатов в Седлецкой губернии» [9, л. 5]. Это резкое противоречие не может быть «сглажено или примирено судебным приговором, как бы строг он ни был» [9, л. 5-5 об.]. Именно поэтому, в представлении Кони суд здесь был не нужен.

Суд был не нужен, прежде всего, потому что он не мог быть справедливым. В докладе Кони показывал, что катастрофически беднеющие крестьяне воспринимают как тяжелое и несправедливое наказание в 1 руб. за неделю «просрочки» православного крещения младенца. То, что в условиях тяжелого материального положения крестьян представители полицейской власти пытались уводить домашний скот в счет штрафов, объясняло их «крайнее раздражение» и сопротивление. В частности, нанешие побои полицейским крестьянки в деревне Любенке показали, что их мужья во время униатских беспорядков были биты нагайками и высланы [9, л. 3]. Кони дословно приводил слова обвиняемых в своем докладе: «Хоть повесьте нас, но мы в церковь не пойдём, так как мы себя к православным никогда не причисляли и таковыми никогда не были. Чего хотят от нас? Мы, кажется, аккуратно уплачиваем подати и несем все повинности» [9, л. 3 об.].

Кони прямо предупреждал монарха, что представление этих обстоятельств на суде в ходе перекрестного допроса обвиняемых в совокупности с их безупречным прошлым и тяжелым материальным и семейным положением (на 14 обвиняемых приходится 39 детей [9, л. 4]) будет крайне невыгодно для обвинения. На суде все перечисленные показания, высказанные с убеждением и твердостью, не смогут «вызвать впечатления выгодного для нравственной твердости и достоинства обвинения». Отметим этот важный момент – Кони предупреждал о том, что «впечатление» безнравственности власти, публично постановляющей в суде не-

справедливый с моральной точки зрения приговор крайне «невыгодна» и потенциально опасна.

Кони уверял монарха, что суд безусловно исполнил бы свою задачу и сурово наказал «несомненно виновных подсудимых», однако это вряд ли бы способствовало водворению в крае глубокого уважения к правосудию [9, л. 4]: «Такой приговор будет лишен той внутренней силы, которая в глазах местного населения, упрочивая достоинство судебной власти, поднимала бы в тоже время авторитет и значение власти административной» [9, л. 5].

В докладе императору Кони не забывал центральную роль последнего в правовой системе империи и писал, что, конечно, монаршая милость может смягчить формальную строгость приговора суда. Именно на это, кстати, как он сам писал в воспоминаниях о деле Засулич, он надеялся, разрешив защите представить обстоятельства порки Боголюбова, объясняющие поступок Засулич. Но, возможно, наученный опытом процесса Засулич, он тут же дополнял, что на процессе над сопротивляющимися полицейской власти крестьянами могут быть сделаны «разоблачения», которые могут быть затем недобросовестно и злонамеренно искажены [9, л. 6]. Наверное, он имел в виду прессу, как внутреннюю российскую, так и польские газеты в Пруссии и Галиции.

Таким образом, от лица министра юстиции Кони заключал во всеподданейшем докладе: «Публичное разоблачение путем судебного производства представляется вообще весьма неудобным, а в настоящее исключительно время даже и в высокой мере нежелательным. Я принял смелость испрашивать Высочайшего Вашего императорского величества разрешения на совершенное прекращение возбужденного по сим делам в Седлецкой губернии судебного преследования, с вменением содержащимся под стражей строгого внушения, что в случае повторения подобных вышеуказанным поступков и беспорядков, с виновными будет поступлено по всей тяжести законов» [9, л. 6-6 об.].

Этот всеподданнейший доклад был утвержден, и несчастные крестьянки были освобождены из-под следствия. Но наказаний за отказ крестить младенцев никто не отменял. Неудивительно, что уже осенью того же года 1878 г. Кони пришлось писать еще один всеподданейший доклад опять же о крестьянах Седлецкой губернии [9, л. 7]. В этом докладе Кони обличал недостойное поведение полицейских властей, когда напуганные сопротивлением крестьян, они догадались нанять «жида», чтобы тот выводил скот в уплату штрафа. Эту ситуацию Кони называл возмутительной.

В целом Кони хорошо понимал недальновидность и большую опасность политики насильственной христианизации на окраинах, когда она только набирала свои обороты в конце 1870-х гг. После того как с воцарением Александра III русификация, принудительная христианизация стали правительственным курсом, Кони не раз решительно выступал против него. Наиболее ярким было его выступление по нашумевшему Мултанскому делу 1895 г.

3. Мултанское дело

Мултанское дело, так же как и дело Засулич, вызвало большой общественный резонанс. Кони, который с 1885 г. был обер-прокурором Уголовного Кассационного

департамента Сената, занял принципиальную позицию по Мулатскому делу. Этот не обойденный вниманием исследователей процесс [см. прекрасный обзор историографии: 10] особенно интересно рассматривать на контрасте с делом Засулич. В обоих случаях имело место преступление против права на жизнь. В обоих случаях его рассматривали присяжные. Газеты проявили огромный интерес к этим процессам. Участие Кони, как показывают архивные материалы [11], было принципиальным в ходе этих дел. На этом общие черты заканчиваются. Кратко напомним суть дела.

В 1894 г. в далеком от столичного Петербурга селе Старый Мултан было совершено убийство крестьянина Канона Матунина, которое было инсценировано как ритуальное, что сразу позволило следствию искать подозреваемых среди местных жителей вотяков – народности, с начала XIX в. христианизированной, но сохранявшей свою обрядность. Присяжные осудили вотяков на первом процессе. Благодаря деятельному участию защиты выяснилось, что следствие шло с очень серьезными процессуальными нарушениями, включая побои обвиняемых и свидетелей. Был организован второй процесс, на котором новый состав присяжных снова осудил вотяков.

Писатель В. Г. Короленко, приглашенный защитником присутствовать на процессе, стал важным участником развития событий. Во многом благодаря его многочисленным газетным репортажам [12], столичная публика узнала о том, к каким плачевным последствиям может приводить патристическая риторика защиты христианских ценностей. Основой обвинения было утверждение о дикости вотяков, что как бы само собой подразумевало обязательное совершение ими жертвоприношений. Дикость вотяков конструировалась при помощи разного рода экспертизы. Кроме специалистов этнографов, подтверждающих наличие у вотяков обрядов жертвоприношения с точки зрения «науки» [13], церковники тоже сыграли свою роль.

В частности, первый обвинительный акт был основан на двух свидетельствах в пользу обвинения – показаниях 95-летнего старика Устина Данилова Иванцева, племянника которого вотяки якобы хотели принести в жертву, и священника Михаила Якимова, которому тоже якобы были известны два случая жертвоприношений вотяков языческим богам [11, л. 93]. Защитник Дерягин справедливо указывал в своем протесте, что обвинение основано на слухах [14, л. 3].

Интересной особенностью этого дела, является то, что, так же как и в деле Засулич, важную роль в его ходе сыграли газеты [10]. В частности, Правительствующий Сенат, получив кассационный протест защитника Дерягина, запросил объяснения у казанского окружного прокурора. При этом ему была направлена вырезка из «Русских ведомостей» с репортажем Короленко о процессе [14, л. 95-96], на основании которой Сенат хотел получить ответ прокурора. В частности, прокурор должен был ответить на серьезные претензии к качеству судебной процедуры, о которых писали указывали и защитник Дерягин (в своей второй кассационной жалобе) и писатель Короленко в своей статье. Они оба указывали, что помимо угроз и побоев в отношении свидетелей из вотяков пристав Шмелев приводил их к присяге не на Священном писании – в случае крещеных вотяков это должна была быть Библия, – а на чучеле медведя.

20 октября 1895 г. прокурор Казанской судебной палаты Чаплин представил министру юстиции подробный рапорт. В нем он признавал, что отдал распоря-

жении об изъятии компрометирующих следствие подробностей из протокола заседания, где они были зафиксированы как жалоба защитника. В этом рапорте он объяснял, почему пошел на правку протокола. Он настаивал на том, что был хорошо знаком с жизнью вотяков, в особенности с поверхностным принятием ими православия.

Опираясь на местное знание, недоступное приезжим газетчикам, прокурор писал, что даже у «просвещенных православной религией» вотяков однозначно присутствовал языческий культ, о чем «не существует никакого сомнения – ни в населении, ни у духовенства, ни у властей, ни у исследователей». В том числе он сомневался в том, насколько верными были представления о христианизации вотяков в столице: «Языческие обряды черемисов и вотяков, состоявших даже в православии, уже давно обращали на себя внимание правительства и вызывали меры к их искоренению. Повелением императора Николая I с 1827 года назначаемы им с этой целью миссионеры в Вятскую губернию, делом миссии, до известной степени, руководил знаменитый Митрополит Филарет. Но, официально зарегистрированные успехи в первое время, в конце концов не дали еще благоприятных результатов и, как сказано выше, языческие обряды практикуются, и не только среди вотяков Вятской губернии, но и среди других инородцев смежных губерний» [14, л. 102-102 об.].

Обер-прокурор Уголовного кассационного департамента Сената Кони не считал объяснения казанского Прокурора убедительными. Он был возмущен тем, как легко представители судебной и полицейской власти в союзе со священниками были готовы представить дикими крестьян-вотяков и исключить их из сферы действия законов, обеспечивающих защиту прав подсудимых. Для отстаивания справедливости Кони использовал формальные критерии. Подготовленное им решение Кассационного департамента Сената изобиловало сносками на конкретные статьи уголовных законов, нарушенных в Мултанском деле. Позиция Кони была представлена на страницах «Нового времени», и вошла в собрание его речей, вышедшее в 1896 г. [15].

Как писал Кони, он разъяснил министру юстиции Муравьеву, который намекал на возможное неудовольствие императора, что признание подсудимых виновными в человеческом жертвоприношении языческим богам должно быть совершено «с соблюдением в полной точности всех форм и обрядов судопроизводства, так как таким решением утверждается авторитетным словом суда не только существование ужасного и кровавого обычая, но и неизбежно выдвигается вопрос, были ли приняты достаточные и целесообразные меры для выполнения Россией, в течение нескольких столетий владеющей Вотским краем, своей христиански-культурной просветительной миссии» [16, с. 221].

Таким образом, Кони возвращал аргумент о дикости вотяков. Он показывал, что суд над «дикими» вотяками поставил под сомнение «цивилизованность» просветительской миссии правительства. Напротив, справедливый пересмотр незаконного следствия и судебного процесса и исправление всех процессуальных нарушений восстанавливали «цивилизованное» управление на строгом основании закона. Вотяки были оправданы.

Заключение

Позиция Кони по Мултанскому делу являлась продолжением его позиции на процессе Засулич. Он однозначно выступал против воинственной тенденции охранительства в политическом дискурсе Российской империи. Кони понимал, что дискурс войны, кары, непримиримого противостояния с внешними и внутренними врагами и необходимости самой решительной борьбы с ними ведет к умалению прав личности. Напротив, он видел задачу правосудия в примирении, милости, восстановлении мира. Как писал известный адвокат Н. П. Карабчевский, которого Кони в молодости вытасил со скамьи подсудимых за революционную пропаганду, Кони верил «в человека» [17].

Здесь важно обратить внимание на некоторый парадокс. В представлении Кони обновленные суды с участием присяжных позволяли реализовать народные чаяния справедливости. Здесь он продолжал уже известную в русской философии права мысль о принципиальном значении «правды» в российском праве. Несправедливый закон в представлении Кони не мог быть справедливо применен в суде без отрицательных последствий для гражданского мира. Именно эту мысль он подчеркивал в своем всеподданейшем докладе императору с просьбой прекратить следствие по делу о сопротивлении крестьян Седлецкой губернии.

Однако в случае с мултанскими вотяками именно процессуальные нарушения позволяли оспорить действия следователей. Суд при этом становился ареной восстановления справедливости в конфликте между правдой и порядком. Порядок, который наводили Трепов, вятские следователи и седлецкие власти, применяя силу, оспаривался с двух точек зрения: незаконности и несправедливости. Суд мог выявить и осудить незаконность попраания прав именно через процессуальные нарушения административной власти и при этом дать право голоса, тому, кто считал нарушения не только незаконными, но и несправедливыми.

В этом смысле можно согласиться с Йоргом Баберовским в том, что Судебные уставы 1864 г. имели конституционное значение [18]. Действительно, как отдаленное подобие неписаной английской конституции с ее *Habeas Corpus Act*, они сделали гарантию процессуальных прав человека важным критерием законности. Гражданская проповедь Кони сыграла огромную роль для распространения именно такого понимания возможности и необходимости справедливости в российском праве пореформенного времени. Особый вклад Кони заключался в том, что он увязывал процессуальные гарантии с коренными народными представлениями о правде. Отвергая идеи о том, что заимствованные с Запада судебные процедуры опережали развитие событий и не подходили полезничному и в основе своей неграмотному населению Российской империи, Кони подчеркивал, что народ знает, когда справедливость нарушается и готов бороться за правду в суде.

Разочаровавшись в способности государственных институтов противостоять охранительным началам, он отошел от судебной деятельности, но участвовал в законотворчестве и все больше проповедовал веру «в человека». В дополнение ко многим очеркам о деятелях-подвижниках в России, он написал отдельную брошюру о знаменитом враче-подвижнике Гаазе [19]. Это сочинение по просьбе Кони министр юстиции Н. А. Манасеин передал Александру III 28 февраля 1898 г., и тот пе-

редавал Кони свою благодарность [20, л. 1,8]. Пытаясь донести до самых верхов свои представления о необходимости гражданского мира, основанного на милосердии, Кони находил возможность передавать свои сочинения Александру II, Александру III и Николаю II.

В заключение хотелось бы обратить внимание на неизвестный исследователям проект А. Ф. Кони, который он предложил для преодоления революционной угрозы в начале XX в. Этот проект 1903 г. он называл своим «постоянным молитвенным желанием облегчить больных страдальцев в тюрьмах» [1, л. 84]. Кони надеялся учредить на Валааме особую больницу для больных политических преступников, которые с помощью православных монахов могли бы вновь вернуться в общество [1, л. 84-86 об.]. Вот в каких терминах Кони писал об этом проекте: «Чудная картина открылась передо мной: ожесточенный преступник, тяжело страдает от мучительной болезни, брат Милосердия, валаамский послушник заботится о нем.– и огонь любви Христовой, которым проникнут смиренный ученик Бога – любви, смягчает страдальца» [1, л. 84].

Таким образом, в представлении А. Ф. Кони христианская любовь и милосердие должны были помочь преодолеть радикализацию общества. Из изученных документов видно, что Кони ездил на Валаам и пытался договориться там о практических шагах по обустройству такой больницы [1, л. 86-86 об.] Записки об этом проекте хранятся в его личном архиве вместе с многочисленными выписками А. Ф. Кони из Евангелия. Все они посвящены одной магистральной теме – милости христианской любви и прощению [1, л. 6-11 об., 46-49]. Важно помнить, что призыв царского манифеста о введении нового суда в 1864 г. «Правда и милость да здравствуют в судах» для А. Ф. Кони не был риторической фигурой речи, но опирался на христианское учение о любви и милосердии.

Пристатейный библиографический список

1. Кони А. Ф. Материалы о религии, 1890–1920 // ИРЛИ Пушкинский дом (далее – ИРЛИ). Ф. 134. Оп. 1. Д. 136.
2. Кодинцев А. Я., Мишальченко Ю. В. Преступления против государственной власти в трудах Анатолия Федоровича Кони // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 1.
3. Cordin C. Anatolij F. Koni (1844–1927) zwischen Herrscher und Volk : Ein liberaler Jurist und seine autobiografische Praxis in Zarenreich und Sowjetunion. Köln : Böhlau, 2019.
4. Садова Е. А. Письмо в Литфонд союза писателей // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 666. Оп. 2. Д. 219.
5. Кони А. Ф. В дороге / Кони А. Ф. На жизненном пути : в 2 т. Т. 2. М. : Изд. т-ва И. Д. Сытина, 1916.
6. Кони А. Ф. Воспоминания о деле Засулич / Кони А. Ф. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 2. М. : Юрид. лит., 1966.
7. Чичерин Б. Н. О деле Засулич / Кони А. Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич / ред. текста и примеч. М. Ф. Теодоровича. М.; Л. : Academia, 1933.

8. ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 4. Д. 274.
9. Долбилов М. М. Русский край, чужая вера. Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М. : Новое литературное обозрение, 2010.
10. Логинова И. В. Отношение российской общественности и власти к мултанскому делу в конце XIX века : дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2002.
11. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1363. Оп. 2. Д. 452.
12. Короленко В. Г. Полное собрание сочинений : в 9 т. Т. 4. СПб. : А. Ф. Маркс, 1914.
13. Джераси Р. Этнические меньшинства, этнография и русская национальная идентичность перед лицом суда : Мултанское дело 1892–1896 годов // Российская империя в зарубежной историографии / отв. ред. О. Леонтьева, М. Долбилов. М. : Новое издательство, 2005.
14. РГИА. Ф. 1363. Оп. 96. Д. 452.
15. Кони А. Ф. По делу о Мултанском жертвоприношении / Кони А. Ф. За последние годы. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1896.
16. Кони А. Ф. В. Г. Короленко и суд / Кони А. Ф. Избранное. М. : Сов. Россия, 1989.
17. Карабчевский Н. П. Пятидесятилетие судебной и общественной деятельности А. Ф. Кони // Новое время. 1915. 30 сент.
18. Baberovski J. Law, the Judicial System and the Legal Profession // The Cambridge History of Russia: Imperial Russia. Vol. 2 / Ed. by D. Lieven. Cambridge : Cambridge University Press, 2006.
19. Кони А. Ф. Федор Петрович Гааз. Биографический очерк. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1897.
20. ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 4. Д. 18.

References

1. Koni A. F. Materials about Religion, 1890–1920. In IRLI Pushkin House (hereinafter IRLI), f. 134, op. 1, d. 136. (In Russ.)
2. Kodintsev A. Ia., Mishalchenko Iu. V. Crimes Against State Power in the Works of Anatoly Fedorovich Koni. *Bulletin of the Russian Legal Academy*, 2023, no. 1. (In Russ.)
3. Cordin C. Anatolij F. Koni (1844–1927) zwischen Herrscher und Volk: Ein liberaler Jurist und seine autobiografische Praxis in Zarenreich und Sowjetunion. Köln: Böhlau, 2019.
4. Sadova E. A. Letter to the Literary Fund of the Writers' Union. In Manuscript Department of the Russian National Library, f. 666, op. 2, d. 219. (In Russ.)
5. Koni A. F. On the Road. In *Koni A. F. On Life's Journey*. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: I. D. Sytin's Publishing House, 1916. (In Russ.)
6. Koni A. F. Memories of the Zasulich Case. In *Koni A. F. Collected Works*. In 8 vols. Vol. 2. Moscow: Iuridicheskaja literatura, 1966. (In Russ.)
7. Chicherin B. N. On the Zasulich Case. In *Koni A. F.; Teodorovich M. F. (ed.). Memories of the Vera Zasulich Case*. Moscow; Leningrad: Academia, 1933. (In Russ.)

8. IRLI, f. 134, op. 4, d. 274. (In Russ.)
9. *Dolbilov M. M.* Russian Region, Alien Faith. Ethno-Confessional Policy of the Empire in Lithuania and Belarus under Alexander II. Moscow: New Literary Review, 2010. (In Russ.)
10. *Loginova I. V.* Attitude of the Russian Public and Authorities to the Multan Case at the End of the 19th Century: Thesis for a Candidate Degree in Historical Sciences. Nizhny Novgorod, 2002. (In Russ.)
11. Russian State Historical Archive (hereinafter RSHA), f. 1363, op. 2, d. 452. (In Russ.)
12. *Korolenko V. G.* Complete Works. In 9 vols. Vol. 4. St. Petersburg: A. F. Marx, 1914. (In Russ.)
13. *Dzherasi R.* Ethnic Minorities, Ethnography and Russian National Identity in the Face of the Court: Multan Case of 1892–1896. In *Leontieva O., Dolbilov M. (eds.)*. Russian Empire in Foreign Historiography. Moscow: New Publishing House, 2005. (In Russ.)
14. RSHA, f. 1363, op. 96, d. 452. (In Russ.)
15. *Koni A. F.* In the Case of the Multan Sacrifice. In *Koni A. F.* In Recent Years. St. Petersburg: A. S. Suvorin's Printing House, 1896. (In Russ.)
16. *Koni A. F. V. G.* Korolenko and the Court. In *Koni A. F.* Favorites. Moscow: Soviet Russia, 1989. (In Russ.)
17. *Karabchevskii N. P.* Fiftieth Anniversary of the Judicial and Social Activities of A. F. Koni. *New Time*, 30 September 1915. (In Russ.)
18. *Baberovski J.* Law, the Judicial System and the Legal Profession. In *Lieven D. (ed.)*. The Cambridge History of Russia: Imperial Russia. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
19. *Koni A. F.* Fedor Petrovich Gaaz. Biographical sketch. St. Petersburg: A. S. Suvorin's Printing House, 1897. (In Russ.)
20. IRLI, f. 134, op. 4, d. 18. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Т. Ю. Борисова – кандидат исторических наук.

Information about the author:

T. Yu. Borisova – PhD in History.

Статья поступила в редакцию 26.10.2023; одобрена после рецензирования 27.11.2023; принята к публикации 05.02.2024.

The article was submitted to the editorial office 26.10.2023; approved after reviewing 27.11.2023; accepted for publication 05.02.2024.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-54-70>

КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБВИНИТЕЛЬНЫХ РЕЧЕЙ А. Ф. КОНИ

Зиля Вагизовна Баишева

Институт права Уфимского университета науки и технологий,
450005, Россия, г. Уфа, ул. Достоевского, д. 131

zbaisheva@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается композиция судебных обвинительных речей известного русского юриста второй половины XIX в. А. Ф. Кони. Актуальность исследования определяется существенной ролью диспозиции в создании успешного судебного выступления, недостаточной изученностью в этом плане наследия А. Ф. Кони, а также практической важностью для современных юристов конкретных примеров действенного применения различных вариантов организации композиционных элементов в речи. Цель работы – выявление особенностей расположения содержательного материала, условий, определяющих организацию структурных элементов выступления, а также специфики применения языковых, стилеобразующих средств, их выбора, организации в различных композиционных частях речи. Методологической основой исследования являются методы композиционного и риторического анализа, а также описательный и структурный. Делается вывод об обусловленности композиции обвинительной речи ее содержанием, продиктованным обстоятельствами разбираемого дела, и позицией обвинения. Диспозиция содержательного материала в речи определяет также специфику применения языковых, стилеобразующих средств. Особым образом организованные структурные элементы речи в сочетании со стилистическими приемами представляют содержание в определенном, нужном оратору ракурсе и способствуют убеждению слушателей в истинности ораторской позиции. Результаты исследования могут быть применены в научных разработках в области изучения композиции судебной речи, а также практикующими юристами при подготовке судебных выступлений.

Ключевые слова: судебная речь; судебная обвинительная речь; композиция судебного выступления; микротемы основной части обвинительной речи; А. Ф. Кони.

Для цитирования: *Баишева З. Г.* Композиционные особенности обвинительных речей А. Ф. Кони // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 1. С. 54–70. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-54-70>

Research Article

COMPOSITIONAL FEATURES OF A. F. KONI'S ACCUSATORY SPEECHES

Zilya V. Baisheva

Institute of Law of Ufa University of Science and Technology, 131 Dostoevskii St.,
Ufa, Republic of Bashkortostan, 450005, Russia

zbaisheva@yandex.ru

Abstract

The article considers the composition of the judicial accusatory speeches of the famous Russian lawyer of the second half of the 19th century A. F. Koni. The relevance of the study is determined by the essential role of disposition in creating a successful court performance, the insufficient study of A. F. Koni's legacy in this regard, as well as the practical importance for modern lawyers of concrete examples of the effective use of various variants of the organization of compositional elements in speech. The purpose of the work is to identify the features of the location of the content material, the conditions that determine the organization of the structural elements of speech, as well as the specifics of the use of language, style-forming means, their choice, organization in various compositional parts of speech. The methodological basis of the research is the methods of compositional and rhetorical analysis, as well as descriptive and structural. It is concluded that the composition of the accusatory speech is conditioned by its content dictated by the circumstances of the case under consideration and the position of the prosecution. The disposition of meaningful material in speech also determines the specifics of the use of linguistic, style-forming means. Specially organized structural elements of speech in combination with stylistic techniques represent the content in a certain perspective that the speaker needs and help convince listeners of the truth of the speaker's position. The results of the research can be applied in scientific developments in the field of studying the composition of judicial speech, as well as by practicing lawyers in the preparation of court speeches.

Keywords: judicial speech; judicial accusatory speech; composition of judicial speech; microthemes of the main part of the accusatory speech; A. F. Koni.

For citation: *Baisheva Z. G. Compositional Features of A. F. Koni's Accusatory Speeches. Herald of the Russian Law Academy, 2024, no. 1, pp. 54–70. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-54-70>*

Введение

Анатолий Федорович Кони – «основатель русской школы судебного красноречия» [1, с. 9], «создатель русского судебного слова» [2], «творец таких форм его, что не многим удалось не то что сравниться, но даже близко подойти к ним» [2]. Наиболее ярко «могучее дарование первоклассного судебного оратора» [1, с. 9] проявилось в обвинительных речах А. Ф. Кони.

Наш интерес к наследию А. Ф. Кони определен высокой эффективностью его судебных выступлений, их композиционной отточенностью, а также проявляющимся в каждой речи мастерским сочетанием логических и изобразительно-выразительных способов представления материала.

Актуальность исследования определяется тем, что современные практикующие судебные ораторы остро нуждаются в конкретных примерах применения различных приемов, при помощи которых создаются эффективные судебные выступления. Изучение наследия А. Ф. Кони значимо в этом плане как в аспекте рассмотрения особенностей использования оратором лексических средств языка, применения средств выразительности, так и логической составляющей речи (приемов доказательства, методики их предъявления), а также особенностей построения судебных выступлений.

Несомненна значимая роль композиции в создании убедительного судебного выступления. Ведь «композиция – это тот каркас, та структура, на которой держится вся речь» [3, с. 16]. Структурные элементы речи располагаются в соответствии с логикой движения мысли, исходя из обстоятельств разбираемого дела, а также в соответствии с тем, какую последовательность представления содержательно-материала оратор считает наиболее логичной, понятной, а значит, и убедительной, для данной аудитории. Правильно построенное выступление значительно облегчает его восприятие слушателями и обуславливает его эффективность. «Если мысль скачет с предмета на предмет, перебрасывается, если главное постоянно прерывается, то такую речь невозможно слушать» [4, с. 127], – писал А. Ф. Кони. По мнению же современников известного юриста, конструкция его речей «может считаться образцовой, вступления и заключения отличаются редкой оригинальностью и красотой» [5, с. 14]. Сказанное определило предмет нашего исследования – особенности композиции обвинительных речей А. Ф. Кони.

Множество исследований посвящено проблемам композиции речевого произведения [6; 7; 8 и др.] и, в частности, судебного выступления [3; 9; 10; 11; 12; 13 и др.], однако интерес ученых к теме не ослабевает, так как многие аспекты данной проблемы все еще остаются малоизученными. Общеизвестно, что в настоящее время

функционально-стилистическая теория композиции, разработанная В. В. Одинцовым. Исследователь утверждает, что: «в композиции непосредственно объединяются, сочетаются, так сказать, фокусируются содержательные и формальные элементы текста. Композиция – это группировка по определенной схеме элементов содержания (общих положений, фактов), но сама эта группировка способствует и выражению, и выразительности содержания, в большой степени обуславливая общий характер и отдельные особенности текста» [14, с. 133].

Мы исходим из того, что композиция представляет собой упорядоченное изложение всего содержания речи, обусловленное ораторской целью, особенностями ситуации и свойствами аудитории. При этом данное в определенной последовательности сообщение диктует выбор речевых приемов, максимально способствующих оказанию убеждающего воздействия на слушателей.

В судебной, как и в любой другой публичной речи, выделяются три основных структурных элемента: вступление – основная часть – заключение.

1. Вступительная часть обвинительной речи

Важной составной частью ораторской речи является вступление, так как восприятие всего выступления в значительной степени зависит от его начала. А. Ф. Кони советовал: первые слова оратора «должны быть чрезвычайно просты, доступны, понятны и интересны (должны отвлечь, зацепить внимание). <...>. Чтобы открыть (найти) такое начало, надо думать, взвесить всю речь и сообразить, какое из <...> начал <...> может подходить и быть в тесной связи хоть какой-нибудь стороной с речью» [4, с. 124]. Иными словами, вступительная часть должна быть тесно связана с основной, служить исходной точкой для всей речи.

О способах построения вступительной части своих обвинительных речей А. Ф. Кони писал: «О построении обвинительных речей могу сказать, что никогда не следовал какому-либо общему и предвзятому приему. Черпая свои доводы из житейского опыта, психологического анализа побуждений и сопоставления между собою объективных обстоятельств дела, я начинал речи то с краткого описания события преступления, то с оценки бытового значения преступного деяния, о котором шло дело, то с характеристики главнейших личностей в деле, то, наконец, с изложения шаг за шагом хода тех следственных действий, результатом которых явилось предание суду» [15, с. 159].

Нами проанализировано 16 обвинительных речей А. Ф. Кони. В каждой из них представлено естественное вступление, определенное замыслом оратора и являющееся отправной точкой для изучения всех обстоятельств рассматриваемого дела.

Эффективным приемом возбуждения внимания слушателей в речах обвинителя А.Ф. Кони оказывается указание на характерные особенности дела (использовано в восьми речах из 16). При помощи этого приема оратор подчеркивает сложность разбираемого дела и, соответственно, необходимость ответственного подхода судей к принятию решения по делу, настраивает слушателей (прежде всего присяжных заседателей) на вдумчивую, серьезную работу. Обвинитель обычно начинает выступление с указания важности, значимости или необычности рассматриваемого

мого дела и далее обязательно отмечает характеристические особенности дела: «Господа судьи! Господа присяжные заседатели! Вам предстоит рассмотреть дело, выходящее из ряда вон как по трудности своего возникновения, так и по некоторым своим особенностям. Подобного рода дела редко доходят до суда. Преступление, о котором идет речь, обставляется обыкновенно так, что становится очень трудноуловимым...» [16, с. 76].

В ряде случаев А. Ф. Кони начинает обвинительную речь с картины преступления: «Господа судьи! Господа присяжные заседатели! 10 января нынешнего года отец Илларион, иеромонах Александро-Невской лавры, был найден в своей келье окончившим жизнь насильственным образом от чужой руки...» [16, с. 269]. Слушатели мгновенно оказываются в центре трагичных событий, вновь эмоционально переживают подробности совершенного преступного деяния. Все это психологически подготавливает аудиторию к принятию предлагаемой обвинением юридической квалификации преступления. К такому началу следует отнести также вступления, в которых прямо указывается, по обвинению в совершении какого преступного деяния подсудимый предан суду: «Господа судьи! Подсудимый, оставший штабс-ротмистр Колемин, предан вашему суду по обвинению в том, что в доме его была организована игра в рулетку» [16, с. 366].

Довольно часто во вступлении А. Ф. Кони говорит об общественной опасности преступления, что помогает убедить слушателей в справедливости привлечения подсудимого к ответственности, тем самым подготавливая аудиторию к принятию позиции обвинения: «Пред вами нет потерпевших лиц: никто не плачется о своем несчастье, никто не говорит о преступлении подсудимого с тем жаром, с каким обыкновенно говорят пострадавшие. Но это происходит оттого, что потерпевшим лицом представляется целое общество ...» [16, с. 93].

Во вступлении А. Ф. Кони обязательно кратко и ясно формулирует главную мысль выступления, таким образом вводя слушателей в тему речи и подготавливая их к ее восприятию. Здесь же четко определяется отношение обвинения к рассматриваемому делу: «Обвинительная власть <...> полагает, что обнищание действительно совершилось, но не при жизни покойного, а после его смерти, в ущерб его наследникам <...>. Она <...> решает считать виновником этого превращения солидных средств в 28 руб. человека, который, по его собственным словам, будучи другом умершего, «никогда не сходил с пути чести и добра» [16, с. 39].

Далее следует четко сформулированная программа речи, оратор называет все важные вопросы, на которые будет дан ответ в выступлении. Такое разделение (детализация) создает ощущение всестороннего исследования проблемы, предельно полного изложения, помогает слушателям в дальнейшем следить за ходом мысли оратора и лучше понимать сказанное. Слушатель как бы рассуждает вместе с оратором: «Когда совершается преступление, то первый вопрос, возникающий для исследователей этого преступления, – вопрос о месте совершения его, затем идут вопросы о том, как совершено преступление, когда, кем и при каких условиях...» [16, с. 159].

С целью привлечь внимание аудитории и расположить ее к себе А. Ф. Кони применяет различные речевые приемы. Так, при помощи активно используемого приема намек подчеркивается беспристрастность судей, вынесение ими спра-

ведливого приговора по велению совести, обвинитель осторожно подсказывает присяжным заседателям, на какие особенности дела следует обратить внимание при вынесении приговора и каким именно должен быть этот приговор: «Я буду касаться только выдающихся его [дела] сторон, будучи убежден, что остальное дополняют *ваша память и совесть*. <...>. *Вы взгляните в эти деяния пытливым взором и в приговоре вашем оцените их нравственное достоинство*» [16, с. 233].

Вопросительные конструкции во вступлении, как правило, используются А. Ф. Кони для изложения программы выступления. Они подчеркивают строгую логику развертывания ораторской мысли, четко выражают цели выступающего и обозначают переход к основной части речи. Вопросы дают возможность слушателям двигаться по речи вместе с оратором, облегчают восприятие речи, настраивают аудиторию на совместное обсуждение: «...эта трудность не мешает нам <...> остановиться на трех существенных вопросах, разрешив их в том или другом смысле, или оправдать, или обвинить Горшкова. <...>. *Вопросы эти следующие: 1) мог ли Горшков не знать об оскотлении своего сына, <...>? 2) существует ли между Григорием Горшковым и скопчеством известного рода нравственная связь <...>? и 3) не он ли вовлек сына в скопчество <...>?»* [16, с. 137].

Повторы позволяют оратору детализировать, уточнить мысль, заставляют слушателей задуматься над определенным моментом речи, усиливают экспрессивность выступления: «Я чувствую всю *трудность* предстоящей мне задачи. *Трудность эта* состоит не в том, чтобы я сомневался в вашей справедливости, беспристрастии, внимании <...>. Нет! *Трудность эта* вызывается тем впечатлением, которое производят вообще дела подобного рода...» [16, с. 136–137].

Нередко во вступлении А. Ф. Кони использует периоды, которые позволяют обнажить скрытые взаимосвязи различных явлений: «*Когда* возникает серьезное обвинение, *когда* на скамье подсудимых сидят не совсем обыкновенные люди, *когда* они принадлежат не к тому слою общества, который поставляет наибольшее число преступников, <...> *то*, естественно, является желание познакомиться с личностью подсудимых, узнать свойства и характер самого преступления» [16, с. 91].

Давая общественную или моральную оценку деяния, А. Ф. Кони обычно использует прием контраста. Оратор противопоставляет обвиняемых, которые имели все условия, чтобы жить честно и не преступать закон, лицам, становящимися преступниками в силу различных житейских обстоятельств – бедности, неразвитости и т.п.: «Вам, господа присяжные заседатели, <...> приходилось встречаться преимущественно с подсудимыми обыкновенного типа. <...>. Бедность, неразвитость, отсутствие безвредных развлечений и иногда крайне печальная нравственная и бытовая обстановка являлись причинами, привлекавшими их на скамью подсудимых. <...>. Перед нами другие подсудимые. Перед нами люди, <...> которые имеют средства к существованию довольно определенные, а один из них – даже сравнительно весьма большие» [16, с. 232].

2. Основная часть обвинительной речи

В каждом выступлении обвинителя А. Ф. Кони все обязательные микротемы (изложение фактических обстоятельств преступления (фабула дела); анализ и оценка

собранных по делу доказательств; характеристика личности подсудимого и потерпевшего; обоснование квалификации преступления; соображения о мере наказания; рассмотрение вопросов, связанных с возмещением причиненного преступлением материального ущерба; анализ причин и условий, способствовавших совершению преступления) представлены в полном объеме. Проведенный нами анализ позволяет говорить об определенной последовательности их расположения. Конечно, в зависимости от характера рассматриваемого дела эта последовательность может варьироваться, однако общая схема просматривается четко.

Основная часть, как правило, начинается с изложения фактических обстоятельств дела. Так, в речи «По делу о подлоге завещания от имени купца Козьмы Беляева» [16, с. 174–231] после указания характеристических особенностей рассматриваемого дела во вступительной части оратор плавно переходит к фабуле преступления, знаменующей начало основной части речи. Далее детально анализируются все имеющиеся в деле доказательства. В эту микротему включаются характеристики личности подсудимого, потерпевшего и ряда других участников разбираемого дела. Далее следует анализ причин, способствовавших совершению преступного деяния, и обоснование квалификации преступления.

В большинстве речей описание основных событий и хода преступления соединяется с их анализом, доказательства включаются в изображение картин преступления. Например, в речи «По делу об убийстве Филиппа Штрама» [16, с. 158–173] решение вопроса о месте, способе, времени и цели убийства разворачивается на фоне описания произошедших событий. То же в речи «По делу о подлоге завещания капитана гвардии Седкова» [16, с. 307–334], где обвинитель также описывает произошедшее постепенно, соединяя это описание с доказательством виновности подсудимых.

В целом оратору свойственно системно-логическое, объясняющее, «рассуждающее» изложение. При этом обычно применяется концентрический метод расположения материала, который дает возможность повторять наиболее значимые положения, соединять в изложении логичность и экспрессию. В выступлениях А. Ф. Кони широко представлены различные типы речи: описание, повествование, рассуждение, а также определение и характеристика. Они сменяют друг друга, переплетаются, формируя особый композиционный рисунок речи. Композиционные и стилистические особенности судебной речи, т.е. взаиморасположение микротем, отбор, расстановка и сочетание средств воздействия, обуславливаются содержанием речи, продиктованным обстоятельствами разбираемого дела, и ораторской целью. Все средства передачи смыслового содержания в речах А. Ф. Кони работают на достижение главной цели – обоснование позиции обвинения. Эта ориентация всех применяемых приемов на одно, соотношенность содержательного, композиционного и стилистического компонентов создают структурно-стилистическое единство всего текста выступления.

Рассмотрим основные структурные элементы обвинительных речей А. Ф. Кони.

Довольно много места в речи обвинителя отводится фабуле дела. Для А. Ф. Кони характерно последовательное, подробное и четкое изложение обстоятельств преступления. Воспроизведение событий, как правило, включает описание характе-

ров участников, а также их действий, мотивов с изложением всех существенных обстоятельств. При этом изложение не содержит никаких подробностей, не имеющих отношения к делу.

Обвинитель чаще использует систематический способ изложения материалов дела, т.е. события представляются в том порядке, в каком они происходили. Изложение фактических обстоятельств совершения преступления обычно соединяется с анализом и оценкой доказательств.

Для преподнесения смыслового содержания используется тип текста повествование. Это рассказ о том, что произошло, случилось. Здесь особенно ярко проявляется мастерство А. Ф. Кони – рассказчика. Обвинитель не только рассказывает о том, что совершил подсудимый, но и интерпретирует, дает оценку его действий, он придает речи экспрессивность, создает картину преступления, используя для этого различные эмоционально-риторические средства.

В рамках анализа и оценки доказательств обвинитель А. Ф. Кони тщательно исследует все имеющиеся в материалах дела аргументы как подтверждающие позицию обвинения, так и могущие быть истолкованы в пользу защиты. Оратор терпеливо разъясняет слушателям, в чем сила одних аргументов и доказательством какого положения обвинения они служат; в чем слабость других аргументов. С особым тщанием анализируются обстоятельства, смягчающие вину подсудимого, в чем проявляется объективность и всесторонность подхода обвинителя к рассматриваемому делу.

В процессе исследования доказательств оратор анализирует и оценивает все версии произошедшего, преступное событие рассматривается с различных точек зрения. Таким образом обвинитель исключает все могущие возникнуть сомнения в оценке произошедшего. В подтверждение наших слов приведем мнение современника А. Ф. Кони К. К. Арсеньева, высказанное в ходе анализа речи «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем»: «Емельянов обвиняется в убийстве жены; но она могла быть убита другим лицом, могла убить сама себя. И вот, Кони разбирает по очереди каждую из этих загадок, разбирает ее и со стороны обстановки, при которой совершилось спорное событие, и со стороны нравственной личности Емельяновой, и со стороны статистических данных о самоубийстве. Не оставляется без внимания ни одна черта, могущая послужить камнем преткновения для присяжных – и путем исключения всех ответов, кроме одного, достигается мало-помалу такая степень вероятности, которая с практической точки зрения равносильна достоверности» [17, с. 779–780].

Характерно для А. Ф. Кони применение приема детализации, т.е. очень подробное рассмотрение явлений, до мельчайших деталей, казалось бы, не имеющих какого-либо значения для обоснования позиции обвинения. Судебному оратору важно представить события, которые он восстанавливает на основе материалов дела, как действительно произошедшие. Именно детали создают ощущение реальности описываемых событий. Так, в речи «По делу о нанесении губернским секретарем Дорошенко мещанину Северину побоев, вызвавших смерть последнего» [16, с. 335–365], доказывая, что побои Северину были нанесены именно в Григоровке и именно подсудимым, оратор разбирает все возможные предположения, обра-

щает внимание даже на выражение, которое использовал в своей речи потерпевший, и разъясняет его. В частности, здесь разбирается фраза Северина о том, что его побили «разбойники» [16, с. 347].

Доскональный разбор каждого аргумента увеличивает речь в объеме, однако не возникает ощущения громоздкости текста, так как в нем нет лишних слов или фактов. Выступление лаконично. Так, в речи «По делу о подлоге завещания от имени купца Козьмы Беляева» доказательство подложности завещания занимает примерно четверть объема всей речи (12 страниц текста из 48). Обвинитель рассматривает личность завещателя; устанавливает размеры состояния Беляева на основе официальных документов и неофициальных (дневник Беляева, записная книжка, свод капиталов и доходов); исследует его манеру оформления документов, его отношение к делу; анализирует показания Беляевой, ее поведение; подробно рассматривает содержание завещания (его текст); характеризует свидетелей, подписавших завещание; приводит данные каллиграфической экспертизы [16, с. 183–194].

Такое неспешное, последовательное движение оратора по речи, постепенное наращивание смыслового содержания и доказательного материала, по сути, представляет собой реализацию стратегии накопления, характерной для русской риторики: «подходя к теме с разных сторон, используя разные виды доводов, демонстрируя собственную уверенность и не обнаруживая излишней суетности, оратор постепенно наращивает уверенность в правильности защищаемой им модели» [18, с. 116]. Аргументы при этом располагаются по нарастающей, т.е. их сложность увеличивается постепенно вместе с поступательным усилением концентрации внимания слушателей.

В обвинительных речах А. Ф. Кони всегда дается характеристика личности подсудимого и потерпевшего. В ряде случаев характеризуются также другие участники произошедших событий. Характеристики могут включаться в фабулу дела. Например, в речи «По делу об убийстве Филиппа Штрама» [16, с. 158–173] характеристика личности потерпевшего дается в самом начале изложения фактических обстоятельств дела после описания места совершения преступления и служит цели раскрытия мотивов совершения преступления.

В речи «По делу о подлоге расписки в 35 тысяч рублей серебром от имени княгини Щербатовой» [16, с. 54–75] характеристика личности потерпевшей входит в микротему «Анализ и оценка собранных по делу доказательств» и служит важным доказательством совершения преступления подсудимым. Обвинитель рассматривает личность потерпевшей княгини Щербатовой с целью показать, что женщина с таким характером, как у нее, не могла подарить подсудимому Торчоловскому 35 тыс. руб. [16, с. 55–57].

Характеристика личности начинается с указания источников, на основе которых эта характеристика составлена: «Мы имели перед собой группу разнообразнейших свидетелей. Они <...> изобразили всю домашнюю обстановку и самую личность княгини Щербатовой» [16, с. 55].

Оратор указывает социальный статус потерпевшей. Отсюда слушатели узнают о происхождении титула и богатств этой женщины. Указывается место ее жительства, которое свидетельствует об уровне ее благосостояния. Немаловажный

факт – возраст княгини: в таком возрасте человек уже не имеет особых возможностей для того, чтобы использовать большие средства. Далее оратор обращает внимание на уровень образованности княгини, причем подкрепляет свои слова ссылкой на показания свидетельницы. Этот момент в характеристике личности потерпевшей очень важный. В дальнейшем обвинитель использует этот факт для объяснения причины того, почему на подложной расписке в 35 тыс. руб. появилась подлинная подпись Щербатовой (она не знала грамоте и подписывала бумаги, которые ей давали, не читая).

Обвинитель очерчивает круг общения княгини, чтобы показать ее богатство и ее скупость; создается яркая картина, описывающая образ жизни княгини. Используя различные образные средства (метафоры: *облепили* ее со всех сторон; эпитеты: *скудный* стол; литота: *крохи* и др.), А.Ф. Кони подчеркивает ее скупость. А просторечное *крохи* придает этому описанию экспрессивность.

Данная характеристика личности потерпевшей послужила для обвинения одним из важнейших доводов в доказательстве подложности расписки в 35 тыс. руб.: «Возможно ли, чтобы такая женщина решилась подарить 35 тыс. руб. подсудимому Торчаловскому? Полагаю, что на этот вопрос приходится отвечать только отрицательно. *Это невозможно ни по главным чертам ее характера, ни по тем общим свойствам, которые присущи большинству людей...*» [16, с. 57].

Создавая характеристику личности, оратор использует три типа речи: описание, рассуждение, повествование. Характеристика является разновидностью описания, поэтому в тексте обнаруживаются такие признаки этого типа речи, как фиксация явлений, отсутствие движения, каких-либо изменений, оценка явлений, событий, объектов, перечисление особенностей описываемого объекта. Грамматически это проявляется в использовании в описании глаголов в форме несовершенного вида настоящего и прошедшего времени («княгиня *обладает* большим состоянием, но *не пользуется* им» [16, с. 56]; «*проживает* в среде приживалок, компаньонов, которые *льстят* ей, *пользуются* крохами, падающими с ее скудного стола» [16, с. 56]; «*любит наряжаться, хвастается и величается* своими бриллиантами» [16, с. 56] и т.п.).

Описание чередуется с элементами повествования. Для передачи цепочки событий оратор использует глаголы совершенного вида, которые, обозначая чередуемые события, передают развитие повествования. В таких случаях оратор строит небольшие по объему предложения, обычно простые по структуре («она *вышла* замуж еще в 1812 году» [16, с. 56]; «окончательно *прогнала* мужа от себя за то, что он *продал* подаренную ею шубу» [16, с. 57]; «даже Константиновой она *ничего не оставила*» [16, с. 57]; «свидетели *постарались обрисовать* эту сторону ее натуры. Благодаря им мы *узнали* ...» [16, с. 56]).

Значительное место в характеристике занимают рассуждения оратора. А. Ф. Кони описывает потерпевшую с целью разяснить и подтвердить свою мысль: Щербатова не могла подарить подсудимому Торчаловскому 35 тыс. руб. Все указываемые в характеристике признаки лица служат для достижения поставленной цели. Рассуждение как тип речи отличается наличием абстрактной лексики, сложноподчиненных предложений, вводных конструкций.

Моралист А. Ф. Кони умело соединяет в своей речи рассуждения на общие нравственные темы с рассмотрением конкретных обстоятельств дела. Так, в характеристику личности потерпевшей вплетаются размышления оратора о способности/неспособности людей оказывать благодеяния: «Уменьше оказывать милосердие, творить добро украдкою <...> способность оказывать помощь ближнему без особых разговоров о своем деле <...> – удел не многих натур <...>. Такие люди, конечно, попадаются в жизни, но <...>, к сожалению, очень часто благодеяния носят в себе неизбежную горечь оглашения и самовосхвалений благодетеля, а подчас – и его попреков» [16, с. 57]. В данном фрагменте обращает на себя внимание обилие абстрактной лексики (*милосердие, добро, благодеяние, признательность, оглашение, самовосхваление* и др.). Явно выражена и позиция автора (в частности, при помощи вводных слов: *конечно, к сожалению*).

Далее оратор переходит к конкретному рассуждению, связанному с обстоятельствами дела. При этом рассуждение строится строго по правилам. Оно включает: 1) посылку – четко выраженную главную мысль рассуждения; 2) основную часть – «ряд суждений, которые следуют одно за другим так, что из предшествующих суждений вытекают другие» [7, с. 146]. Причем умозаключения оратора принимают форму риторических вопросов, придающих ораторской речи лаконичность и усиливающих ее убедительность («*Возможно ли, чтобы она <...> выдала расписку в эту сумму? Стала ли бы об этом молчать? Ужели такая женщина подарит 35 тыс. руб., не говоря об этом никому?*» [16, с. 57]); 3) вывод, представляющий собой ответ на поставленный вопрос [7, с. 146].

Так в речи А. Ф. Кони чередуются, сменяют друг друга описание, повествование, рассуждение, оживляя речь, давая слушателям объемное представление о рассматриваемом преступном деянии – события преступления и действующие лица изображаются, их действия объясняются и осмысливаются.

В речи «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем» [16, с. 23–38] в рамках микротемы «Анализ причин и условий, способствовавших совершению преступления» характеризуются личность подсудимого Емельянова, потерпевшей – жены Емельянова Лукерьи, а также личность Аграфены – любовницы Емельянова. А. Ф. Кони показывает, как взаимоотношения этих людей в сочетании с особенностями их личностей привели одного из участников событий на скамью подсудимых, а другую сделали жертвой преступления. Характеристики Лукерьи и Аграфены помогают лучше раскрыть характер подсудимого. Обвинитель показывает, как свойства характеров этих двух женщин, их поведение повлияли на подсудимого, невольно способствовали рождению у подсудимого мысли о совершении преступления. Таким образом обвинитель раскрывает слушателям причины и мотивы совершения преступления.

В эмоциональном плане эта микротема оказывается кульминационной, так как здесь описывается психическое состояние подсудимого, разбираются обстоятельства, обусловившие его преступные действия. В этой части обвинительной речи обнаруживаются признаки художественного повествования: оратор широко использует разнообразные образные средства, речевые приемы (антитеза, повторы, эпитеты, сравнения, метафоры, градация, инверсия, риторические вопросы, восклицание, вопросно-ответные единства и др.).

Характеризуя личность подсудимого, А. Ф. Кони неизменно делает акцент на психологическом исследовании личности: обвинитель стремится понять и растолковать слушателям, какие душевные свойства способствовали зарождению и развитию в человеке мысли о преступлении; почему в характере человека не оказалось сдерживающих элементов, и он совершил преступное деяние; не противоречит ли поведение, конкретные действия данной личности качествам ее характера. В целом психологическая характеристика личности помогает понять и объяснить поведение подсудимого, его мотивы, а также факторы, благоприятствовавшие преступным действиям.

В каждой обвинительной речи А. Ф. Кони мы находим характеристики подсудимых, в которых раскрывается индивидуальность человека, совершившего преступление. Обвинитель акцентирует внимание на тех составляющих характеристики, которые важны в данном случае для непредвзятого рассмотрения дела и вынесения законного решения: рассказывает об условиях жизни подсудимого, об обстановке, в которой прошло его детство и происходило становление его личности, о его социальном положении и пр. Внимательно разбирается также его психическое состояние непосредственно перед совершением преступления, в момент совершения преступных действий и сразу после них. Все это делается с целью дать возможность присяжным заседателям понять основные качества личности, оказавшейся на скамье подсудимых, и причины его противозаконных действий.

Исследуя личность подсудимого, А. Ф. Кони обязательно характеризует потерпевшего и нередко еще и других лиц, оказавшихся втянутыми в ситуацию преступления. Такая характеристика дает обвинителю возможность показать, какие особенности каждого вовлеченного в эту трагедию лица поспособствовали созданию такого положения, которое одного из участников подтолкнуло к преступлению, а другого сделало его жертвой.

Следует отметить, что нередко А. Ф. Кони использует для характеристики личности подсудимого или иного лица особенности его речевого поведения, так как высказываемые человеком соображения, фразы, даже отдельные слова бывают очень выразительны. Например, в речи «По делу об акушере Колосове...» именно в речевом поведении Никитина обнаруживаются наиболее характерные для этой личности черты: когда Ярошевич «задумал отравить Колосова, то пришел к Никитину и сказал, что копошится в его душе. *Ничего не ответил Никитин, а зашагал по комнате, ходил взад и вперед, молча и задумчиво, и наконец, сказал: да, когда змея заползет в нашу среду, то ее нужно задушить, и чем скорее, тем лучше*» [16, с. 265]. Эти слова, по мнению А. Ф. Кони, «как живого, рисуют» [16, с. 265] Никитина: «Сердце и совесть стоят у него назади <...>. Поэтому, когда Олесь сказал об отравлении, он не возмущился, не заспорил, а замолчал...» [16, с. 265]. Здесь выразительно и молчание Никитина, и слова, прозвучавшие следом.

3. Заключительная часть обвинительной речи

Наши наблюдения показывают, что в любой обвинительной речи А. Ф. Кони заключительная часть немногословна, логична, вытекает из обстоятельств рассматриваемого дела, завершает круг основных идей и мыслей, проходящих крас-

ной нитью через всю речь, и, что особенно важно, выразительна. Заключительная часть рассматривается обвинителем как еще одна, последняя, возможность оказать убеждающее воздействие на слушателей, усилить позицию обвинения.

А. Ф. Кони используют различные виды заключения в зависимости от особенностей анализируемого дела. Так, в речи «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем» [16, с. 37–38] оратор кратко повторяет в заключении наиболее важные положения основной части выступления, чтобы напомнить их слушателям, тем самым давая присяжным заседателям возможность во всей полноте учесть положения обвинения при принятии решения по делу.

В речи «По делу об акушере Колосове...» [16, с. 268] обвинитель говорит о последствиях, которое имело это преступление для его участников. Такое заключение А.Ф. Кони применяет в тех случаях, когда считает необходимым обратить внимание слушателей на разрушительное влияние нравственно испорченных людей на других членов общества и в связи с этим на острую необходимость ограждения общества от вредных личностей не только как «людей, совершающих известное, караемое законом преступление» [16, с. 268], но и «как вносящих всюду, куда они проникают, во все, к чему они прикасаются, нравственную заразу» [16, с. 268].

В заключительной части каждого выступления обвинитель А. Ф. Кони старается оказать эмоциональное воздействие на слушателей, вызвать в них глубокие чувства сострадания, сочувствия, неприятия зла и др. Таким образом оратор усиливает логическую аргументацию, представленную в основной части речи. Так, в речи «По делу о лжеприсяге...» [16, с. 90] обвинитель использует различные речевые приемы и образные средства: яркие эпитеты («*отточенными и напитанными ядом показаниями*» [16, с. 90]), метафоры («*заползут со своею ложью*» [16, с. 90]), противопоставления («*действуют неожиданно для других и очень обдуманно и безопасно для себя*» [16, с. 90]; «*отсутствие способности краснеть и присутствие способности заставить замолчать свою совесть*» [16, с. 90]), сравнения («*не рискуя, подобно вору, каждую минуту свою безопасность, никогда не действуя под влиянием увлечения или страсти, что бывает зачастую и в убийстве*» [16, с. 90]) и др. Оратор воздействует также на религиозные чувства своего слушателя, вспоминая вечную книгу – Библию.

В заключении обвинитель распределяет ответственность за совершенное деяние между подсудимыми. При этом, как правило, разделяется ответственность нравственная и юридическая. В заключительной же части речи нередко рассматриваются вопросы, связанные с возмещением причиненного преступлением материального ущерба.

А. Ф. Кони широко применяет прием обрамления: во вступлении и заключении каждой речи обвинитель обращается к присяжным заседателям со словами о важности принятия объективного, соответствующего истине решения с учетом всех значимых обстоятельств дела. Возвращаясь в заключении к мысли, высказанной в начале речи, оратор подчеркивает цельность своего выступления, связность всех его частей, завершенность речи: «Конец речи должен закруглить ее, то есть связать с началом» [4, с. 127].

Заключение, как правило, небольшое по объему. Оно подводит итог всему сказанному. По мнению А. Ф. Кони, «конец должен быть таким, чтобы слушатели почувствовали, что дальше говорить нечего» [4, с. 127].

Заключение

Таким образом, вступление в обвинительных речах А. Ф. Кони тесно связано с основной частью, настраивает слушателей на общение (вызывает интерес и благожелательное внимание); обеспечивает восприятие аудиторией ораторской позиции. Для достижения всего названного А. Ф. Кони использует прием обращения внимания на характерные особенности дела; начинает выступление с картины преступления; дает оценку общественной опасности преступления; формулирует главную мысль своей речи, представляет точно сформулированную программу речи; использует различные речевые приемы (прием намека, контраста, вопросительные конструкции, повторы, периоды и т.п.).

Основная часть содержит развитие основной мысли, намеченное во вступлении. Здесь представлены все обязательные в основной части обвинительной речи микротемы, а также различные типы речи (описание, повествование, рассуждение). Все эти композиционные элементы перемежаются, соединяются, создавая структуру текста. При этом широко используются разнообразные образные средства, речевые приемы (антитеза, повторы, эпитеты, сравнения, метафоры, градация, инверсия, риторические вопросы, восклицание, вопросно-ответные единства и др.).

В каждой обвинительной речи А. Ф. Кони уделяет особое внимание характеристике личности подсудимого, потерпевшего, других участников произошедшего. В одних случаях характеристика подсудимого или потерпевшего дается с целью раскрытия мотивов совершения преступления, в других – для раскрытия причин, способствовавших совершению преступного деяния, в третьих – характеристика служит важным доказательством совершения конкретного преступления подсудимым.

Заключительная часть обвинительных речей А. Ф. Кони всегда лаконична, выразительна, вытекает из обстоятельств рассматриваемого дела, подводит итог всему сказанному, «закругляет» речь. В выступлениях обвинителя представлены все три основных вида заключения, характерных для судебной речи. При этом патетический элемент присутствует в заключении всегда.

Применение тех или иных стилистических приемов обусловлено особенностями расположения в речи содержательного материала, т.е. структурой речи, назначением композиционных элементов и замыслом оратора. Так, все изобразительно-выразительные средства во вступительной части выступления работают на привлечение внимания слушателей, создание доброжелательного отношения к оратору и его выступлению, подготавливают к принятию ораторской позиции. В основной части все стилистические средства призваны убеждать слушателей в истинности позиции обвинения. Одни и те же стилистические приемы, применяясь в разных композиционных частях выступления, выполняют различные функции. Вопросительные конструкции во вступительной части выступления способствуют привлечению внимания слушателей и направлению этого внимания, облегчают восприятие основной части речи оратора, делают речь более понятной, а значит, более убедительной. Такие же вопросительные конструкции, примененные в ходе анализа и оценки доказательств способствуют активизации мыслительной деятельности слушателей, передают ход мыслей оратора, делают

слушателей участниками процесса рассуждений и доказательства рассматриваемых положений. Эпитеты, применяемые в ходе характеристики той или иной личности, способствуют точным, лаконичным описаниям, помогают назвать те качества личности, которые важно выделить, обратить на них внимание в данной ситуации. Эпитеты в заключительной части обвинительной речи, как правило, используются с целью создать определенную эмоциональную атмосферу, вызвать в слушателях соответствующие чувства (сострадания, уважения и пр.).

В целом в каждой обвинительной речи А. Ф. Кони четко выделяются основные композиционные части: вступительная, основная и заключительная. Организация структурных элементов внутри каждой из этих частей обусловлена содержанием выступления, продиктованным в свою очередь обстоятельствами разбираемого дела, а также позицией обвинения. Выбор и организация образных средств, речевых приемов также определяются содержательным материалом и ораторской целью. В совокупности все композиционные и языковые, стилеобразующие средства работают на создание эффективного выступления.

Пристатейный библиографический список

1. *Выдря М. А.* Ф. Кони как судебный оратор. Вступительная статья / *Кони А. Ф.* Собрание сочинений : в 8 т. Т. 3. М. : Юрид. лит., 1967.
2. *Грузенберг О. О.* Письмо А. Ф. Кони от 30 декабря 1923 г. // РО ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 490.
3. *Одинцов В. В.* Структура публичной речи. М. : Знание, 1976.
4. *Кони А. Ф.* Советы лекторам // Об ораторском искусстве : сборник / авт.-сост. А. В. Толмачев. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Госполитиздат, 1958.
5. *Левенстим А.* Речь государственного обвинителя в уголовном суде. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1894.
6. *Виноградов В. В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1963.
7. *Солганик Г. Я.* Стилистика текста. М. : Флинта ; Наука, 2002.
8. *Кайда Л. Г.* Стилистика текста : от теории композиции – к декодированию : учебное пособие. М. : Флинта, 2022.
9. *Одинцов В. В., Михайловская Н. Г.* Искусство судебного оратора. М. : Юрид. лит., 1981.
10. *Алексеев Н. С., Макарова З. В.* Ораторское искусство в суде. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1985.
11. *Кыркунова Л. Г.* Судебная речь : методика работы над композицией // Юрислингвистика-10 : Лингвоконфликтология и юриспруденция : межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н. Д. Голева, Т. В. Чернышовой. Кемерово ; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010.
12. *Шуйская Ю. В.* Композиция и структура речи : монография. М. : Изд-во РУДН, 2015.
13. *Галюк И. В.* Культура публичной речи : учебно-методическое пособие для ДПО. СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2016.

14. *Одинцов В. В.* Стилистика текста. М. : Наука, 1980.
15. *Кони А. Ф.* Приемы и задачи прокуратуры / *Кони А. Ф.* Собрание сочинений : в 8 т. Т. 4. М. : Юрид. лит., 1967.
16. *Кони А. Ф.* Собрание сочинений : в 8 т. Т. 3. М. : Юрид. лит., 1967.
17. *Арсеньев К. К.* Русское судебное красноречие // Вестник Европы. 1888. № 4.
18. *Хазазеров Г. Г., Корнилова Е. Е.* Риторика для делового человека. М. : Флинта ; Московский психолого-социальный институт, 2001.

References

1. *Vydria M. A. F.* Koni as a Judicial Speaker. Introductory Article. In *Koni A. F. Collected Works*. In 8 vols. Vol. 3. Moscow: Iuridicheskaja literatura, 1967. (In Russ.)
2. *Gruzenberg O. O.* Letter of A. F. Koni of 30 December 1923. In RO IRLI, f. 134, op. 3, unit hr. 490. (In Russ.)
3. *Odintsov V. V.* Structure of Public Speech. Moscow: Znanie, 1976. (In Russ.)
4. *Koni A. F.* Tips for Lecturers. In Tolmachev A. V. (comp.). About Oratory: Collection. 4th ed. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1958. (In Russ.)
5. *Levenstim A.* Speech of the State Prosecutor in the Criminal Court. St. Petersburg: M. M. Stasiulevich's Printing House, 1894. (In Russ.)
6. *Vinogradov V. V.* Stylistics. Theory of Poetic Speech. Poetics. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1963. (In Russ.)
7. *Solganik G. Ia.* Stylistics of the Text. Moscow: Flinta; Nauka, 2001. (In Russ.)
8. *Kaida L. G.* Stylistics of the Text: From the Theory of Composition to Decoding: Textbook. Moscow: Flinta, 2022. (In Russ.)
9. *Odintsov V. V., Mikhailovskaia N. G.* The Art of a Judicial Speaker. Moscow: Iuridicheskaja literatura, 1981. (In Russ.)
10. *Alekseev N. S., Makarova Z. V.* Oratorical Art in Court. Leningrad: Leningrad University Publishing House, 1985. (In Russ.)
11. *Kyrkunova L. G.* Judicial Speech: Methodology of Work on Composition. In *Golev N. D., Chernyshova T. V. (eds.)*. Jurislinguistics-10: Linguoconflictology and Jurisprudence: Interuniversity Collection of Scientific Papers. Kemerovo; Barnaul: Altai University Publishing House, 2010. (In Russ.)
12. *Shuiskaia Iu. V.* Composition and Structure of Speech: Monograph. Moscow: RUDN Publishing House, 2015. (In Russ.)
13. *Galiuk I. V.* Culture of Public Speech: An Educational and Methodological Guide for DPO. St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (Branch) of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2016. (In Russ.)
14. *Odintsov V. V.* Stylistics of the Text. Moscow: Nauka, 1980. (In Russ.)
15. *Koni A. F.* Techniques and Tasks of the Prosecutor's Office. In *Koni A. F. Collected Works*. In 8 vols. Vol. 4. Moscow: Iuridicheskaja literatura, 1967. (In Russ.)
16. *Koni A. F.* Collected Works. In 8 vols. Vol. 3. Moscow: Iuridicheskaja literatura, 1967. (In Russ.)
17. *Arseniev K. K.* Russian Judicial Eloquence. *Bulletin of Europe*, 1888, no. 4. (In Russ.)
18. *Khazagerov G. G., Kornilova E. E.* Rhetoric for a Business Person. Moscow: Flinta; Moscow Psychological and Social Institute, 2001. (In Russ.)

Сведения об авторе:

З. В. Баишева – доктор филологических наук, доцент, заслуженный учитель Республики Башкортостан.

Information about the author:

Z. V. Baisheva – Doctor of Philology, Associate Professor, Honored Teacher of the Republic of Bashkortostan.

Статья поступила в редакцию 26.10.2023; одобрена после рецензирования 30.11.2023; принята к публикации 05.02.2024.

The article was submitted to the editorial office 26.10.2023; approved after reviewing 30.11.2023; accepted for publication 05.02.2024.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-71-80>

ПРАВО В ХУДОЖЕСТВЕННОМ НАСЛЕДИИ АНАТОЛИЯ ФЕДОРОВИЧА КОНИ

Михаил Борисович Аверин¹

Павел Владиславович Никитин²

Роман Геворгович Оганесян³

^{1,2,3} Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

¹ averin.mb@yandex.ru

² nikitinp2007@yandex.ru

³ rgo1994@mail.ru

Аннотация

Юридическое и литературное наследие А. Ф Кони имеет важное значение для понимания развития отечественной юриспруденции, формирования основ современного правосознания общества и их тесных связей с художественной культурой. В качестве цели надлежащего исследования выступают выявление и изучение в литературных трудах А. Ф Кони взаимосвязей правовых и художественных сюжетов. В статье используются историко-правовой, сравнительно-правовой, культурно-исторический и биографический методы исследования. В ходе работы авторы пришли к выводу о том, что литературные сюжеты Кони демонстрируют нам процесс того, как становление нового отечественного правосудия оказывало влияние буквально на все стороны жизни общества, выступая частью общей культуры, было неразрывно связано с художественной культурой, архитектурой, предоставляя сильные и глубокие сюжеты для ряда литературных и иных художественных произведений.

Ключевые слова: Анатолий Федорович Кони; литература; писатель; правосудие; преступление; судебная система.

Для цитирования: *Аверин М. Б., Никитин П. В., Оганесян Р. Г.* Право в художественном наследии Анатолия Федоровича Кони // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 1. С. 71–80. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-71-80>

Research article

LAW IN THE ARTISTIC HERITAGE OF ANATOLY FEDOROVICH KONI

Mikhail B. Averin¹

Pavel V. Nikitin²

Roman G. Oganessian³

^{1,2,3} All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia

¹ averin.mv@yandex.ru

² nikitinp2007@yandex.ru

³ rgo1994@mail.ru

Abstract

The legal and literary heritage of A. F. Koni is important for understanding the development of domestic jurisprudence, the formation of the foundations of modern legal consciousness of society and their close ties with artistic culture. The purpose of a proper study is to identify and study the interrelationships of legal and artistic subjects in the literary works of A. F. Koni. The article uses historical-legal, comparative-legal, cultural-historical and biographical research methods. In the course of the work, the authors came to the conclusion that Koni's literary plots demonstrate to us the process of how the formation of a new domestic justice influenced literally all aspects of society, acting as part of a common culture, was inextricably linked with artistic culture, architecture, providing strong and deep plots for a number of literary and other works of art.

Keywords: Anatoly Fedorovich Koni; literature; writer; justice; crime; judicial system.

For citation: *Averin M. B., Nikitin P. V., Oganessian R. G.* Law in the Artistic Heritage of Anatoly Fedorovich Koni. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 1, pp. 71–80. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-71-80>

Введение

Отечественная юриспруденция на протяжении всей истории своего существования развивалась благодаря общественным деятелям и правоведам. По предварительным оценкам, в настоящее время наша страна насчитывает около 700 тыс. юристов. Среди них есть и те, чьи имена были и остаются широко известными. Одним из таких юристов является Анатолий Федорович Кони. Его имя знакомо из уроков истории даже тем, кто далек от юридического мира. Судебная, общественная и государственная деятельность Анатолия Федоровича длилась более полвека. Она пришлась на период общественного подъема 60-х гг. XIX в; революционного движения народничества 70-х гг.; великих преобразований Александра II и последовавших за ними «контрреформ» Александра III; кровавого дебюта Николая II; кровопролитных войн: крымской, русско-турецкой, русско-японской, первой мировой и гражданской; трех революций и первого десятилетия Советской власти [1, с. 5]. Этому выдающемуся юристу и его вкладу в юридическую науку посвящено значительное число работ [см.: 1–12]. Однако стоит отметить, что и сам Кони оставил немало воспоминаний и работ. Его литературное наследие обширно и многогранно. Портреты известных писателей русской литературы, точные описания аристократической среды царской России, удачные характеристики судебных деятелей того времени, и произведения с морально-философским содержанием. Все это восстанавливает образ прошлого российского государства. Произведения Анатолия Федоровича Кони – важнейшая часть культурного наследия России. Воистину это тот редкий случай, когда в жизни человека тесно переплетались музы и право [13, с. 53; 14].

1. «Воспоминания о писателях»

Самой первой из большой серии работ Анатолия Федоровича принято считать очерки-воспоминания о знаменитых и незначительных писателях России, опубликованные в 1898 г. Данные мемуары велись на протяжении всей его жизни, с мальчишеских лет и до глубокой старости. Не стоит забывать и того факта, что на культурное воспитание Анатолия Федоровича повлияли его родители: Федор Алексеевич Кони, литературно-театральный деятель и преподаватель истории Второго кадетского корпуса, а также Ирина Семеновна Юрьева, актриса. Следует подчеркнуть, что содержание статьи, посвященной жизни и заслугам отца, достаточно биографично. Однако Кони предлагает сбалансированную оценку событиям, избегая личных предпочтений. Только в конце автор позволил себе выразить свои чувства к столь близкому человеку: «В личной жизни это был приветливый, отзывчивый и добрый человек, идеалист и романтик, испытавший благодаря этому немало горьких минут, но до грома сохранявший доверие к людям и горячую веру в великое будущее родины...» [15, с. 32].

В статье «Из студенческих лет» Кони повествует о непростой и довольно тяжелой судьбе Лажечникова Ивана Ивановича – автора «Ледяного дома». Являясь близким другом старшего Кони и со временем юного Анатолия, писатель работал цензором в Петербургском цензурном комитете в последние годы правления Николая I. Подобно Федору Михайловичу Достоевскому, Ивану Ивановичу пришлось платить «по чужим счетам», испытать утрату любимой женщины и лишь в преклон-

ном возрасте обрести новую «юную музу». Служа в Приказе общественного призрения, Лажечников не мог не обратить внимания на финансовые употребления и служебные подлоги отдельных чиновников за его спиной. Он лишился части пенсии. Искренно полагавшийся на поддержку молодого Анатолия Кони, в то время еще студента юридического факультета, Иван Иванович не дождался его зрелости литературной и профессиональной славы.

Вообще, Анатолий Федорович всегда был отзывчив на любую несправедливость и в своей будущей профессии – прокурором и судьей, он всегда стремился объективно рассматривать действия обвиняемых, избегая бюрократического формализма, проникая в самые тонкие мотивы и обстоятельства человеческих поступков [15, с. 34–47].

Интересны размышления Кони о различиях в «правовом» восприятии и поведении двух гениев – А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. Исследуя религиозно-этическую концепцию Александра Сергеевича, Анатолий Федорович полагал, что нравственный долг поэта – выступать за свободное развитие духовных сил народа путем общественного воспитания и истинного просвещения. Отсюда юрист-литератор приходит к выводу, что общественное значение Пушкина огромно. Михаил Юрьевич, в отличие от Пушкина, представляется у Кони «своей утонченной жесткостью, мрачным сном и разрезанным портретом». Именно этой настрой предопределяет, по мнению Кони, отношение поэта к государству [15, с. 24–76, 115–122].

А. Ф. Кони подарил писателям некоторые реальные криминальные сюжеты, которые со временем легли в основу тех или иных произведений. Например, на основе материалов, полученных от него, поэт А. Н. Апухтин написал поэму «Из бумаг прокуроров». Лев Николаевич Толстой в повести «Воскресенье» использовал реальный случай – суд над молодой девушкой из практики Анатолия Федоровича. Федор Михайлович Достоевский при содействии Кони и с его участием посетил колонии для малолетних преступников и потом использовал эти впечатления в своих известных произведениях [13, с. 54–55]. Убежденный либерал Иван Сергеевич Тургенев, сильно интересовавшийся «новыми» судами, с разрешения Кони присутствовал на судебном процессе с участием присяжных заседателей.

В заметках Анатолия Федоровича отмечалось, что в сочинениях любого писателя присутствует художественное правосудие. Судебная же реформа, упразднившая господство в суде бумаги, вызвала развитие живой речи, ставшей лучшим оружием в осуществлении правосудия [14, с. 72–126].

2. «Новые меха и новое вино»

Другой сильной стороной А.Ф. Кони было стремление рассмотреть и изучить любую проблему вплоть до самых малейших деталей. Лишь после прочтения соответствующего текста Анатолия Федоровича мы начинаем понимать всю тонкость линий сложных взаимосвязей самых разнородных явлений. И художественную культуру, архитектуру, изобразительное искусство он рассматривает в теснейшей связи с правовыми институтами и установлениями [17, с. 28]. Последние, в свою очередь, выступая в своих обрядностях, ритуалах, традициях и нормах отражением общей и художественной культуры, несомненно, оказывают сильное обратное воздействие.

В январе 1892 г. Кони сделал доклад на тему «О внешней истории наших новых судебных установлений» в Юридическом обществе при Санкт-Петербургском императорском университете, одним из учредителей и председателем которого выступал сам Анатолий Федорович [18, с. 36]. Доклад был опубликован в журнале «Книжки недели» под иным заглавием – «Новые меха и новое вино» [19, с. 494].

В данном произведении говорилось о «золотых временах», «медовом месяце», по словам самого Кони, судебной реформы, о самом ее начале. С теплотой вспоминая те уже далекие времена, он описывает события, деятелей Судебной реформы, выдающихся русских правоведов, и сами новые судебные установления, умело вплетая в свой рассказ повествование об истории и архитектуре зданий отечественных и зарубежных судов, общей истории судоустройства, внешних формах устройства суда и его обрядах.

Кони писал о здании (в прямом и переносном смысле), которое одновременно служило эстетическим, художественным принципами и целесообразности, а также идеям строителя и общественной среды, выражением мировоззренческих настроений которой выступало это сооружение. Вспоминая слова Виктора Гюго о том, что здания и храмы представляют собой «каменные страницы истории», Анатолий Федорович сравнивает «наш старинный острог, обнесенный частоколом, мрачный, грязный и пропитанный миазмами», с новым домом предварительного заключения, а прежние судебные здания с современными. Соответственно, он приходит к выводу о том, как далеко шагнули за последние 30 лет отечественные суд и тюрьма даже в своем внешнем виде [19, с. 223–224].

В зарубежной, французской литературе, как писал сам автор, уже существовали специальные исследования, посвященные «зданиям судебных мест», которые одновременно затрагивали и их внутреннюю жизнь.

Например, Парижский парламент – высший судебный орган в феодальной Франции, со временем стал единственным хозяином королевской резиденции в Париже – всего комплекса зданий *Palais*. Дворец правосудия неоднократно перестраивался, но в 1871 г., в пылу «предсмертной конвульсии» Парижской коммуны, был в значительной мере разрушен по приказу революционного прокурора Рауля Риго. Далее следует подробное описание современного внутреннего устройства и убранства *Palais de Justice*: исторических помещений, мебели, декора, статуй, картин, а также сюжетов и событий с ними связанных. Но, главное, что этому художественному великолепию, богатому убранству при общей строгости форм соответствовали суд и его представители. «Суд выносит приговор, но не оказывает услуг» – таков был принцип представителей французского правосудия, судебной магистратуры, представлявшей собой своеобразное сословие, где сложились целые судебские династии [19, с. 232]. Однако Кони отмечал, что по наследству переходит не столько должность, сколько нравственное состояние, традиции и предания, честь и достоинство, а обряды, ритуалы и церемонии бережно поддерживаются и сохраняются. Так, торжественное открытие суда после летних каникул представляло собой особо торжественную церемонию, наполненную глубоком символическим смыслом, «при этом кресла умерших за год членов кассационного суда остаются незанятыми» [19, с. 234].

Конечно, Анатолий Федорович отмечал, что отечественные судебные места имеют более скромную, но также интересную историю. Он подробно описал создание Московского здания Сената, заложенного лишь в 1776 г., его внутреннее обустройство, запустение, охватившее круглый зал сенатского здания со временем, а также его возрождение после начала судебной реформы 1864 г. В круглом зале стали рассматриваться наиболее сложные и многолюдные по количеству свидетелей и подсудимых дела с участием присяжных заседателей. В Петербурге после долгих изысканий под новый суд было отдано перестроенное здание, по словам Кони, мрачного старого арсенала.

«Таковы были со внешней стороны, те новые меха, в которые должно было быть влито новое вино», – писал Анатолий Федорович [19, с. 240]. Наполнение «новым вином» этих зданий стало многотрудной задачей для Министерства юстиции Российской империи.

Первое время Министерству пришлось думать об оснащении судов мебелью, отоплении и вентиляции, но, главное, о новом кадровом составе и правилах внутреннего делопроизводства. И все это проходило «с болью и потугами». В частности, один из мировых судей в Петербурге устроил в своей камере (т.е. в помещении мирового судьи) драпированное красным сукном возвышение для себя. Однако хороших примеров было неизмеримо больше. На заседание петербургского мирового судьи О. И. Квиста ходили учиться, и учились здесь не столько правосудию, камера Квиста стала школой «порядочности и уважения к человеческому достоинству».

Рождались постепенно и новые судебные обряды. Кони отмечал, что во временных правилах внутреннего устройства мировые судьи должны были заседать в съездах мировых судей в мундирах, а в своих камерах в мундирных фраках или сюртуках. Но практика пошла по иному пути – чаще всего мировые судьи разбирали дела не в форменной одежде, а лишь одевая на себя цепь. При этом последняя в глазах обывателей имела гораздо большее значение по сравнению с мундиром.

Благодаря новой организации судопроизводства быстро выросла, по словам Кони (в первые годы судебной реформы еще молодого судебного деятеля, но уже прекрасного оратора): «без всякой школы, без организационной подготовки...», – когорта замечательных судебных ораторов – прокуроров и адвокатов [20, с. 75].

Таким образом, новые меха стали наполняться новым вином. Начали зарождаться традиции и установления нового отечественного правосудия, оказывавшие влияние на буквально все стороны жизни общества, выступавшие частью общей культуры, неразрывно связанные с художественной культурой, архитектурой, предоставившие, в свою очередь, сильные и глубокие сюжеты для ряда литературных и иных художественных произведений.

3. «Записки судебного деятеля»

В 1864 г. началось проведение судебной реформы, которая подарила России такое явление, как суд присяжных и адвокатуру. На адвокатов возлагалась ответственность изложения истории преступника, что превращала зал суда в одно из самых захватывающих публичных зрелищ в России, на которые распространялись билеты, так много было желающих попасть в зал судебных заседаний. Российские

адвокаты, такие как Спасович, Плевако, достигли большого мастерства в изложении историй своих клиентов. Прокуроры, в свою очередь, тоже должны были, опираясь на приемы ораторского искусства, показать всю внутреннюю неприглядность подсудимого. Это приводило к тому, что пореформенная судебная система не единожды высмеивалась в прессе за свою излишнюю театральность и литературность. Истории, которые адвокаты рассказывали в своих судебных речах, были не просто «литературными», они учили российскую публику терпимости и сочувствию к преступникам и приобщали их к вопросам социальной справедливости.

В цикле произведений «Из записок судебного деятеля» читатель знакомится с интереснейшими судебными делами. Встают во весь рост такие крупные преступники, как Овсянников и Лансберг, элегантные преступницы Гулак-Артемовская, Маргарита Жюжан, мать Митрофания.

Кони видел основополагающую задачу юриста в том, чтобы «исследовать преступное деяние не как внешний факт только, но и как душевное проявление» [21, с. 30]. Юрист, по его мнению, должен изучить внутренне развитие преступления, а затем «судить по совести».

В эссе «Маргарита Жюжан» Анатолий Федорович затрагивает вопросы, которые и сейчас являются актуальными. Эссе посвящено смерти шестнадцатилетнего Николая Познанского, в которой обвинили его воспитательницу Маргариту Жюжан [21, с. 167–192]. Для понимания причин, которые привели Познанского к смерти, Кони обращается к проблемам воспитания детей. Причина несчастья автору видится в «воспитательной анархии, забота о детях сводится к тому, чтобы всемерно избегать причинить им что-либо неприятное. Отсюда в самом раннем возрасте детей стремление поблажать всем их капризам и желаниям, как бы нелепы, а иногда даже и вредными они ни были, лишь бы не огорчать дитя» [21, с. 171]. Со временем подобное может привести к детскому эгоцентризму и деспотизму. В дальнейшем любые попытки материального или нравственного ограничения ими воспринимаются как грубейшее нарушение прав, что в будущем может привести к преступлению или самоубийству. Подобные тенденции мы можем наблюдать и в современном мире.

В своих воспоминаниях по делу Карла Ландсберга, Анатолий Федорович обращается к причинам, которые подтолкнули молодого офицера Ландсберга совершить двойное убийство [21, с. 148–167]. Кони пытается понять подсудимого, выстраивая сложное повествование, основанное на сюжетных элементах, знакомых российскому читателю по произведениям Пушкина и Достоевского. Одной из причин подтолкнувших Ландсберга к преступлению стала его привязанность к азартным играм и жизнь в высшем свете Санкт-Петербурга заставила влезть в большие долги, которые он не смог отдать своему кредитору Власову. Другую причину этого поступка мы можем обнаружить на первых страницах произведения, где говорится о письме, написанном во время следствия Ландсбергом. В нем упоминается военная подготовка, как о факторе, подтолкнувшем его к убийству: «С самого первого поступления на военную службу меня каждый день приучали владеть ружьем и револьвером... уничтожать возможно большее число неприятелей» [21, с. 149]. В своих мемуарах Кони выражает удивление необычной логикой Ландсберга: Ландсберг начал убеждать себя,

что, если он убивал людей во время военной кампании, людей, которые не сделали ему лично ничего плохого, почему бы не убить человека, существование которого угрожает всей его жизни? Подобная логика перекликается с рассуждениями Родиона Раскольникова в «Преступление и наказание» Достоевского.

Заключение

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что произведения Анатолия Федоровича Кони служат иллюстративным материалом того, как во второй половине XIX – начале XX вв. отечественная литература формировала ценности и взгляды профессиональных юристов, а также способствовала развитию правового сознания достаточно широкого круга населения. Эссе, очерки и воспоминания, вышедшие из-под его пера, стали бесценным источником знаний об истории отечественной культуры, о современном автору состоянии этических и социальных отношений, а также о системе правосудия и юридической жизни страны, неразрывно связанных с общей и художественной культурой, где пороки и язвы общества служили предметом гласного разбирательства и обсуждения.

Пристатейный библиографический список

1. *Смолярчук В. И.* Анатолий Федорович Кони (1844–1927). М. : Наука, 1981.
2. *Юрский Н. А.* Ф. Кони в истории русской общественности. Пг., 1924.
3. Памяти Анатолия Федоровича Кони. М. ; Л. : Книга, 1929.
4. *Высоцкий С. А.* Кони. М. : Молодая гвардия, 1988.
5. *Шаповалов А. В.* Правовые взгляды А. Ф. Кони и их влияние на проводимую в России судебно-правовую реформу : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005.
6. *Сопранков Г. А.* Анатолий Федорович Кони – юрист, ученый, писатель // *Юридическая наука : история и современность.* 2018. № 6.
7. *Луценко Е. Е.* Анатолий Федорович Кони – основоположник юридической этики в России // *Наука и образование : хозяйство и экономика ; предпринимательство ; право и управление.* 2019. № 5 (108).
8. *Кодинцев А. Я., Рыбин Д. В., Штыкова Н. Н.* Неизвестные труды Анатолия Федоровича Кони. Вып. 1 : Исследования в гуманитарной сфере. СПб. : С.-Петерб. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2020.
9. *Кодинцев А. Я.* Вклад Анатолия Федоровича Кони в развитие уголовного процесса в начале XX века // *Сибирское юридическое образование.* 2022. Т. 19. № 1.
10. *Кодинцев А. Я.* Формирование представлений Анатолия Федоровича Кони о сущности судоустройства в России во второй половине XIX в. // *Российский судья.* 2022. № 8.
11. *Кодинцев А. Я., Рыбин Д. В., Штыкова Н. Н.* Гуманитарные исследования Анатолия Федоровича Кони : монография / науч. ред. А. Я. Кодинцев. СПб. : Нестор-История, 2022.
12. *Кодинцев А. Я., Рыбин Д. В., Плужникова Е. Ю.* Неизвестные труды Анатолия Федоровича Кони. Вып. 2 : Юридические исследования. СПб. : С.-Петерб. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022.

13. Багаутдинов Ф. Н. *Музы и право*. 2-е изд. и доп. Казань : Центр инновационных технологий, 2015.
14. Yanina V. A. *Writing Justice : Fiction and Literary Lawyers in Late Imperial Russia, 1864–1900 // Deep Blue Repositories* : сайт. URL: <https://deepblue.lib.umich.edu/handle/2027.42/107141> (дата обращения: 20.12.2023).
15. Кони А. Ф. *Воспоминания о писателях*. М. : Правда, 1989.
16. Кони А. Ф. *Собрание сочинений* : в 8 т. Т. 6. М. : Юрид. лит., 1968.
17. Кодинцев А. Я., Рыбин Д. В. Историко-культурологические и этнографические этюды Анатолия Федоровича Кони // *Вестник Нижневартковского государственного университета*. 2022. № 2 (58).
18. Харбет К. В. А. Ф. Кони как основоположник юридического литературоведения // *Российская юстиция*. 2019. № 5.
19. Кони А. Ф. *Собрание сочинений* : в 8 т. Т. 4. М. : Юрид. лит., 1967.
20. И. В. Мещанинов : *воспоминания пережитого*. М. : Изд-во РПА Минюста России, 2010.
21. Кони А. Ф. *Собрание сочинений* : в 8 т. Т. 1. М. : Юрид. лит., 1966.

References

1. Smoliarchuk V. I. *Anatoly Fedorovich Koni (1844–1927)*. Moscow: Nauka, 1981. (In Russ.)
2. Iurskii N. A. F. *Koni in the History of the Russian Public*. Petrograd, 1924. (In Russ.)
3. *In Memory of Anatoly Fedorovich Koni*. Moscow; Leningrad: Kniga, 1929. (In Russ.)
4. Vysotskii S. A. *Koni*. Moscow: Molodaia gvardiia, 1988. (In Russ.)
5. Shapovalov A. V. A. F. *Koni's Legal Views and Their Influence on the Judicial and Legal Reform Being Carried Out in Russia: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences*. Krasnodar, 2005. (In Russ.)
6. Soprankov G. A. *Anatoly Fedorovich Koni – Lawyer, Scientist, Writer. Legal Science: History and Modernity*, 2018, no. 6. (In Russ.)
7. Lutsenko E. E. *Anatoly Fedorovich Koni – the Founder of Legal Ethics in Russia. Science and Education: Economy and Economics; Entrepreneurship; Law and Management*, 2019, no. 5 (108). (In Russ.)
8. Kodintsev A. Ia., Rybin D. V., Shtykova N. N. *Unknown Works of Anatoly Fedorovich Koni. Issue 1: Research in the Humanitarian Field*. St. Petersburg: St. Petersburg Institute (Branch) of the RLA of the Ministry of Justice of Russia, 2020. (In Russ.)
9. Kodintsev A. Ia. *Contribution of Anatoly Fedorovich Koni to the Development of Criminal Procedure at the Beginning of the 20th Century. Siberian Legal Education*, 2022, vol. 19, no. 1. (In Russ.)
10. Kodintsev A. Ia. *The Formation of Anatoly Fedorovich Koni's Ideas about the Essence of the Judicial System in Russia in the Second Half of the 19th Century. Russian Judge*, 2022, no. 8. (In Russ.)
11. Kodintsev A. Ia., Rybin D. V., Shtykova N. N.; Kodintsev A. Ia. (ed.). *Humanitarian Studies of Anatoly Fedorovich Koni: Monograph*. St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2022. (In Russ.)

12. *Kodintsev A. Ia., Rybin D. V., Pluzhnikova E. Iu.* Unknown Works of Anatoly Fedorovich Koni. Issue 2: Legal Research. St. Petersburg: St. Petersburg Institute (Branch) of the RLA of the Ministry of Justice of Russia, 2022. (In Russ.)

13. *Bagautdinov F. N.* Muses and Law. 2nd ed. Kazan: Center of Innovative Technologies, 2015. (In Russ.)

14. *Yanina V. A.* Writing Justice: Fiction and Literary Lawyers in Late Imperial Russia, 1864–1900. URL: <https://deepblue.lib.umich.edu/handle/2027.42/107141> (date of the application: 20.12.2023).

15. *Koni A. F.* Memoirs of Writers. Moscow: Pravda, 1989. (In Russ.)

16. *Koni A. F.* Collected Works. In 8 vols. Vol. 6. Moscow: Iuridicheskaja literatura, 1968. (In Russ.)

17. *Kodintsev A. Ia., Rybin D. V.* Historical, Cultural and Ethnographic Studies of Anatoly Fedorovich Koni. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, 2022, no. 2 (58). (In Russ.)

18. *Kharbet K. V. A. F.* Koni as the Main Proponent of Legal Literary Studies. *Russian Justice System*, 2019, no. 5. (In Russ.)

19. *Koni A. F.* Collected Works. In 8 vols. Vol. 4. Moscow: Iuridicheskaja literatura, 1967. (In Russ.)

20. *I. V. Meshchaninov:* Memoirs of the Past. Moscow: Publishing House of the RLA of the Ministry of Justice of Russia, 2010. (In Russ.)

21. *Koni A. F.* Collected Works. In 8 vols. Vol. 1. Moscow: Iuridicheskaja literatura, 1966. (In Russ.)

Сведения об авторах:

М. Б. Аверин – кандидат юридических наук, доцент.

П. В. Никитин – кандидат юридических наук, доцент.

Р. Г. Оганесян – младший научный сотрудник.

Information about the authors:

M. B. Averin – PhD in Law, Associate Professor.

P. V. Nikitin – PhD in Law, Associate Professor.

R. G. Oganessian – Junior Researcher.

Статья поступила в редакцию 09.01.2024; одобрена после рецензирования 02.02.2024; принята к публикации 05.02.2024.

The article was submitted to the editorial office 09.01.2024; approved after reviewing 02.02.2024; accepted for publication 05.02.2024.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-81-88>

САГА КАК ИСТОЧНИК ПОЗНАНИЯ ИНСТИТУТОВ ОБЫЧНОГО ПРАВА СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСЛАНДИИ ЭПОХИ ВИКИНГОВ: К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ СОВРЕМЕННЫХ НАУКОВЕДЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Евгений Анатольевич Шаталов

Сибирский государственный университет геосистем и технологий,
630108, Россия, г. Новосибирск, ул. Плеханова, д. 10

penalize@rambler.ru

Аннотация

В статье рассматриваются значимость, ценность, информативность саги как источника познания важнейших средневековых правовых обычаев исландского общества в области раздела наследственного имущества, привлечения к юридической ответственности и т.д. Целью исследования является выявление особенностей саг как источника познания обычного права, уровня развития правосознания, правовой культуры в обществе эпохи викингов, и что не менее важно – практики решения имущественных и межличностных споров между его представителями. Автор подчеркивает, что исландские саги до сих пор не оценены в отечественной историко-юридической науке по достоинству и на сегодняшний день остаются практически мало востребованными источниками. Методологию исследования составляют всеобщие методы науки: диалектика, метафизика, общенаучные: анализ, синтез, индукция, дедукция, в числе специальных методов: исторический, а также частнопроводные методы: историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический.

Ключевые слова: науковедческие основы и фундаментальные проблемы отечественной историко-юридической науки; гносеологические проблемы всеобщей истории государства и права; сага; обычное право; средневековая Исландия.

Для цитирования: Шаталов Е. А. Сага как источник познания институтов обычного права средневековой Исландии эпохи викингов: к вопросу о некоторых современных науковедческих проблемах отечественной историко-юридической науки // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 1. С. 81–88. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-81-88>

Research Article

SAGA AS A SOURCE OF KNOWLEDGE OF CUSTOMER LAW INSTITUTIONS OF MEDIEVAL ICELAND OF THE VIKING AGE: ON SOME MODERN SCIENTIFIC PROBLEMS OF DOMESTIC HISTORICAL AND LEGAL SCIENCE

Evgeny A. Shatalov

Siberian State University of Geosystems and Technologies, 10 Plakhotnogo St.,
Novosibirsk, 630108, Russia
penalize@rambler.ru

Abstract

The article examines the significance, value, and informativeness of the saga as a source of knowledge of the most important medieval legal customs of Icelandic society in the field of division of hereditary property, bringing to legal responsibility, etc. They also clearly demonstrate the level of development of legal awareness, legal culture in the society of the Viking age, and what is no less important – the practice of resolving property and interpersonal disputes between its representatives. The author emphasizes that the Icelandic sagas are still not appreciated in the domestic historical and legal science and today remain almost little-used sources.

Keywords: scientific foundations and fundamental problems of Russian historical and legal science; epistemological problems of the universal history of state and law; saga; customary law; medieval Iceland.

For citation: *Shatalov E. A. Saga as a Source of Knowledge of Customer Law Institutions of Medieval Iceland of the Viking Age: On Some Modern Scientific Problems of Domestic Historical and Legal Science. Herald of the Russian Law Academy, 2024, no. 1, pp. 81–88. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-81-88>

Введение

В общепринятом значении сага представляет собой в скандинавской и исландской литературе некоторые эпические сказания о богах, героях и святых [1, с. 521]. В силу особенностей именно литературного жанра этих источников в науке к ним сложилось весьма неоднозначное отношение. Порой можно встретить и крайне скептические мнения, оценки авторы которых утверждают о крайне низком уровне достоверности упоминаемых в них фактов и событий.

Подобного рода резкие оценки, основанные только на личном мнении, не всегда бывают объективными и справедливыми. Археологические изыскания и открытия не раз подтверждали достоверность излагаемых в сагах данных, порой опровергающих критику скептиков [2, с. 169].

Значительное число современных представителей научного сообщества склоняются к высокой оценке значимости и важности этих источников, а именно исландских саг, которые представляют собой уникальный срез исторической памяти, способные воссоздать перед исследователем обычную жизнь людей, их законы периода раннего средневековья [3, с. 3].

Весьма лаконичную, но довольно таки точную характеристику сагам с юридической точки зрения дал И. Б. Губанов, который указал, что они как никакие другие источники так подробно описывают правовые отношения определявших жизнь древнескандинавского общества [4, с. 55–59].

Первым, кто обратил особое внимание на саги как источник познания именно истории права скандинавских стран эпохи Средневековья, была профессор А. А. Свандизе. По мнению известного ученого-медиевиста-скандинависта, особая гносеологическая ценность исландских саг состоит именно в том, что, во-первых, в них в довольно-таки часто и наглядно на конкретных жизненных ситуациях описываются правовые порядки, отдельные аспекты формирования устного обычного права, господствовавших по меньшей мере до середины XII – XIII вв. Во-вторых, историко-юридические сведения, излагаемые в скандинавских и исландских сагах, способны продемонстрировать общие закономерности развития и трансформации местных, сугубо узких норм и обычаев – к общему обычному праву, как к системе относительно типовых ситуаций [5, с. 620].

1. Место и роль саги как источника познания институтов обычного права средневековой Исландии эпохи викингов

Несмотря на важность и особую значимость этих источников, именно среди историков-юристов они еще в полной мере не оценены по достоинству. Помимо вышеперечисленных положительных отзывов следует также сказать, что саги демонстрируют отдельные юридические конфликты, возникавшие порой в обществе исландцев как межличностного, так и имущественного характера, а также способы, процедуру их урегулирования, основанные на древних порядках, традициях, обычаях, имевших свою специфику и особенности на разных территориях в разные периоды времени.

Именно в сагах содержатся описания различных институтов обычного права в области преступления и наказания, наследования, семейно-брачных, управлен-

ческих и иных общественных отношений. Как раз та область правовой жизни и быта средневекового общества скандинавских стран, которая без преувеличения еще так крайне мало исследована отечественной историко-юридической наукой.

2. Саги как источник познания институтов обычного права средневековой Исландии в области наследования

Саги содержат немало ярких примеров, свидетельствующих о порядках и нормах правовых обычаев древнеисландского общества в области наследования.

В саге о Гаутреке мы видим, что распоряжение наследственным имуществом полностью осуществлял отец, поскольку все нажитое имущество принадлежало только ему. В силу достижения почтенного возраста родителей вставал вопрос о наследстве, и глава семьи созывал своих детей и объявлял о своем решении относительно распределения долей.

Имущество наследовали как сыновья, так и дочери. Наследство между ними делилось в разных долях. Так в саге сообщается о том, что имущество могло быть поделено в зависимости от волеизъявления наследодателя. Одни дети получали только движимое имущество – бык, золото, другие и движимое и недвижимое – поля, зерно.

Так, например, Гиллинг и его сестра получили только быка, а Имсигуль и его сестра Фьетра получили право на владение всеми полями и зерном. После распределения наследственного имущества отец обратился к детям и настоятельно указал, чтобы они не пытались увеличить число наследства настолько, что не в состоянии были бы сохранить его.

По обычаю, имущество распределялось днем, до захода солнца, после чего наследники и родители отправлялись к скале под названием «Родовой Утес», где последние совершали акт самоубийства, прыгнув вниз, и после смерти как считалось оказаться в Вальхалле. За хозяином на смерть также следовали и его рабы, которые, считалось, удостоиваются великой чести [6, с. 71].

В саге о людях из Лососьей Долины можно наблюдать иной порядок распоряжения наследственным имуществом, где уже некая пожилая женщина Унн выбрав наследника Олава, призывает двух свидетелей и в присутствии иных очевидцев публично излагает свое волеизъявление. Унн произносит буквально следующую формулу: «Этот двор со всем добром, все, что вы здесь видите, передаю я в руки Олава, родича моего, чтобы он всем владел и распоряжался» [7, с. 23]. Вышеуказанные примеры наглядно демонстрирует тот факт, что наследниками по обычаю могли быть исключительно лица, состоявшие в родстве с наследодателем.

Нередки были и случаи споров между наследниками. Об этом идет речь в вышеупомянутой саге, где на наследственное имущество претендовали несколько лиц. Для определения наследника по обычаю проводилось «очистительное испытание», что в целом было весьма характерной чертой для средневекового правосудия.

Это испытание состояло в том, что нужно было пройти под полоской дерна, отделенной от земли. Землю рыли на такую глубину, чтобы под ней мог стоять человек. Оба конца этой полоски дерна были закреплены в земле. «Чистым» считался тот, кто проходил под полоской дерна так, чтобы она не обрушивалась на него. Ис-

пытание заканчивалось вынесением публичного решения с оглашением победителя, который мог единолично претендовать на спорное имущество [7, с. 47–48].

3. Саги как источник познания институтов обычного права средневековой Исландии в области уголовного права

Достаточно обширно в сагах повествуется о вопросах привлечения к уголовной ответственности. Для обозначения преступного деяния использовалось слово, характерное для средних веков – «обида». Так, в одной из саг Товард, вызвавший на судебный поединок Кормака, требовал расплаты за причиненные «позор и обиды» [6, с. 241].

Изучая саги можно сделать вывод о том, что наиболее общественно опасными деяниями в Исландии являлось убийство. В случае совершения этого преступления представители рода, к которому принадлежал потерпевший, имели право кровной мести. Право отомстить за убийство своего сородича имели все члены общества, независимо от статуса [6, с. 171].

Розыск виновного лица было делом самих потерпевших, которые могли привлечь для этого сторонних заинтересованных людей: родственники, друзья, соседи и т.д. Для отмщения за убийство сородича порой собирались достаточно многочисленные дружины, которые годами могли осуществлять розыск преступника.

В саге о Халльфреде Трудном Скальде упоминается и о квалифицированном виде убийства – убийство в жилище конунга. По существовавшим обычаям каждый входящий в дом конунга должен был проявлять уважение к правителю, совершение любого проступка согласно древнему закону, в стенах жилища каралось смертной казнью. В одном из случаев, описанных в саге, идет речь о драке, возникшей между Халльфредом и Оттаром, в результате которой последний участник событий был смертельно ранен.

В результате расследования, которое было произведено незамедлительно путем опроса свидетелей, было принято решение о виновности Халльфреда и назначения ему наказания в виде смертной казни. Однако в силу дружеских отношений между Халльфредом и конунгом, последний предоставил возможность осужденному покаяться в содеянном и заплатить за убийство Оттара виру [6, с. 272–273].

Укрывательство преступника также в Исландском обществе всячески порицалось и наказывалось путем назначения штрафа – виры. Размер ее в повествовании не уточняется, но сказано, что виновный отдавал значительную часть имущества [7, с. 40]. Для того чтобы снять с себя обвинение, заподозренные в укрывательстве беглого преступника должны были предоставить возможность произвести осмотр своего жилища на предмет отсутствия в нем разыскиваемого лица [7, с. 40].

Любопытным является и то обстоятельство, что причинение смерти, в состоянии необходимой обороны, не всегда являлось условием освобождения от юридической ответственности.

В одном из приведенных примеров в саге о Финнбоги Сильном, последний, обороняясь от нападавшего на него с оружием Альва Косматого, причинил ему смерть. Ярл Хакон, дружинником которого был Альв, решил, что должен любой ценой отомстить за близкого ему человека. Финнбоги вынужден был состязаться в судебном

поединке с медведем, а после этого еще и выплатил в пользу ярла большую виру за убийство Альва Косматого, после чего только получил прощение [8, с. 37].

Из упоминаемых в саге наказаний помимо смертной казни, штрафов можно указать и заковывание в железо. Так, в одной из саг ярл Эрик приказал виновного в совершении убийства и грабежа подвергнуть именно этой мере воздействия [6, с. 293].

Имущественные преступления, главным образом кражи и грабежи, в исландском обществе расценивались как наиболее общественно опасные и, как правило, влекли за собой серьезные неблагоприятные последствия для подсудимого, который мог быть приговорен к одной из самых строгих мер наказания. Так, в саге о Курином Торире сообщается об угрозе назначения наказания в виде изгнания за грабеж, в результате которого потерпевший лишился всех запасов сена, имевшего важное значение в домашнем хозяйстве для людей эпохи средневековья. Чтобы избежать этой меры наказания подсудимому по местным обычаям предлагалось возместить ущерб потерпевшему и таким образом откупиться от изгнания [9, с. 25–26].

В этой же саге упоминается, что изгнание было двух видов – срочным и пожизненным. Так, Арнгрим Годи, совершивший убийство двух лиц путем сожжения, был приговорен судьями тинга к пожизненному изгнанию, а некий Торвальд за подобное же деяние был приговорен только к трем годам изгнания, поскольку от его имени была выплачена вира, после чего он покинул остров и перебрался в Шотландию [9, с. 36–37].

Заключение

Обобщая сказанное, мы можем с уверенностью заключить, что изучение всеобщей истории государства и права на протяжении десятков лет в отечественной историко-юридической науке сопровождается множеством проблем, в первую очередь науковедческих, что существенно усложняет, а порой ставит непреодолимые трудности в исследовательской деятельности, которая не для кого не секрет осуществляется крайне медленно и поверхностно.

По нашим наблюдениям большая часть авторских изысканий в этой сфере основывается не на анализе первоисточников, а комментировании опубликованных монографий, статей зарубежных ученых, оставляя многие задачи в своих исследованиях не решенными. В частности, острой и животрепещущей проблемой в этом контексте остается исследование средневекового юридического быта скандинавских стран, периода формирования обычного права, когда писаные законы у германских народов были еще не столь распространены.

Застой науки в этом направлении прежде всего связан с отсутствием полноценного учения об источниках познания юридического бытия в историческом измерении, их методологического значения, гносеологической ценности и важности, взаимодополняемости для исследования конкретных этапов и целых эпох в политико-правовой жизни цивилизаций, отдельных стран, обществ.

В своем исследовании мы пытаемся заострить внимание на значении и важности саг в изучении жизни средневекового общества периода викингов, которые не оценены по достоинству историками-юристами. Де-факто, они являются единс-

твенными крупными, дошедшими до нашего времени источниками информации, позволяющими исследователям осмыслить правовую культуру, многогранную юридическую практику тысячелетней давности. Они детально фиксируют юридические казусы того важнейшего исторического среза, когда только зарождаются базовые предпосылки возникновения цивилизации у северогерманских народов. Саги содержат описание многочисленных обычно-правовых норм, а также указание на то, как они существенно отличались друга от друга в той или иной части территории Исландии.

Пристатейный библиографический список

1. Иллюстрированный энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона. М. : Эксмо, 2008.
2. *Стеблин-Каменский М. И.* Мир саги. Становление литературы. М. : Libroком, 2013.
3. Эпоха первых исландцев. Саги об Эйрике Красном и Финнбоге Сильном. М. : Вече, 2022.
4. *Губанов И. Б.* Исландские родовые саги как источник по истории культуры и общества Древней Скандинавии. Исследования, тексты и переводы : монография. СПб. : Российская академия наук ; Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), 2016.
5. *Сванидзе А. А.* Викинги – люди саги : жизнь и нравы. М. : Новое литературное обозрение, 2014.
6. Саги о богах, героях и скальдах Исландии / авт.-сост. В. Сеничев, Н. Топчий. М. : Вече, 2019.
7. Саги Исландии. Кн. 1. Рязань : Александрия, 2018.
8. Сага о Финнбоги Сильном. М. : ИПО, 2002.
9. Исландские саги / пер. с древнеислан. языка, общ. ред. и ком. А. В. Циммерлинга. М. : Языки русской культуры, 2000.

References

1. Illustrated Encyclopedic Dictionary of F. Brockhaus and I. Efron. Moscow: Eksmo, 2008. (In Russ.)
2. *Steblyn-Kamenskii M. I.* The World of the Saga. The Formation of Literature. Moscow: Librocom, 2013. (In Russ.)
3. The Era of the First Icelanders. Sagas about Eirik the Red and Finnbog the Strong. Moscow: Veche, 2022. (In Russ.)
4. *Gubanov I. B.* Icelandic Ancestral Sagas as a Source on the History of Culture and Society of Ancient Scandinavia. Research, Texts and Translations: Monograph. St. Petersburg: Russian Academy of Sciences; Museum of Anthropology and Ethnography named after Peter the Great (Kunstkamera), 2016. (In Russ.)
5. *Svanidze A. A.* Vikings – People of the Saga: Life and Morals. Moscow: New Literary Review, 2014. (In Russ.)

6. *Senichev V., Topchii N. (eds.). Sagas about the Gods, Heroes and Skalds of Iceland.* Moscow: Veche, 2019. (In Russ.)
7. *Sagas of Iceland. Book 1.* Ryazan: Alexandria, 2018. (In Russ.)
8. *The Saga of Finngod the Strong.* Moscow: IPO, 2002. (In Russ.)
9. *Zimmerling A. V. (ed.). Icelandic Sagas.* Moscow: Languages of Russian culture, 2000. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Е. А. Шаталов – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

E. A. Shatalov – PhD in Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 17.10.2023; одобрена после рецензирования 27.11.2023; принята к публикации 05.02.2024.

The article was submitted to the editorial office 17.10.2023; approved after reviewing 27.11.2023; accepted for publication 05.02.2024.

Научная статья

УДК 347

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-89-97>

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЩЕНИЯ ВЗЫСКАНИЯ НА ПРЕДМЕТ ЗАЛОГА В СУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ И СПОСОБЫ ИХ РЕШЕНИЯ

Владимир Александрович Кондратьев

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

vakondratiev@bk.ru

Аннотация

При разрешении споров об обращении взыскания на предмет залога и действующее законодательство, и правоприменительная практика допускают определенную дискрецию суда при оценке существенности нарушения. Однако любое усмотрение суда должно основываться на соответствующих принципах и нормах права и не вести к появлению различных позиций в судебной практике. Основания обращения взыскания дифференцируются в зависимости от того, исполняется обязательство единовременным платежом или периодическими платежами. При этом необходимо учитывать, что обязательство, исполняемое периодическими платежами, может трансформироваться в обязательство, исполняемое единовременным платежом, если кредитором было заявлено требование о досрочном исполнении обязательства. Автором предложено при решении данного вопроса руководствоваться формальными критериями, однако суд может учесть потенциальную возможность должника исполнить обязательство, а также предпринимаемые им меры для погашения текущей задолженности.

Ключевые слова: залог; обязательство; обращение взыскания; основания обращения взыскания; обеспечение исполнение обязательств; залогодатель; залогодержатель.

Для цитирования: Кондратьев В. А. Отдельные проблемы обращения взыскания на предмет залога в судебном порядке и способы их решения // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 1. С. 89–97. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-89-97>

Research Article

SOME PROBLEMS OF FORECLOSURE ON THE SUBJECT OF COLLATERAL IN JUDICIAL PROCEDURE AND WAYS OF SOLVING THEM

Vladimir A. Kondratyev

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St.,
Moscow, 117638, Russia
vakondratiev@bk.ru

Abstract

In resolving disputes on foreclosure of collateral, both current legislation and law enforcement practice allow for a certain discretion of the court in assessing the materiality of a violation. However, any discretion of the court should be based on the relevant principles and rules of law and should not lead to the emergence of different positions in court practice. The grounds for foreclosure are differentiated depending on whether the obligation is discharged by a lump sum payment or by periodic payments. It should be taken into account that an obligation performed by periodic payments may be transformed into an obligation performed by a lump-sum payment, if the creditor has made a claim for early fulfillment of the obligation. The author proposes to be guided by formal criteria when resolving this issue, but the court may take into account the potential ability of the debtor to fulfill the obligation, as well as the measures taken by the debtor to repay the current debt.

Keywords: pledge; obligation; foreclosure; grounds for foreclosure; security for fulfillment of obligations; pledgee; pledgor.

For citation: *Kondratyev V. A. Some Problems of Foreclosure on the Subject of Collateral in Judicial Procedure and Ways of Solving Them. Herald of the Russian Law Academy, 2024, no. 1, pp. 89–97. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-89-97>

Введение

Залог является одним из наиболее распространенных и популярных в гражданском обороте способов обеспечения исполнения обязательств, поскольку он создает преимущества залогодержателю перед любыми другими кредиторами. Больше того, залог дает преимущества кредитору даже в случае банкротства должника. В ст. 138 Закона о банкротстве прямо предусматривается, что за счет средств, вырученных от реализации предмета залога, семьдесят процентов на-

правляется на погашение требований кредитора по обязательству, обеспеченному залогом имущества должника.

Залог как способ обеспечения исполнения обязательства создает надежные гарантии интересов кредитора, но сводить цель залога только к обращению взыскания не совсем правильно, залог призван еще и стимулировать должника к надлежащему исполнению обязательства. Наиболее благоприятным вариантом развития события для каждой из сторон является надлежащее исполнение обязательства. Еще А. С. Звоницкий писал, что «нормальным способом прекращения залогового права нужно считать, конечно, исполнение по закладной, т.е. исполнение залогодателем того договора, в обеспечение которого залог установлен» [1, с. 11–13]. Однако по тем или иным причинам цель надлежащего исполнения обязательства может быть не достигнута, тогда залогодержатель приобретает право получить удовлетворение из стоимости заложенного имущества.

1. Основания обращения взыскания

Законодательство закрепляет особый порядок реализации права залогодержателя на получение стоимости заложенного имущества, которое осуществляется путем обращения взыскания. В литературе обращение взыскания характеризуется как «мера принудительного исполнения, представляющая собой основную форму осуществления права залога и способ защиты прав залогодержателя» [2, с. 25]. Особая процедура реализации заложенного имущества направлена прежде всего на защиту интересов должника, так как она позволяет определить рыночную цену предмета залога, не допуская таким образом необоснованного обогащения на стороне кредитора. Но для кредитора излишние формальности затягивают процесс получения удовлетворения требования, например, судебный порядок обращения взыскания предполагает обращение с исковым заявлением в суд, что влечет определенные временные затраты. Однако в таком случае возрастает риск неосновательного обогащения на стороне кредитора, что нельзя признать допустимым. Не случайно Верховный Суд РФ признал недопустимым использование обеспечительной купли-продажи, поскольку в таком случае кредитор получает удовлетворение своего требования в обход процедуры обращения взыскания [3].

Обращение взыскания путем оставления предмета залога залогодержателем за собой возможно только в двух случаях: 1) если залогодателем является лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность (п. 2 ст. 350.1 ГК РФ); 2) в случае признания повторных торгов несостоявшимися (п. 5 ст. 350.2 ГК РФ, п. 1 ст. 58 Закона об ипотеке). Но даже в случае оставления предмета залога за собой учитывается соотношение цены предмета залога и размера требования кредитора. В п. 2 ст. 350.1 ГК РФ прямо предусмотрено, что в случае, если стоимость оставляемого за залогодержателем или отчуждаемого третьему лицу имущества превышает размер неисполненного обязательства, обеспеченного залогом, разница подлежит выплате залогодателю. Как видно, законодатель не только ограничивает возможность обращения взыскания путем оставления предмета залога за собой, но даже в тех случаях, когда такой способ допускается то кредитор вправе претендовать только на ту часть стоимости, которая не превышает размер требования.

Данные примеры еще раз демонстрируют, что основная цель применения процедуры обращения взыскания состоит в обеспечении гарантии прав залогодержателя. И ее значение для стабильности гражданского оборота сложно переоценить, не случайно еще во времена Римской империи правопорядок отошел от первоначальных форм залога федеции (*feducia*) и пигнуса (*pignus*), которые предполагали обращение предмета залога в собственность залогодержателя в пользу *hypoteka*, который уже предполагал механизмы обращения взыскания [4, с. 57].

Однако сама процедура обращения взыскания сопряжена с целым рядом сложностей, которые возникают в правоприменительной практике. Указанные сложности, как представляется, обусловлены прежде всего столкновением интересов залогодателя и залогодержателя, что требует с одной стороны защитить интересы кредитора, который де факто является более слабой стороной, поскольку зависит от действий должника, с другой стороны необходимо создать определенные гарантии для должника, особенно в том случае, когда залогодателем выступает гражданин.

Основанием обращения взыскания в силу п. 1 ст. 348 ГК РФ является неисполнение или ненадлежащее исполнения обязательства. Х. Вебер отмечает, что «с возникновением права на продажу кредитор вправе реализовать предмет залога, но в принципе не обязан этого делать» [5, с. 192]. То есть само по себе неисполнение обязательства должником дает право залогодержателю обратиться взыскание на предмет залога.

Законодатель не ставит возможность реализации права на обращение взыскания в зависимость от применения иных способов защиты, т.е. не требуется заявление отдельного требования о взыскании задолженности. В одном из споров Верховный Суд РФ отменил определение нижестоящего суда, который указал, что «при решении в судебном порядке вопроса об обращении взыскания на заложенное имущество необходимо установление судом обстоятельств неисполнения либо ненадлежащего исполнения должником обязательства по возврату задолженности, что невозможно без предъявления кредитором к должнику соответствующего требования и установления размера существующей задолженности» [6]. Вышестоящий суд с таким подходом не согласился и отметил, что залогодержатель приобретает право обратиться взыскание на предмет залога при установлении факта неисполнения должником обязательства [7]. Такую позицию можно признать обоснованной, поскольку вопрос о наличии или отсутствии оснований для обращения взыскания может быть разрешен судом в рамках одного дела. Даже в том случае, когда залогодателем является третье лицо, данный вопрос может быть разрешен в рамках одного спора.

Приведенный выше подход в дальнейшем был отражен Верховным Судом РФ в п. 65 постановления Пленума от 27 июня 2023 г. № 23 «О применении судами правил о залоге вещей» (далее – Постановление Пленума ВС РФ о залоге).

При этом неисполнение обязательства не является безусловным основанием для обращения взыскания. Законодательство допускает ряд исключений из соответствующего правила. В ст. 348 ГК РФ предусмотрены случаи, при которых не допускается обращение взыскания, если допущенное должником нарушение

обеспеченного залогом обязательства незначительно и размер требований залогодержателя вследствие этого явно несоразмерен стоимости заложенного имущества. Пока не доказано иное, незначительность нарушения и несоразмерность требований залогодержателя стоимости предмета залога предполагаются, если сумма неисполненного обязательства составляет менее чем пять процентов от стоимости заложенной вещи и период просрочки исполнения обязательства, обеспеченного залогом, составляет менее чем три месяца.

Сама формулировка п. 2 ст. 348 ГК РФ предполагает определенную дискрецию суда в определении признаков незначительности, т.е. суд может и отойти от указанных признаков в пользу их расширения.

В литературе отмечается что «правила о несоразмерности не являются жесткими, они лишь устанавливают презумпции, которые могут быть опровергнуты в суде» [8, с. 343].

Верховный Суд в Постановлении Пленума о залоге указал, что по соглашению залогодателя и залогодержателя критерии незначительности нарушения и несоразмерности требования залогодержателя стоимости предмета залога могут быть изменены в сторону увеличения (статьи 348, 421 ГК РФ). То есть данную норму Верховный Суд РФ рассматривает как односторонне императивную.

В п. 3 ст. 348 ГК РФ устанавливаются критерии незначительности для обязательства, исполняемого периодическими платежами. Так, в данном случае обращение взыскания допускается при систематическом нарушении сроков внесения платежей более чем три раза в течение двенадцати месяцев, предшествующих дате обращения в суд или дате направления уведомления об обращении взыскания на заложенное имущество во внесудебном порядке, даже при условии, что каждая просрочка незначительна.

Формулировка данной нормы позволяет заключить, что основанием для обращения взыскания является нарушение сроков внесения платежей, при этом сумма задолженности как критерий не указана. То есть формально для обращения взыскания достаточно лишь нарушения сроков.

Таким образом, основания обращения взыскания дифференцируются в зависимости от того, исполняется обязательство единовременным платежом или периодическими платежами. При этом необходимо учитывать, что обязательство, исполняемое периодическими платежами, может трансформироваться в обязательство, исполняемое единовременным платежом. Показателен в этом смысле спор, рассмотренный Верховным Судом РФ. Так, Суд первой и второй инстанции удовлетворяя требования кредитора о досрочном исполнении обязательства, но при этом отказали в обращении взыскания на предмет залога, сославшись на то, что сумма не внесенных периодических платежей составляет менее пяти процентов от стоимости предмета залога. Верховный Суд РФ данный довод не поддержал, указал, что если были основания для удовлетворения требования о досрочном исполнении, то уже обязательство трансформировалось в исполняемое единовременным платежом [9].

Не случайно в п. 55 Постановления Пленума ВС РФ о залоге указано, что «если требование об обращении взыскания на предмет залога предъявлено наряду с тре-

бованием о полном досрочном исполнении обеспеченного залогом денежного обязательства, исполняемого периодическими платежами, сумму неисполненного обязательства для целей установления незначительности нарушения и определения ее соразмерности стоимости предмета залога составляют размер всего обеспеченного залогом требования – остаток основного долга, начисленные, но не уплаченные проценты и т.д.». Тем самым удовлетворение судом требования о досрочном исполнении фактически меняет характеристику обязательства с исполняемого периодическими платежами, на исполняемое единым платежом, что предопределяет применение к нему п. 2 ст. 348 ГК РФ.

2. Порядок определения степени существенности нарушения

Как видно из анализа вышеупомянутых положений законодательства при незначительном нарушении обязательства обращение взыскания не допускается. Но встает вопрос об определении степени существенности данного нарушения. Как уже было отмечено выше формулировка п. 2 ст. 348 ГК РФ не является строгой и допускает дискрецию суда.

В схожем ключе рассуждает и Верховный Суд РФ, который в Обзоре судебной практики по гражданским делам, связанным с разрешением споров об исполнении кредитных обязательств (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22 мая 2013 г.) указал, что при разрешении судом требований об обращении взыскания на недвижимое имущество, заложенное в обеспечение возврата долга по кредитному обязательству, юридически значимым обстоятельством, которое входит в предмет доказывания и подлежит исследованию судом, является выяснение вопроса о существенности допущенного должником нарушения обеспеченного залогом обязательства, а также установление законных оснований для обращения взыскания на заложенное имущество.

Как видно, Верховный Суд РФ в данной позиции подчеркивает необходимость учета целого ряда обстоятельств при принятии решения об обращении взыскания. Вместе с тем широкая дискреция суда зачастую создает неопределенность в правоприменительной практике, что влечет непредсказуемость судебных актов и, соответственно, невозможность для участников оборота оценивать последствия совершаемых действий.

Поскольку в подавляющем большинстве случаев залогом обеспечиваются обязательства из кредитного договора, которые исполняются путем внесения периодических платежей. Один из вопросов, которые зачастую возникают в судебной практике, касается оценки и учета при принятии решения об обращении взыскания предпринятых должником действий по погашению задолженности.

В п. 4 ст. 348 ГК РФ предусмотрено, что должник и являющийся третьим лицом залогодатель вправе прекратить в любое время до реализации предмета залога обращение на него взыскания и его реализацию, исполнив обеспеченное залогом обязательство или ту его часть, исполнение которой просрочено.

Верховный Суд РФ в п. 54 Постановления Пленума о залоге отметил, что взыскание на предмет залога в связи с систематическим нарушением срока внесения периодических платежей не допускается, а начатое обращение взыскания прекра-

щается в случае погашения должником или залогодателем – третьим лицом задолженности по внесению периодических платежей (п. 4 ст. 348 ГК РФ).

В то же время при правомерном предъявлении требования о досрочном исполнении обязательства, сами по себе факты погашения просроченной задолженности по внесению периодических платежей и продолжения их уплаты в соответствии с установленными договором сроками не могут служить достаточным основанием для отказа залогодержателю в обращении взыскания на заложенную вещь, если к моменту вынесения судебного решения обеспеченное требование не удовлетворено в полном объеме.

Верховный Суд РФ разделяет ситуации, когда заявляется требование о досрочном исполнении и когда нет, соответственно, в первом случае, погашение части просроченной задолженности не может служить основанием для отказа в обращении взыскания. Такой подход объясняется тем, что при заявлении требования о досрочном исполнении трансформирует обязательство, исполняемое периодическими платежами, соответственно, предполагается, что должник уже должен погасить всю сумму задолженности, а не ту часть, которую он внес по графику.

Однако формулировка Постановления Пленума ВС РФ о залоге также допускает отступление, о чем говорит использование фразы «сами по себе факты погашения просроченной задолженности...», т.е. напрашивается вывод, что в совокупности с другими факторами это может служить основанием для отказа в обращении взыскания.

В правоприменительной практике суды по-разному оценивают действия по «возвращению должника в график». Так, можно наблюдать примеры, где суды отказывают в обращении взыскания, когда должник предпринимал меры для погашения задолженности и возвращался в график [10], но существуют и обратные примеры [11].

Помимо правовой сложности, данный вопрос также имеет серьезный социальный и экономический аспект, особенно в тех случаях, когда предмет залога является жилое помещение. В отдельных судебных актах присутствуют ссылки на социальное положение лица и оно учитывается, например, суды учитывают, что должник является многодетным родителем, терял работу и т.п. [12]. Безусловно, поддержка незащищенных слоев населения, в том числе многодетных должна осуществляться. Но такая поддержка должна осуществляться прежде всего за счет государства, а не за счет других участников гражданского оборота. Поскольку массовое неисполнение обязательств по кредитным обязательствам может повлечь серьезные последствия для экономики в целом, как, например, при «ипотечном» кризисе 2008 г. [13]. Поэтому учет социальных и личных причин возможен лишь в исключительных случаях.

Заключение

Как представляется, при решении вопроса об обращении взыскания на предмет залога необходимо исходить из возможности должника исполнить обязательство. Как отмечает С. В. Сарбаш, «всякое обязательство по самому своему существу стремится прийти к исполнению» [14, с. 27]. Поэтому обращение взыскание в той

ситуации, когда должник в состоянии исполнить обязательство, и на то есть объективные причины, является чрезмерной мерой.

Пристатейный библиографический список

1. *Зволицкий А. С.* О залоге по русскому праву. Киев : Изд. книжного магазина Н. Я. Оглобина, 1912.
2. *Галкин Г. П.* Защита прав гражданина при обращении взыскания на заложенное жилое помещение. М. : Статут, 2019.
3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 9 января 2018 г. № 32-КГ17-33 // СПС «КонсультантПлюс».
4. *Гантовер Л. В.* Залоговое право. Объяснения к положениям главы IV раздела I проекта Вотчинного устава. СПб. : Гос. тип., 1890.
5. *Вебер Х.* Обеспечение обязательств. М. : Волтерс Клувер, 2009.
6. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 12 декабря 2019 г. № 88-2633/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 21 июля 2020 г. № 4-КГ20-22-К1, 2-211/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Договорное и обязательственное право (общая часть) : постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2017.
9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14 мая 2019 г. № 46-КГ19-4 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 15 августа 2023 г. № 88-8014/2023 по делу № 2-1063/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 2 ноября 2022 г. № 88-17385/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 20 апреля 2022 г. № 88-6761/2022 по делу № 2-110/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Мировой финансовый кризис 2008 года и последствия для России // РИА Новости : сайт. <https://ria.ru/20130816/956672411.html> (дата обращения: 10.10.2023).
14. *Сарбаш С. В.* Исполнение договорного обязательства. М. : Статут, 2005.

References

1. *Zvonitskii A. S.* About Pledge under Russian Law. Kyiv: N. Ia. Oglobin's Publishing House, 1912. (In Russ.)
2. *Galkin G. P.* Protection of the Rights of a Citizen When Foreclosure on Mortgaged Residential Premises. Moscow: Statut, 2019. (In Russ.)
3. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 9 January 2018 No. 32-KG17-33 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
4. *Gantover L. V.* Lien Right. Explanations to the Provisions of Chapter IV of Section I of the Draft Patrimonial Charter. St. Petersburg: State Printing House, 1890. (In Russ.)
5. *Weber H.* Securing Obligations. Moscow: Wolters Kluwer, 2009. (In Russ.)

6. Determination of the First Cassation Court of General Jurisdiction of 12 December 2019 No. 88-2633/2019 (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

7. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 21 July 2020 No. 4-KG20-22-K1, 2-211/2019 (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

8. *Karapetov A. G. (ed.). Contract and Obligation Law (General Part): Article-by-Article Commentary to Articles 307–453 of the Civil Code of the Russian Federation* [Electronic edition. Edition 1.0]. Moscow: M-Logos, 2017. (In Russ.)

9. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 14 May 2019 No. 46-KG19-4 (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

10. Determination of the Ninth Court of Cassation of General Jurisdiction of 15 August 2023 No. 88-8014/2023 in case No. 2-1063/2022 (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

11. Determination of the Seventh Court of Cassation of General Jurisdiction of 2 November 2022 No. 88-17385/2022 (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

12. Determination of the Third Court of Cassation of General Jurisdiction of 20 April 2022 No. 88-6761/2022 in case No. 2-110/2021 (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

13. URL: <https://ria.ru/20130816/956672411.html> (date of the application: 10.10.2023). (In Russ.)

14. *Sarbash S. V. Fulfillment of a Contractual Obligation*. Moscow: Statut, 2005. (In Russ.)

Сведения об авторе:

В. А. Кондратьев – старший научный сотрудник.

Information about the author:

V. A. Kondratiev – Senior Researcher.

Статья поступила в редакцию 20.11.2023; одобрена после рецензирования 21.12.2023; принята к публикации 05.02.2024.

The article was submitted to the editorial office 20.11.2023; approved after reviewing 21.12.2023; accepted for publication 05.02.2024.

Научная статья

УДК 347.93

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-98-105>

О ВОЗМОЖНОСТИ УЧАСТИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В КАЧЕСТВЕ ПЕРЕВОДЧИКА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Светлана Сергеевна Пастухова

Межрегиональный юридический институт ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 410033, Россия,
г. Саратов, Молодежный проезд, д. 4 «А»

s-kelareva@mail.ru

Аннотация

В представленном исследовании рассмотрен вопрос о возможности участия несовершеннолетнего в возрасте от 16 до 18 лет в качестве переводчика в гражданском процессе. Актуальность исследования вызвана тем, что в гражданском процессуальном законодательстве не определен четкий возраст, по достижении которого можно принимать участие в качестве переводчика в гражданском процессе. Статистические данные показывают увеличение иностранцев, приезжающих в Россию, как следствие увеличение числа гражданских дел с лицами, не владеющих русским языком. Автором при исследовании ставилась цель определения требований к переводчику в гражданском процессе, конкретный возраст, с которого возможно принимать участие в качестве переводчика в гражданском деле, руководствуясь анализом норм ГПК РФ и иных источников. Методологию исследования составили общенаучные и частнонаучные методы, систематический анализ и статистика. Исходя из проведенного анализа автор полагает, что не исключается участие в судопроизводстве несовершеннолетнего переводчика в возрасте от 16 до 18 лет, так как это не нарушает норм законодательства.

Ключевые слова: несовершеннолетний; переводчик; гражданский процесс; суд; возраст; требования.

Для цитирования: Пастухова С. С. О возможности участия несовершеннолетнего в качестве переводчика в гражданском процессе // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 1. С. 98–105. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-98-105>

Research Article

ON THE POSSIBILITY OF PARTICIPATION OF A MINOR AS AN INTERPRETER IN CIVIL PROCEEDINGS

Svetlana S. Pastukhova

Interregional Law Institute "Saratov State Law Academy", 4 "A" Molodezhnyi proezd, Saratov, 410033, Russia
s-kelareva@mail.ru

Abstract

In the present study, the issue of the possibility of participation of a minor aged 16 to 18 years as an interpreter in a civil process is considered. The relevance of the study is due to the fact that the civil procedural legislation does not define a clear age, upon reaching which one can take part as an interpreter in a civil process. Statistical data show an increase in foreigners coming to Russia, as a result, an increase in the number of civil cases with persons who do not speak Russian. During the study, the author set the goal of determining the requirements for an interpreter in civil proceedings, the specific age from which it is possible to take part as an interpreter in a civil case, guided by an analysis of the norms of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation and other sources. The research methodology was based on general scientific and specific scientific methods, systematic analysis and statistics. Based on the analysis, the author believes that the participation of a minor translator aged 16 to 18 in court is not ruled out, since this does not violate the law.

Keywords: minor; translator; civil process; court; age; requirements.

For citation: *Pastukhova S. S. On the Possibility of Participation of a Minor as an Interpreter in Civil Proceedings. Herald of the Russian Law Academy, 2024, no. 1, pp. 98–105. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-98-105>

Введение

Точность в определении понятия лиц, содействующих правосудию по гражданским делам, является важным вопросом судебной практики. Законодатель относит к указанным лицам переводчика, в связи с отсутствием у него какой-либо юридической заинтересованности в исходе рассматриваемого дела, он не защищает чьи-либо интересы в процессе, решение суда не затрагивает его права и законные интересы.

В настоящее время правосубъектность лиц, не достигших возраста 18 лет, привлеченных в гражданское судопроизводство в качестве переводчика, приобрета-

ет особую актуальность по причинам отсутствия в действующем законодательстве определения понятия переводчика и четкого возраста, с наступлением которого он может принимать участие в гражданском процессе.

В Гражданском процессуальном кодексе РФ [1] (далее – ГПК РФ) неоднократно упоминается термин «переводчик» (например, в ст. 95, 97, ч. 3 ст. 162, ч. 4 ст. 162 и ч. 2 ст. 168), но отсутствует его четкое правовое понимание.

Правосубъектность переводчика прослеживается в ст. 34 ГПК РФ, где данный субъект не относится к лицам, участвующим в деле, он привлекается к процессу только для исполнения обязанности по предоставлению доказательственной информации, необходимой для правильного и всестороннего рассмотрения спора и выполнения судом своей функции. Круг прав, обязанностей, а также ответственность вышеназванного лица закрепляются в ст. 162 ГПК РФ, определяя практическое действие принципа государственного языка гражданского судопроизводства, обеспечение которого гарантирует Российское государство.

Переводчик в процесс привлекается с целью оказать услугу лицу, не понимающему язык судопроизводства, и правильно понять суть перевода.

Лица, участвующие в деле, имеют равные права на пользование тем языком, которым владеют и эти гарантии являются необходимыми.

1. Требования, предъявляемые к переводчику

Сравнивая статистические данные, можно отметить возрастающее количество эмигрантов приезжающих в Россию; данные МВД показывают, что в 2022 г. было поставлено на миграционный учет 15,5 млн человек, что составляет на 30% больше, чем за тот же самый период 2021 г. [2]. Увеличивается число иностранных граждан, принимающих участие в гражданском процессе. Не стоит забывать, что Россия – многонациональное государство (ст. 3 Конституции РФ). Общее количество всех национальностей и народностей насчитывается в РФ до 190 наименований [3]. В Российской Федерации используется 277 языков и диалектов, в государственной системе образования используется 105 языков, из них 24 – в качестве языка обучения, 81 – в качестве учебного предмета [4]. Область, связанная с отправлением правосудия, не может не затрагивать вопросы перевода и общения между гражданами, являясь важным вопросом в жизни российского общества.

В ч. 2 ст. 26 Конституции РФ каждому гарантирует право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества. Гражданское судопроизводство в соответствии с ч. 1 ст. 9 ГПК РФ ведется на русском языке [5]. К важным принципам гражданского процессуального права относится положение о равноправии сторон и состязательности. Это предполагает равноправие всех участников процесса, в том числе и языковое, никто не может быть ограничен или лишен права выражаться на языке, которым они владеют. Нарушение этого основополагающего принципа гражданского процессуального права повлечет за собой отмену судебного решения.

Переводчик осуществляет необходимую процессуальную функцию, но определения понятия и четкой правосубъектности его как участника процессуальных отношений в ГПК РФ нет.

Арбитражный процессуальный кодекс РФ [6] определяет переводчика, как лицо, которое свободно владеет языком, знание которого необходимо для перевода в процессе осуществления судопроизводства, и привлечено арбитражным судом к участию в арбитражном процессе. Согласно Кодексу административного судопроизводства РФ [7] переводчиком является лицо, свободно владеющее языком, на котором осуществляется административное судопроизводство, и другим языком, знание которого необходимо для перевода с одного языка на другой, либо лицо, свободно владеющее техникой общения с глухими, немыми, глухонемыми.

Заметим, что в вышеназванных процессуальных источниках основным критерием, характеризующим переводчика, является свободное владение языком, на котором ведется судопроизводство, и языком, знание которого необходимо для перевода, иных требований (о профессиональных качествах, образовании, возрастном цензе) к рассматриваемому лицу не предъявляются. Следовательно, в каждом конкретном случае этот вопрос решается на усмотрение суда, что предопределяет дискуссию правоведов.

Рассматривая проблему отсутствия требований к компетентности переводчика в гражданском процессуальном законодательстве, по аналогии закона обратимся к ч. 2 ст. 69 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ), где отвод переводчику может быть заявлен сторонами, а в случае обнаружения некомпетентности переводчика – свидетелем, экспертом или специалистом. Н. А. Сидорова говорит о компетентности переводчика, если он владеет как минимум двумя языками, т.е. переводчик должен хорошо понимать и разговаривать на языке рассматриваемого гражданского дела и знать язык лица, который пользуется услугами переводчика [8, с. 132].

Можно сделать вывод об основном требовании к переводчику: свободное владение языком, на котором ведется судопроизводство, и языком, знание которого необходимо для перевода. Остается открытым вопрос, кто и в когда должен определить уровень владения языком лицом, приглашенным в качестве переводчика. В качестве ответа на поставленный вопрос предположим, что, скорее всего, это должен сделать суд в силу ст. 150 ГПК РФ (так как именно суд обязан решить вопрос о привлечении переводчика в процесс). Однако судья не может быть полностью уверен в степени свободного владения языком, если он сам не обладает специальными познаниями. По этой причине выбирать переводчика должно лицо, которому он непосредственно нужен. Нельзя говорить о соблюдении принципа государственного языка гражданского судопроизводства, если переводчик и лицо, не владеющее языком судебного разбирательства, не понимают друг друга и не могут свободно обмениваться информацией.

К требованиям к переводчику относится также незаинтересованность переводчика в исходе гражданского дела, в котором он участвует. Переводчик не должен состоять в отношениях родства, подчинения ни с одним участником гражданского процесса; лица, участвующие в деле, и лица, содействующие правосудию, не должны привлекаться в качестве переводчика.

2. О возможном привлечении несовершеннолетнего в качестве переводчика

По сравнению с Кодексом РФ об административных правонарушениях [9], где одним из условий привлечения переводчика является его совершеннолетие, в ГПК РФ таких требований нет.

К примеру, несовершеннолетнее лицо не может быть в качестве понятого (п. 1 ч. 2 ст. 60 УПК РФ), при этом определенные требования (которые маловероятны до совершеннолетия) предъявляются к специалисту: наличие специальных знаний, обладание профессиональной компетенции (ч. 1 ст. 58 УПК РФ). Но нельзя исключать ситуацию, когда несовершеннолетний в возрасте от 16 до 18 лет в силу своего стремительного развития имеет диплом о соответствующем образовании и квалификации, следовательно, он может быть переводчиком, экспертом и специалистом в суде. Например, сестры Анжела и Диана Князевы в возрасте 11 и 10 лет соответственно окончили школу, а в 14 и 13 лет уже получили красные дипломы, окончив факультет международных экономических отношений Финансовой академии в Москве. Еще через год они получили дипломы Российского нового университета по специальности «юриспруденция» [10]. В то же время если сравнивать переводчика и свидетеля (как важного лица, содействующему правосудию), то заметим, что законодатель также не предъявляет к последнему определенных требований о возрастном цензе, т.е. показания возможно получать и у несовершеннолетних свидетелей (ст. 179 ГПК РФ).

У правоведов не сложилось единообразия понимания того, с какого именно возраста можно привлекать лиц в качестве переводчика; например, О. Ю. Кузнецов говорит о том, что лицо должно достигнуть своего совершеннолетия, чтобы быть переводчиком в суде [11, с. 46], а Г. В. Абшилава полагает, что переводчиком может быть лицо, достигшее возраста 16 лет [12, с. 16–17]. Я. М. Ишмухаметов исключает участие несовершеннолетнего переводчика даже в особых случаях, говоря о том, что переводчиком может быть только совершеннолетнее лицо [13, с. 125]. А. В. Гуськова высказывается о том, что допустимо привлекать в качестве переводчика и малолетнего, при условии, что он в совершенстве владеет языком. Говоря об этом, она приводит в пример ситуацию, когда подозреваемый иностранец владел только одним языком – монгольским и переводчика быстро найти не удалось. А его родственница – девочка 11 лет свободно говорила на русском и монгольском языках, но у следователей вызвал опасение ее возраст, вследствие чего был приглашен переводчик из другого города [14, с. 26].

При рассмотрении вопроса о возможном участии несовершеннолетних в возрасте от 16 до 18 лет в качестве переводчика правильнее исходить из того, что в гражданском процессе переводчик несет уголовную ответственность по ст. 307 УК РФ за заведомо неправильный перевод, согласно которой субъект преступления должен достичь 16-летнего возраста. Если несовершеннолетнее лицо в возрасте от 16 до 18 лет будет соответствовать требованиям, предъявляемым к переводчику, это не повлечет нарушение норм закона.

Заключение

В целях реализации задач гражданского судопроизводства не исключается привлечение несовершеннолетнего переводчика, достигшего возраста 16 лет. Сейчас

многие родители отдают своих детей в дошкольном возрасте изучать иностранные языки, это является ключом к международному пониманию и культурной связи. В нашей многокультурной стране умение говорить на разных языках является большим преимуществом и может помочь в будущем. Преподавание языков малолетним детям имеет практическую пользу, важное психологическое и вербальное значение. Изучение иностранных языков в раннем возрасте помогает развивать память, логическое мышление. Кроме того, общаясь на разных языках, дети общаются с людьми из разных культур, социальных сред, такие дети лучше устанавливают контакт со сверстниками, взрослыми из других стран. Дети успешнее социализируются в обществе. В наши дни многие дети к 16 годам уже свободно владеют несколькими языками.

С другой стороны, не может не вызывать сомнений участие несовершеннолетнего переводчика в суде, так как у несовершеннолетних лиц имеются свои особенности психического развития и попадая в зал судебного заседания юный переводчик может растеряться, обстановка ему малоизвестна, он предупреждается об уголовной ответственности, следовательно, возможна угроза его психике от воздействий, связанных с выполнением функции переводчика. Во избежание этого председательствующий спокойно должен разъяснить права и обязанности несовершеннолетнему переводчику, его независимость от лиц, участвующих в деле, что они не могут оказывать на него какого-либо влияния и т.д., а также объяснить, что цель участия переводчика в деле заключается лишь в том, чтобы оказать содействие суду в получении доказательств от лица, не владеющего языком судебного разбирательства. В зале судебного заседания не должно быть напряженной и конфликтной обстановки. Для того чтобы несовершеннолетний переводчик чувствовал себя комфортно при выполнении своих обязанностей, в судебном заседании могут присутствовать его законные представители или психолог.

Каждое гражданское дело индивидуально, и не исключено, что может возникнуть ситуация, когда совершеннолетнего переводчика невозможно будет представить. Судья при назначении кандидатуры переводчика должен обращать внимание, где переводчик родился, одной ли он национальности с тем лицом, которому должен оказать помощь в переводе, имеет ли он навыки общения, достаточные для того, чтобы передать информацию лицу, не понимающему язык судопроизводства во всем многообразии особенностей терминологии гражданского процесса.

Исходя из вышесказанного предлагается дополнить ч. 1 ст. 162 ГПК РФ вторым абз. 2 следующего содержания «Переводчик – лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, свободно владеющее языком, на котором ведется гражданское судопроизводство, другими языками, знание которых необходимы для перевода с одного языка на другой, привлеченное судом к участию в деле, в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом».

Пристатейный библиографический список

1. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Российская газета. 2002. 20 нояб. № 220.

2. Миграционная статистика за 2022 год // Zamzam : сайт. URL: https://zam.me/zam_journal/migracionnye-itogi-za-2022-god/ (дата обращения: 22.06.2023).
3. Национальный состав России: этногруппы и статистика // Статистика России: сайт. URL: <https://rosinfostat.ru/natsionalnyj-sostav/> (дата обращения: 22.06.2023).
4. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2012. № 52. Ст. 7477.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Парламентская газета. 2002. 27 июля. № 140-141.
7. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
8. *Сидорова Н. А.* Обоснованность создания института профессиональных переводчиков в сфере судопроизводства // Альманах современной науки и образования. 2012. № 7 (62).
9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Российская газета. 2001. 31 дек. № 256.
10. Вундеркинды нашего времени : 12 самых молодых выпускников ВУЗов // Fishki.net : сайт. URL: <https://fishki.net/2190238-vunderkindy-nashego-vremeni-12-samyh-molodyh-vypusnikov-vuzov> (дата обращения: 22.06.2023).
11. *Кузнецов О. Ю.* Правосубъектность переводчика в гражданском судопроизводстве и порядок ее приобретения // Современное право. 2007. № 10.
12. *Абшилава Г. В.* Процессуально-правовые и гуманитарные проблемы участия переводчика в уголовном судопроизводстве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.
13. *Ишмухаметов Я. М.* Проблемы и вопросы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики // Вестник ЮУрГУ. 2006. № 5.
14. *Гуськова А. В.* Функция переводчика в уголовном судопроизводстве : постановка актуальных проблем // Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода : международный сборник научных статей. Нижний Новгород : Бюро переводов «Альба», 2016.

References

1. Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14 November 2002 No. 138-FZ. *Rossiiskaia Gazeta*, 20 November 2002, no. 220. (In Russ.)
2. Migration Statistics for 2022. URL: https://zam.me/zam_journal/migracionnye-itogi-za-2022-god/ (date of the application: 22.06.2023). (In Russ.)
3. National Composition of Russia: Ethnic Groups and Statistics. URL: <https://rosinfostat.ru/natsionalnyj-sostav/> (date of the application: 22.06.2023). (In Russ.)
4. Decree of the President of the Russian Federation of 19 December 2012 No. 1666 "On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for

the Period until 2025". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2012, no. 52, art. 7477. (In Russ.)

5. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12 December 1993 with changes approved during the nationwide vote on 1 July 2020) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

6. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of 24 July 2002 No. 95-FZ. *Parliamentary Newspaper*, 27 July 2002, nos. 140–141. (In Russ.)

7. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation of 8 March 2015 No. 21-FZ. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2015, no. 10, art. 1391. (In Russ.)

8. *Sidorova N. A.* The Validity of the Creation of an Institution of Professional Translators in the Field of Legal Proceedings. *Almanac of Modern Science and Education*, 2012, no. 7 (62). (In Russ.)

9. Code on Administrative Offenses of the Russian Federation of 30 December 2001 No. 195-FZ. *Rossiiskaia Gazeta*, 31 December 2001, no. 256. (In Russ.)

10. Geeks of Our Time: 12 of the Youngest Graduates of Universities. URL: <https://fishki.net/2190238-vunderkindy-nashego-vremeni-12-samyh-molodyh-vypusnikov-vuzov> (date of the application: 22.06.2023). (In Russ.)

11. *Kuznetsov O. Iu.* The Legal Personality of an Interpreter in Civil Proceedings and the Procedure for its Acquisition. *Modern Law*, 2007, no. 10. (In Russ.)

12. *Abshilava G. V.* Procedural, Legal and Humanitarian Problems of the Participation of an Interpreter in the Criminal Proceedings of Russia: Synopsis of the Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2005. 32 p. (In Russ.)

13. *Ishmukhametov Ia. M.* Problems and Issues of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics. *Bulletin of SUSU*, 2006, no. 5. (In Russ.)

14. *Guskova A. V.* Function of an Interpreter in Criminal Legal Proceedings: Posing Topical Problems. In *Actual Issues of Translation Studies and Translation Practice: International Collection of Scientific Articles*. Nizhny Novgorod: Translation agency "Alba", 2016. (In Russ.)

Сведения об авторе:

С. С. Пастухова – преподаватель.

Information about the author:

S. S. Pastukhova – Teacher.

Статья поступила в редакцию 20.09.2023; одобрена после рецензирования 13.10.2023; принята к публикации 05.02.2024.

The article was submitted to the editorial office 20.09.2023; approved after reviewing 13.10.2023; accepted for publication 05.02.2024.

Научная статья

УДК 342.733

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-106-116>

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Галина Сергеевна Рустикова

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

Rustikova-gs@list.ru

Аннотация

В статье анализируется понятие цифровой трансформации образования как правового явления, характерные признаки, принципы правового регулирования, проблемы формирования и развития национальной образовательной системы. Цель исследования – проанализировать правовую природу цифровой трансформации образования, выявить ее характерные особенности, участников и направления и принципы правового регулирования возникающих в ходе цифровой трансформации общественных отношений. Методы исследования: синтез, системный анализ, теоретико-правовой, формально-юридический. Определены сущность, основные признаки, субъекты и объекты цифровой трансформации образования в части применения информационных технологий, а также государственная политика и правовое регулирование отношений в сфере цифровой трансформации образования.

Ключевые слова: цифровая трансформация образования; цифровая трансформация отрасли науки и высшего образования; субъекты цифровой трансформации образования; объекты цифровой трансформации образования.

Для цитирования: *Рустикова Г. С.* Правовая природа цифровой трансформации образования // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 1. С. 106–116. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-106-116>

THE LEGAL NATURE OF THE DIGITAL TRANSFORMATION OF EDUCATION

Galina S. Rustikova

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St.,
Moscow, 117638, Russia
Rustikova-gs@list.ru

Abstract

The article analyzes the concept of digital transformation of education as a legal phenomenon, characteristic features, principles of legal regulation, problems of formation and development of the national educational system. The purpose of the study is to analyze the legal nature of the digital transformation of education, to identify its characteristic features, participants and directions and principles of legal regulation of public relations arising during the digital transformation. Research methods: synthesis, system analysis, theoretical and legal, formal legal. The essence, main features, subjects and objects of digital transformation of education in terms of the use of information technologies, as well as state policy and legal regulation of relations in the field of digital transformation of education are determined.

Keywords: digital transformation of education; digital transformation of science and higher education; subjects of digital transformation of education; objects of digital transformation of education.

For citation: *Rustikova G. S. The Legal Nature of Digital Transformation of Education. Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 1, pp. 106–116. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-106-116>

Введение

Информационные и информационно-телекоммуникационные технологии используются в настоящее время как мощное дополнение к традиционным формам образования и обучения в классах и аудиториях, на лекциях, в лабораториях и при подготовке домашних заданий. Применение визуализации (в том числе технологии дополненной и виртуальной реальности) экономит материальные ресурсы и позволяет смоделировать явления, происходящие в микро-, макро- и мегамирах. Использование симуляторов в процессе обучения позволяет сэкономить время и получить необходимые практические навыки в безопасном режиме. Анализ

цифровых образовательных следов дает возможность скорректировать программу, приближая ее к индивидуальной траектории образования для каждого обучаемого в зависимости от его физических способностей, в том числе с учетом ограниченных возможностей здоровья. Опираясь на мнение исследователей о том, что «становление и развитие цифровой экономики является центральным звеном цифровой трансформации» [1, с. 130–131], можем констатировать, что цифровая трансформация образования, детерминированная развитием цифровой экономики, требует осмысления и комплексного анализа ее правовой природы.

1. Понятие и характерные признаки цифровой трансформации образования

В Стратегии цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования дана дефиниция цифровой трансформации отрасли: «комплексное преобразование деятельности участников отрасли и органов исполнительной власти, связанное с переходом к новым бизнес-моделям, каналам коммуникаций, а также процессам и культуре, которые базируются на новых подходах к управлению данными с использованием цифровых технологий» [2].

В постановлении Правительства РФ от 10 октября 2020 г. № 1646 цифровая трансформация раскрыта как «совокупность действий, осуществляемых государственным органом, направленных на изменение (трансформацию) государственного управления и деятельности государственного органа по предоставлению им государственных услуг и исполнению государственных функций за счет использования данных в электронном виде и внедрения информационных технологий в свою деятельность» [3, абз. 5 ч. 2].

Понятие цифровой трансформации образования вызывает обоснованный научный интерес у ученых, исследователей юридической науки. Например, Т. Н. Балашова полагает, что «цифровая трансформация отрасли образования – это качественное изменение как самого образовательного процесса, так и образовательной деятельности на основе освоения прорывных информационных технологий» [4, с. 81]. Такой же позиции придерживаются В. Н. Южаков и А. А. Ефремов, с уточнением: «...прорывных информационных (цифровых) технологий» [5, с. 19–20]. Ван Сюань считает, что цифровая трансформация образования заключается в совокупном использовании «цифровых технологий в образовательных ресурсах, образовательной деятельности и образовательной политике в целях повышения качества образования» [6, с. 95].

По мнению автора, цифровая трансформация образования – это процесс перехода от традиционных форм взаимодействия участников образовательных отношений к взаимодействию с использованием цифровых платформ, технологий, ресурсов и сервисов. Подчеркивается тем самым не сам факт качественного изменения, что само по себе, на наш взгляд, скорее цель трансформации, а актуализируется непрерывность процесса, обусловленного постоянным изменением информационных технологий. Под информационными технологиями, в данном случае, независимо от их технологической составляющей, подразумеваются «процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов» [7, п. 2 ст. 2]. Таким образом, понятие цифровая трансформация образования, синтезиру-

ет в себе все этапы постепенного перехода от традиционных форм получения знаний от человека к человеку без использования специальных технических средств к компьютеризации этого процесса, т. е. внедрении технических устройств, затем к информатизации, включающей в себя «создание условий для удовлетворения информационных потребностей и реализации прав... на основе формирования и использования информационных ресурсов» [8, абз. 3 ст. 2], и в настоящее время к цифровизации, с учетом использования в этом процессе новейших, прорывных информационных технологий. Кроме того, понятие «цифровая трансформация образования», на наш взгляд, должно интегрировать все уровни образования: дошкольное, начальное общее, основное общее и среднее общее образование, среднее профессиональное образование (подведомственные Министерству просвещения РФ) и все уровни высшего образования (подведомственные Министерству науки и высшего образования РФ). Анализ документов позволяет увидеть градацию на «цифровую трансформацию образования» и «цифровую трансформацию отрасли науки и высшего образования» в их названиях. Ввиду того, что образование в соответствии с ч. 2 ст. 10 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» объединяет «общее образование, профессиональное образование, дополнительное образование и профессиональное обучение, обеспечивающие возможность реализации права на образование в течение всей жизни (непрерывное образование)» [9, ч. 2 ст. 10], цифровая трансформация образования включает в себя трансформацию всех уровней образования в целом.

Основываясь на проведенном теоретико-практическом юридическом анализе литературы и законодательства, выявлены наиболее существенные признаки цифровой трансформации образования:

1) качественные изменения формы организации образовательной деятельности. При этом изменение формы образовательной деятельности детерминировано применением электронных, цифровых, информационно-коммуникационных технологий¹, в частности использованием сквозных технологий², цифровых образовательных следов обучающегося, специальных электронных (цифровых) образовательных средств и ресурсов;

2) оперативность и комфортность предоставления и получения электронных/цифровых образовательных материалов, обеспеченная за счет автоматизации всех информационных процессов не только в части процесса получения образования, но и в предоставлении информации о полученном образовании (подтверждение образовательных документов, а так же использование цифровых образовательных следов обучающегося);

3) возможность получения электронных образовательных материалов в разных режимах: онлайн и офлайн, позволяющая в комфортном режиме и в удобное

¹ Например, голосовые помощники.

² Таких как искусственный интеллект; робототехника и сенсорика; интернет вещей; мобильные сети связи пятого поколения (цифровые сервисы); новые коммуникационные интернет-технологии; технологии виртуальной и дополненной реальности; технологии распределенных реестров; квантовые коммуникации; квантовые сенсоры; квантовые вычисления и др. технологии.

время получать необходимые знания и навыки, более информативно (наглядно, детально) предоставить необходимую образовательную информацию независимо от обстоятельств¹;

4) качественно новый уровень доступности, понятности², оперативности и удобства получения образования позволяющий реализовать возможность выстраивания индивидуальной образовательной траектории каждого обучающегося, в зависимости от его знаний, умений, навыков, способностей и возможностей (на основе использования цифровых образовательных следов);

5) возможность использования сквозных технологий: дополненной и (или) виртуальной реальностей, цифровых двойников и различных симуляторов, позволяющая приобрести требуемые навыки, натренировать необходимые «правильные» реакции во внештатной ситуации, избежать финансовых и временных затрат (использование электронной модели), восполнить нехватку практических навыков;

6) возможность постоянного мониторинга электронных/цифровых образовательных ресурсов, допущенных к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ различных уровней образования, позволяющего проверить качество образовательных материалов, провести их верификацию³, в том числе в целях обеспечения информационной безопасности. Электронная/цифровая форма предоставления образовательной информации позволяет осуществить контроль ее качественных характеристик в режиме «реального времени»⁴, что позволяет оперативно реагировать на возможные атаки.

2. Участники цифровой трансформации образования

В ходе проведенного исследования было определено, что субъектами образовательного процесса (традиционного или в электронном/цифровом виде) являются участники отношений в сфере образования: участники образовательных отношений (обучающиеся, родители (законные представители) несовершеннолетних обучающихся, педагогические работники и их представители, организации, осуществляющие образовательную деятельность), федеральные государственные органы, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, работодатели и их объединения [9, п. 32 ст. 2]. С 2019 г. в Приказе Министерства просвещения РФ введены новые участники: поставщики цифрового образовательного контента и их потребители [10, п. 3.1], поставщики данных [10, п. 3.3], а в 2020 г. в Постановлении Правительства РФ – поставщики цифрового образовательного контента и образовательных сервисов [11, абз. 4 п. 3].

Некоторые исследователи субъектами считают преподавателей (как единственных активных участников образовательного процесса), а объектами – обу-

¹ Например, болезнь, ОВЗ, ограничение передвижения (пандемия, лишение свободы и т.п.).

² В том числе значительное сокращение сроков понимания трудных материалов.

³ Их удостоверение, проверка подлинности, соответствия требованиям, стандартам.

⁴ Процесс, который происходит с определенными временными шагами максимальной продолжительности и достаточно быстро, чтобы повлиять на среду, в которой он происходит, например, на входные данные в информационную систему.

чающихся. Например, О. С. Беляева, говоря о взаимоотношениях между «субъектом и объектом образования», приводит в пример учителей и учащихся, учителей и администрацию, учителей и родителей и т. д. [12, с. 51]. Аналогичной позиции придерживается И. Г. Асадулина, обозначив субъектами тех, кто производит образовательные услуги, и объектами – «потребителей образовательных услуг в образовательной среде» [13, с. 58]. М. А. Иванова же полагает, что «объектом является опыт учащегося как субъекта учебной деятельности» [14, с. 9].

В зависимости от характера и видов правоотношений выделяют следующие объекты: материальные блага, нематериальные личные блага, поведение, действия субъектов, разного рода услуги и их результаты, продукты духовного творчества (результат интеллектуального труда), ценные бумаги, официальные документы [15, с. 369]. Под объектом цифровой трансформации образования в первую очередь понимается информация, необходимая и используемая для организации образовательной деятельности: электронные образовательные и информационные ресурсы. Нематериальные блага, такие как здоровье [9, ст. 41 и 42], безопасность [16 и 17, п. 8 ч. 1 ст. 41, п. 3 ч. 1 ст. 50], свобода [18, ст. 28 и 29], тайна переписки, телефонных переговоров, неприкосновенность частной жизни [18, ст. 23 и 24], являются наиболее важными объектами правоотношений в сфере цифровой трансформации образования.

Понятие «услуги» в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» используется по отношению к платным образовательным услугам [9, п. 4 ч. 2 ст. 29, ч. 4 ст. 32] и государственным и муниципальным услугам, оказываемым в электронной форме [9, ч. 9 ст. 91, ч. 17 ст. 98]. Примерами официальных документов в сфере цифровой трансформации образования являются документы об образовании и (или) о квалификации, документы об обучении [9, ст. 60].

3. Государственная политика и правовое регулирование отношений в сфере цифровой трансформации образования

Государственная политика и правовое регулирование отношений в сфере цифровой трансформации образования основываются на общеправовых принципах, таких как принципы законности, равноправия, а так же на принципах, уточненных под регулирование образовательных отношений и закрепленных в Федеральном законе от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Кроме того, с учетом изменения условий общественных отношений в связи с применением новых технологий, предлагается выделить следующие принципы:

- 1) обеспечение информационной безопасности обучающихся;
- 2) защита электронных образовательных ресурсов и электронных информационных ресурсов;
- 3) обеспечение равных условий получения электронных образовательных ресурсов для всех обучающихся и педагогических работников;
- 4) достоверность и актуальность электронных образовательных ресурсов;
- 5) обеспечение постоянного контроля электронных образовательных технологий, электронных образовательных и информационных ресурсов.

Заключение

Подводя итог, можно сформулировать следующие выводы.

Понятие цифровой трансформации образования, под которым понимается именно процесс перехода от традиционных форм взаимодействия участников образовательных отношений к взаимодействию с использованием цифровых платформ, технологий, ресурсов и сервисов, а не качественное изменение процесса как цель (результат) или преобразование деятельности участников, направленное на трансформацию процесса как задача, интегрирует в себе все уровни образования в целом. При этом оно синтезирует в себе технологическую триаду «компьютеризация – информатизация – цифровизация», отражающую диалектику развития как информационного права в целом, так и ресурсного обеспечения цифровой трансформации образования, в частности.

В процессе цифровой трансформации образования наряду с закрепленными на уровне федерального закона традиционными участниками в связи с внедрением новых прорывных технологий появляются новые участники, вводимые в правовое поле на уровне подзаконных актов.

Процесс цифровой трансформации образования имеет характерные признаки:

1) качественные изменения формы организации образовательной деятельности. При этом изменение формы образовательной деятельности детерминировано применением электронных, цифровых, информационно-коммуникационных технологий, в частности использованием сквозных технологий, цифровых образовательных следов обучающегося, специальных электронных (цифровых) образовательных средств и ресурсов;

2) оперативность и комфортность предоставления и получения электронных/цифровых образовательных материалов, обеспеченная за счет автоматизации всех информационных процессов не только в части процесса получения образования, но и в предоставлении информации о полученном образовании (подтверждение образовательных документов, а так же использование цифровых образовательных следов обучающегося);

3) возможность получения электронных образовательных материалов в разных режимах: онлайн и офлайн, позволяющая в комфортном режиме и в удобное время получать необходимые знания и навыки, более информативно (наглядно, детально) предоставить необходимую образовательную информацию независимо от обстоятельств;

4) качественно новый уровень доступности, понятности, оперативности и удобства получения образования позволяющий реализовать возможность выстраивания индивидуальной образовательной траектории каждого обучающегося, в зависимости от его знаний, умений, навыков, способностей и возможностей (на основе использования цифровых образовательных следов);

5) возможность использования сквозных технологий: дополненной и (или) виртуальной реальностей, цифровых двойников и различных симуляторов, позволяющая приобрести требуемые навыки, натренировать необходимые «правильные» реакции во внештатной ситуации, избежать финансовых и временных затрат (использование электронной модели), восполнить нехватку практических навыков;

б) возможность постоянного мониторинга электронных/цифровых образовательных ресурсов, допущенных к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ различных уровней образования, позволяющего проверить качество образовательных материалов, провести их верификацию¹, в том числе в целях обеспечения информационной безопасности. Электронная/цифровая форма предоставления образовательной информации позволяет осуществить контроль ее качественных характеристик в режиме «реального времени»², что позволяет оперативно реагировать на возможные атаки.

Государственная политика и правовое регулирование отношений в сфере цифровой трансформации образования с учетом изменения условий общественных отношений в связи с применением новых технологий наряду с уже имеющимися должны основываться на следующих принципах:

- 1) обеспечение информационной безопасности обучающихся;
- 2) защита электронных образовательных ресурсов и электронных информационных ресурсов;
- 3) обеспечение равных условий получения электронных образовательных ресурсов для всех обучающихся и педагогических работников;
- 4) достоверность и актуальность электронных образовательных ресурсов;
- 5) обеспечение постоянного контроля электронных образовательных технологий, электронных образовательных и информационных ресурсов.

Пристатейный библиографический список

1. Правовое обеспечение реализации национальных проектов социально-экономического развития России до 2030 года : монография / отв. ред. В. Б. Ястребов. М. : Проспект, 2021.
2. Стратегия цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования // Министерство науки и высшего образования РФ : сайт. URL: <https://minobrnauki.gov.ru> (дата обращения: 15.08.2023).
3. Постановление Правительства РФ от 10 октября 2020 г. № 1646 «О мерах по обеспечению эффективности мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий в деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов управления государственными внебюджетными фондами» // СЗ РФ. 2020. № 42 (ч. 3). Ст. 6612.
4. *Балашова Т. Н.* Проблемы реализации права на образование в условиях информационно-цифровой реальности и развития искусственного интеллекта // Известия вузов. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 4 (60).
5. *Южаков В. Н., Ефремов А. А.* Правовые и организационные барьеры для цифровизации образования в Российской Федерации // Российское право : образование, практика, наука. 2018. № 6 (108).

¹ Их удостоверение, проверка подлинности, соответствия требованиям, стандартам.

² Процесс, который происходит с определенными временными шагами максимальной продолжительности и достаточно быстро, чтобы повлиять на среду, в которой он происходит, например, на входные данные в информационную систему.

6. Ван С. Патриотическое воспитание в общеобразовательных школах Китая в условиях цифровой трансформации образования // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2021. № 3.

7. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

8. Федеральный закон от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» // СЗ РФ. 1995. № 8. Ст. 609 (утратил силу).

9. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

10. Приказ Минпросвещения России от 2 декабря 2019 г. № 649 «Об утверждении Целевой модели цифровой образовательной среды» // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.08.2023).

11. Постановление Правительства РФ от 7 декабря 2020 г. № 2040 «О проведении эксперимента по внедрению цифровой образовательной среды» (вместе с Положением о проведении на территории отдельных субъектов Российской Федерации эксперимента по внедрению цифровой образовательной среды) // СЗ РФ. 2020. № 50 (ч. 5). Ст. 8240.

12. Беляева О. С. Субъект и объект образования: способы взаимодействия в решении образовательных задач // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2011. № 3.

13. Асадулина И. Г. Субъекты отношений производства и потребления образовательных услуг в социально-экономической системе региона // Экономика образования. 2009. № 3-1.

14. Иванова М. А. Понятие «Объект обучения» в субъект-субъектной модели образования // Вестник Костромского государственного университета. Серия : Педагогика. Психология. Социокинетика. 2015. № 4.

15. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. 5-е изд. М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2020.

16. Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

17. Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 48.

18. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. *Iastrebov V. B. (ed.)*. Legal Support for the Implementation of National Projects for the Socio-Economic Development of Russia until 2030: Monograph. Moscow: Prospekt, 2021. (In Russ.)

2. Strategy for Digital Transformation of the Industry of Science and Higher Education. URL: <https://minobrnauki.gov.ru> (date of the application: 15.08.2023). (In Russ.)

3. Decree of the Government of the Russian Federation of 10 October 2020 No. 1646 "On Measures to Ensure the Effectiveness of Measures for the Use of Information and Communication Technologies in the Activities of Federal Executive Authorities and Management Bodies of State Extra-Budgetary Funds". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2020, no. 42 (part 3), art. 6612. (In Russ.)
4. Balashova T. N. Problems of Realizing the Right to Education in the Conditions of Information-Digital Reality and the Development of Artificial Intelligence. *News of Universities. Volga Region. Social Sciences*, 2021, no. 4 (60). (In Russ.)
5. Iuzhakov V. N., Efremov A. A. Legal and Organizational Barriers to the Digitalization of Education in the Russian Federation. *Russian Law: Education, Practice, Science*, 2018, no. 6 (108). (In Russ.)
6. Wang S. Patriotic Education in Secondary Schools in China in the Context of Digital Transformation of Education. *Bulletin of Moscow University. Series 20. Teacher Education*, 2021, no. 3. (In Russ.)
7. Federal Law of 27 July 2006 No. 149-FZ "On Information, Information Technologies and Information Protection". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2006, no. 31 (part 1), art. 3448. (In Russ.)
8. Federal Law of 20 February 1995 No. 24-FZ "On Information, Informatization and Information Protection". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1995, no. 8, art. 609 (repealed). (In Russ.)
9. Federal Law of 29 December 2012 No. 273-FZ "On Education in the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2012, no. 53 (part 1), art. 7598. (In Russ.)
10. Order of the Ministry of Education of Russia of 2 December 2019 No. 649 "On Approval of the Target Model of the Digital Educational Environment". URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of the application: 15.08.2023). (In Russ.)
11. Decree of the Government of the Russian Federation of 7 December 2020 No. 2040 "On Conducting an Experiment on the Implementation of a Digital Educational Environment" (together with the Regulations on Conducting an Experiment on the Implementation of a Digital Educational Environment on the Territory of Individual Constituent Entities of the Russian Federation). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2020, no. 50 (part 5), art. 8240. (In Russ.)
12. Beliaeva O. S. Subject and Object of Education: Methods of Interaction in Solving Educational Problems. *Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*, 2011, No. 3. (In Russ.)
13. Asadulina I. G. Subjects of Relations Between the Production and Consumption of Educational Services in the Socio-Economic System of the Region. *Economics of Education*, 2009, no. 3-1. (In Russ.)
14. Ivanova M. A. The Concept of "Object of Learning" in the Subject-Subject Model of Education. *Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 2015, no. 4. (In Russ.)
15. Matuzov N. I., Malko A. V. Theory of State and Law: Textbook. 5th ed. Moscow: Publishing House "Delo" of RANEPa, 2020. (In Russ.)
16. Decree of the President of the Russian Federation of 5 December 2016 No. 646 "On Approval of the Doctrine of Information Security of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2016, no. 50, art. 7074. (In Russ.)

17. Federal Law of 29 December 2010 No. 436-FZ “On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development”. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2011, no. 1, art. 48. (In Russ.)

18. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12 December 1993 with changes approved during the nationwide vote on 1 July 2020) (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

Сведения об авторе:

Г. С. Рустикова – старший преподаватель.

Information about the author:

G. S. Rustikova – Senior Lecturer.

Статья поступила в редакцию 12.01.2024; одобрена после рецензирования 05.02.2024; принята к публикации 05.02.2024.

The article was submitted to the editorial office 12.01.2024; approved after reviewing 05.02.2024; accepted for publication 05.02.2024.

Научная статья

УДК 347

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-117-124>

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ПРИНЦИПА ДОБРОСОВЕСТНОСТИ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПРИОБРЕТАТЕЛЬНОЙ ДАВНОСТИ

Антон Вячеславович Абросимов

Финансовый университет при Правительстве РФ, 125167, Россия,
г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49/2

abrosimov.aav@yandex.ru

Аннотация

Актуальность работы обусловлена широким применением принципа добросовестности в гражданском праве России, его практическим значением. Цель работы: установление соотношения института приобретательной давности с влияющим на данный институт гражданско-правовым принципом добросовестности. В качестве методов исследования используются: формально-юридический метод, анализ, синтез, обобщение. По итогам исследования делаются выводы о проблемах, возникающих при применении ст. 234 ГК РФ, производится их рассмотрение в контексте принципа добросовестности.

Ключевые слова: гражданско-правовые принципы; добросовестность; приобретательная давность; право собственности; судебная практика; презумпция добросовестности.

Для цитирования: *Абросимов А. В.* Некоторые аспекты применения гражданско-правового принципа добросовестности при определении приобретательной давности // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 1. С. 117–124. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-117-124>

Research Article

SOME ASPECTS OF THE APPLICATION OF THE CIVIL LAW PRINCIPLE OF GOOD FAITH IN DETERMINING THE LIMITATION PERIOD

Anton V. Abrosimov

Financial University under the Government of the Russian Federation, 49/2
Leningradsky Ave., Moscow, 125167, Russia
abrosimov.aav@yandex.ru

Abstract

The relevance of the work is due to the wide application of the good faith principle in Russian civil law, its practical significance. Purpose of the work: to establish the correlation of the institution of acquisitive prescription with the civil law principle of good faith that affects this institution. The methods are used: formal legal method, analysis, synthesis, generalization. Conclusions are drawn about the problems of the application of Article 234 of the Civil Code of the Russian Federation, they are considered in the context of the principle of good faith.

Keywords: civil law proceedings; good faith; acquisitive prescription; ownership; jurisprudence; presumption of good faith.

For citation: *Abrosimov A. V. Some Aspects of the Application of the Civil Law Principle of Good Faith in Determining the Limitation Period. Herald of the Russian Law Academy, 2024, no. 1, pp. 117–124. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-01-117-124>

Введение

Суть гражданско-правового института приобретательной давности отражена в ст. 234 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ). Лицо, осуществляющее владение имуществом на протяжении определенного срока, может быть признано собственником этого имущества. В случае с недвижимым имуществом это срок составляет пятнадцать лет, в то время того как для любого другого имущества срок приобретательной давности составляет пять лет.

Законодатель в п. 1 ст. 234 ГК РФ определяет основные признаки, являющиеся одновременно условиями возникновения приобретательной давности – непрерывность, открытость и добросовестность владения. Стоит отметить, что последние две, в особенности добросовестность, являются оценочными категориями;

добросовестность также является одним из значимых гражданско-правовых принципов. Как указывает Н. И. Беседкина, одной из особенностей оценочных категорий является отсутствие законодательно закрепленного определения. Несмотря на это, подобные оценочные категории могут задавать определенные ориентиры в гражданском обороте [1, с. 100–101].

Добросовестность раскрывается в российском гражданском законодательстве различным образом – как одно из общих начал гражданского законодательства, как понятие, направленное на предотвращение злоупотребления правом, а также как понятие, являющееся составной частью презумпции добросовестности. Представляется, что именно презумпция добросовестности имеет влияние на общественные отношения, возникающие в связи с признанием права собственности давностных владельцев.

1. Презумпция добросовестности по ст. 234 ГК РФ

Какие-либо указания конкретно на презумпцию добросовестности отсутствуют в нормах ГК РФ о приобретательной давности. Тем не менее в соответствии с п. 5 ст. 10 ГК РФ презумпция добросовестности входит в систему принципов гражданского права. Соответственно, презумпция добросовестности участников гражданских правоотношений должна в любом случае быть гарантирована при осуществлении применения права судом. По мнению Ю. В. Виниченко, презумпция добросовестности является одним из демократических механизмов, гарантирующих соблюдение прав граждан при взаимодействии с судебной властью в различных категориях гражданско-правовых споров [2, с. 288–289]. Другой коллектив авторов указывает на необходимость учета презумпции добросовестности при рассмотрении заявлений о признании права собственности и виндикационных исков [3].

Иски о признании права собственности направлены на создание нового права, которого ранее не существовало (а даже если оно, в силу принципов права, существовало, фактически оно не было признано, и это затрудняло распоряжение имуществом). Особенно актуально данное утверждение для отношений, связанных с владением и распоряжением недвижимостью, так как государственная регистрация недвижимого имущества является необходимой процедурой, без которой право собственности на объект недвижимости не будет признаваться публичным порядком и, соответственно, значительной частью других участников гражданских правоотношений.

Так как иск о признании права собственности направлен на признание ранее не признанного права, важным моментом является «доверие» правоприменительного органа по отношению к доводам истца, тем более что законодатель ввел в гражданское право институт приобретательной давности специально для предоставления возможности получить право собственности лицам, не имеющим надлежащего подтверждения своего права. Презумпция добросовестности имеет прямое отношение к рассмотрению подобных судебных дел, ведь изначально предполагается, что давностный владелец, открыто распоряжавшийся имуществом на протяжении определенного срока, обращаясь с иском в судебный орган, действует добросовестно.

Безусловно, добросовестность в контексте давности владения означает в первую очередь наличие неких оснований в отношении признаваемого права собственности. Например, приобретатель мог приобрести недвижимое имущество и не зарегистрировать свое право в надлежащем порядке, или же получить квартиру по наследству через цепочку наследственных передач. В некоторых случаях истец мог заблаговременно не озаботиться регистрацией своего права собственности, в особенности это актуально для сельской местности, различных нежилых помещений и прилегающих к ним земельных участков и пр.

Введение в норму понятия добросовестности является защитой от злоупотребления правом, при котором гражданин мог недобросовестно завладеть имуществом, сокрыть данный факт, а затем обратиться в суд с целью признания собственности. Презумпция добросовестности в данном случае диктует необходимость доверия к заявителю до тех пор, пока подобные факты не установлены. Лишь в том случае, если свидетельства недобросовестности обнаруживаются в ходе рассмотрения судебного дела, суд должен их всесторонне исследовать, и, в случае доказанности недобросовестных намерений лица, отказать ему в удовлетворении исковых требований.

2. Судебная практика

Как отмечают Н. В. Фирсова и Е. Н. Баширина, на практике отношение суда к заявляемым требованиям может несколько различаться в зависимости от того, собственником какого недвижимого имущества предполагает стать заявитель: недвижимости, находившейся ранее в частной собственности или недвижимости, находившейся, в публичной собственности [4, с. 14]. Хотя законодатель никак не выделяет процесс доказывания права собственности по давности владения на имущество, находившееся в государственной и муниципальной собственности, в реальности стандарт доказывания по данным судебным делам может быть несколько выше. Например, от истца может потребоваться предоставить документы, иллюстрирующие всю цепочку переходов права собственности при выбытии объекта недвижимости из публичной собственности. В другой работе Н. В. Фирсова и Н. А. Богомоллова также упоминают эту проблему [5].

Перспектива исков о признании права собственности на недвижимое имущество в отношении собственности, выбывшей из частного владения, в том случае, если дело не осложнено каким-либо неординарными обстоятельствами или заведомой недобросовестностью заявителя, представляется позитивной. В частности, п. 59 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. делает акцент именно на доказывании возникновения соответствующего права заявителем [6]. Соответственно, нет необходимости акцентировать внимание на государственной регистрации недвижимости, в особенности в том случае, если таковая была по каким-то причинам затруднена.

В качестве примера судебной практики по признанию права собственности на недвижимое имущество за добросовестным приобретателем можно указать Решение Шебекинского районного суда Белгородской области от 8 октября 2020 г. по делу № 2-1064/2020. В ходе данного судебного процесса за гражданином С. П. Ми-

хайлюковым признано права собственности на приобретенный им у наследницы, не зарегистрировавшей свое право собственности, жилой дом [7].

В качестве примеров аналогичной практики следует рассматривать решение Ордынского районного суда Новосибирской области от 5 ноября 2020 г. по делу № 2-795/2020 и решение Усть-Кутского городского суда Иркутской области от 29 июля 2020 г. по делу № 2-1014/2019. В первом случае за гражданином – давностным владельцем А. Т. Понамаревым было признано право собственности на склады и металлический ангар [8]. Во втором случае был удовлетворен иск гражданок И. А. Игнатъевой к Г. Т. Курганской о признании права собственности на квартиру на основании норм о приобретательной давности [9].

Стандарт доказывания в судебных делах подобной категории не слишком высок: достаточно убедительных доказательств возникновения права собственности. Если таковые не отвечают никаким разумным требованиям, иск не подлежит удовлетворению. Примером судебной практики, где доказательства возникновения права со стороны истца были крайне неубедительным, является решение Пластского городского суда Челябинской области от 23 ноября 2020 г. по делу № 2-515/2020. Истец М. В. Мальцева осуществила попытку обосновать право собственности на квартиру путем предоставления суду в качестве доказательства приобретения расписки на сумму 5 тыс. руб. Закономерно, что данное доказательство не было принято судом как надлежащее [10].

Таким образом, при установлении права собственности на недвижимое имущество, выбывшее из владения другого частного собственника, на основании норм о приобретательной давности, существует презумпция добросовестности, которая может прекратить свое действие лишь в случае грубого нарушения заявителем правовых норм, либо его явной недобросовестности, доказанной попытки использовать право обращения в суд для отстаивания интересов, не имеющих под собой никаких законных оснований.

Примером практики, в которой имела место попытка признания права собственности в отношении земельного участка, находившегося ранее в публичной собственности, является судебное дело по иску ООО «Омега» о признании права собственности на несколько объектов недвижимости. Суды сослались на отсутствие надлежащего документального подтверждения возникшего у ООО «Омега» права. Справедливости ради стоит сказать, что формально ООО «Омега» действительно не могло претендовать на право собственности, но это было обусловлено тем, что данное общество существовало менее 15 лет – предыдущее ООО «Омега» было упразднено, а вместо него создано одноименное общество с другими регистрационными данными, из-за чего отсчет срока по давности владения шел не с 2005 г., как полагали представители компании; течение этого срока прервалось [11]. Данное судебное дело прошло через различные судебные инстанции, а судебная практика по нему нашла отражение в определении Верховного Суда РФ от 2 апреля 2021 г. по делу № А17-6109/2019, которым выводы суда, отказавшего в иске, были подтверждены [12]. Также в данном Определении утверждается позиция, согласно которой одно лишь предоставление договора купли-продажи недвижимого имущества не является однозначным доказательством возникновения

права собственности в том случае, если право собственности продавца не подтверждено (т.е. приобретательная давность по своему механизму не аналогична добросовестности приобретения).

Заключение

Институт приобретательной давности играет определенную роль в защите прав участников гражданского оборота. Данный гражданско-правовой институт позволяет реализовать право собственности тем лицам, чье право не безупречно и не было зарегистрировано в должном порядке. Безусловно, в условиях динамичного гражданского оборота возникает насущная необходимость в существовании подобных институтов.

В данной статье была проанализирована связь института приобретательной давности с гражданско-правовым принципом добросовестности в целом и гражданско-правовой презумпцией добросовестности в частности, была выборочно исследована доктрина и судебная практика в данной сфере.

Обращают на себя внимание определенные проблемы неравного отношения судом по отношению к давностным владельцам недвижимости, находившейся ранее в частном владении, и недвижимого имущества, находившегося в государственной или муниципальной собственности. С другой стороны, следует учитывать, что частный владелец зачастую прикладывает больше усилий для обеспечения своего права собственности, в то время как государственные или муниципальные органы могут более халатно относиться к выбытию из владения той или иной недвижимости, что, безусловно, должно быть предметом изучения и рассмотрения при анализе общественных отношений, возникающих в связи с приобретением права собственности на такую недвижимость. Не исключено, что Верховному Суду РФ целесообразно произвести дальнейшую детализацию своих разъяснений по данному вопросу.

Несмотря на это, защита прав граждан, имеющих право на признание своей собственности по нормам ст. 234 ГК РФ, в российской судебной системе весьма эффективна. При соблюдении установленных законодателем требований успех при подаче заявления о признании права собственности весьма вероятен. Гражданско-правовой принцип добросовестности при этом имеет функцию предотвращения злоупотребления правом.

Пристатейный библиографический список

1. *Беседкина Н. И.* Разумность, добросовестность и справедливость в системе оценочных категорий частного права // *Образование и право.* 2016. № 2.
2. *Виниченко Ю. В.* О презумпции добросовестности в российском праве // *Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки.* 2018. № 2.
3. *Арнаева Б. В., Борлыкова Т. И., Горяев В. Б., Манджиева А. В., Монтаев А. Б., Шатова К. А.* Добросовестный приобретатель как субъект права в гражданских правоотношениях // *Аграрное и земельное право.* 2019. № 7 (175).
4. *Баширина Е. Н., Фирсова Н. В.* Некоторые практические аспекты приобретения права собственности по давности владения // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук.* 2020. № 10-3.

5. Богомолова Н. А., Фирсова Н. В. Приобретательная давность в контексте реформирования гражданского законодательства // *Colloquium-journal*. 2020. № 10 (62).
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 7.
7. Решение Шебекинского районного суда (Белгородская область) от 8 октября 2020 г. по делу № 2-1064/2020 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 02.12.2023).
8. Решение Усть-Кутского городского суда (Иркутская область) от 29 июля 2020 г. по делу № 2-1014/2019 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 02.12.2023).
9. Решение Ордынского районного суда (Новосибирская область) от 5 ноября 2020 г. по делу № 2-795/2020 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 02.12.2023).
10. Решение Пластского городского суда (Челябинская область) от 23 ноября 2020 г. по делу № 2-515/2020 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 04.12.2023).
11. Решение Арбитражного суда Ивановской области от 5 февраля 2020 г. по делу № А17-6109/2019 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 05.12.2023).
12. Определение Верховного Суда РФ от 2 апреля 2021 г. по делу № А17-6109/2019 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 05.12.2023).

References

1. *Besedkina N. I.* Reasonableness, Conscientiousness and Justice in the System of Private Law Evaluative Categories. *Education and Law*, 2016, no. 2. (In Russ.)
2. *Vinichenko Iu. V.* On the Presumption of Good Faith in Russian Law. *Scientific Notes of Kazan University. Series Humanities*, 2018, no. 2. (In Russ.)
3. *Arnaeva B. V., Borlykova T. I., Gorjaev V. B., Mandzhieva A. V., Montaeв A. B., Shatova K. A.* Conscientious Purchaser as a Subject of Law in Civil Legal Relations. *Agrarian and Land Law*, 2019, no. 7 (175). (In Russ.)
4. *Bashirina E. N., Firsova N. V.* Some Practical Aspects of Acquiring Property Rights by Limitation of Ownership. *International Journal of the Humanities and Natural Sciences*, 2020, no. 10-3. (In Russ.)
5. *Bogomolova N. A., Firsova N. V.* Acquisitive Prescription in the Context of Reforming Civil Legislation. *Colloquium-Journal*, 2020, no. 10 (62). (In Russ.)
6. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 10, Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 22 of 29 April 2010 "On Some Issues Arising in Judicial Practice in Resolving Disputes Related to the Protection of Property Rights and Other Property Rights". *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 2010, no. 7. (In Russ.)

7. Decision of the Shebekinsky District Court (Belgorod Region) of 8 October 2020 in case No. 2-1064/2020. URL: <https://sudact.ru> (date of the application: 02.12.2023). (In Russ.)

8. Decision of the Ust-Kutsk City Court (Irkutsk Region) of 29 July 2020 in case No. 2-1014/2019. URL: <https://sudact.ru> (date of the application: 02.12.2023). (In Russ.)

9. Decision of the Ordynsky District Court (Novosibirsk Region) of 5 November 2020 in case No. 2-795/2020. URL: <https://sudact.ru> (date of the application: 02.12.2023). (In Russ.)

10. Decision of the Plast City Court (Chelyabinsk Region) of 23 November 2020 in case No. 2-515/2020. URL: <https://sudact.ru> (date of the application: 02.12.2023). (In Russ.)

11. Decision of the Arbitration Court of the Ivanovo Region of 5 February 2020 in case No. A17-6109/2019. URL: <https://sudact.ru> (date of the application: 02.12.2023). (In Russ.)

12. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 2 April 2021 in case No. A17-6109/2019. URL: <https://sudact.ru> (date of the application: 02.12.2023). (In Russ.)

Сведения об авторе:

А. В. Абросимов – аспирант.

Information about the author:

A. V. Abrosimov – Graduate Student.

Статья поступила в редакцию 10.01.2023; одобрена после рецензирования 14.11.2023; принята к публикации 05.02.2024.

The article was submitted to the editorial office 10.01.2023; approved after reviewing 14.11.2023; accepted for publication 05.02.2024.

Научная статья

УДК 347.439

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-125-134>

К ВОПРОСУ О ДОГОВОРЕ ЦЕЛЕВОГО ОБУЧЕНИЯ: ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

Сергей Александрович Филиппов¹

Ирина Александровна Толочкова²

^{1,2} Саратовская государственная юридическая академия, 410056,
Россия, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

¹ s.filippov85@icloud.com

² irina_tolochkova@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу отношений, складывающихся между субъектами договора о целевом обучении, а также анализу позиций судов общей юрисдикции. Цель работы – анализ нормативно-правовых актов, условий типового договора о целевом обучении, а также судебных решений и апелляционного определения Саратовского областного суда, изменившего подход по разрешению дел по рассматриваемым отношениям. Научная новизна исследования заключается в том, что подобного рода работ с момента вступления в силу постановления Правительства РФ от 13 октября 2020 г. № 1681 «О целевом обучении по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования» не имеется. При написании статьи использованы общенаучные, частнонаучные методы исследования норм и положений норм гражданского и административного права. Краткие выводы: решение Саратовского областного суда выступает положительным фактом и ориентиром к действию нижестоящих судов, реализующий способ защиты прав граждан исследуемых отношений, позволяющий существенно уменьшать сумму истребуемого штрафа. Однако итог подобных дел не должен ставиться в исключительную зависимость от области судебного усмотрения. Необходим законодательный способ, балансирующий отношения сторон в случае отклонений по исполнению условий целевого договора, имеющий систему фильтров, определяющих и оценивающих добросовестность или недобросовестность действий его сторон, особенно граждан, исключаящий злоупотребление правом более сильной стороны соглашения.

Ключевые слова: договор; целевое обучение; штраф; убытки; суд; неустойка; образование; заказчик; гражданин.

Для цитирования: *Филиппов С. А., Толочкова И. А.* К вопросу о договоре целевого обучения: прикладные аспекты // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 1. С. 125–134. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-125-134>

Research Article

ON THE TARGETED TRAINING AGREEMENT: THE APPLIED ASPECTS

Sergey A. Filippov¹

Irina A. Tolochkova²

^{1,2} Saratov State Law Academy, 1 Volskaia St., Saratov, 410056, Russia

¹ s.filippov85@icloud.com

² irina_tolochkova@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of the relations that develop between the subjects of the agreement on targeted training, as well as to the analysis of the positions of courts of general jurisdiction. The purpose of the work is to analyze legal acts, the terms of a standard agreement on targeted training, as well as court decisions and the appeal ruling of the Saratov Regional Court, which changed the approach to resolving cases in the relations under consideration. The scientific novelty of the research lies in the fact that there has been no work of this kind since the entry into force of the Government of the Russian Federation Decree No. 1681 of 13 October 2020 "On Targeted Training in Educational Programs of Secondary Vocational and Higher Education." When writing the article, general scientific and private scientific methods were used to study the norms and provisions of civil and administrative law. Brief conclusions: the decision of the Saratov Regional Court is a positive fact and a guideline for the actions of lower courts, implementing a method of protecting the rights of citizens of the relations under study, allowing to significantly reduce the amount of the requested fine. However, the outcome of such cases should not be made solely dependent on the area of judicial discretion. A legislative method is needed that balances the relations of the parties in the event of deviations in the fulfillment of the terms of the target agreement, which has a system of filters that determines and evaluates the good faith or dishonesty of the actions of its parties, especially citizens, excluding abuse of the rights of the stronger party to the agreement.

Keywords: contract; targeted training; fine; losses; court; penalty; education; customer; citizen.

For citation: *Filippov S. A., Tolochkova I. A. On the Targeted Training Agreement: The Applied Aspects. Herald of the Russian Law Academy, 2024, no. 1, pp. 125–134. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-125-134>

Введение

Целевое обучение как разновидность формы образовательного процесса активно развивается и набирает популярность в нашей стране. И это не случайно, поскольку оно дает возможность еще до поступления в вуз заключить договор с работодателем, который берет на себя обязательства по как по трудоустройству гражданина, так и оплате денежных выплат в целях стимулирования и поддержки освоения ими соответствующих образовательных программ, таких как стипендия или расходов на транспорт или общежитие. Студент-гражданин, в свою очередь, берет на себя обязательство освоить ту образовательную программу, которая указана в договоре между ним и организацией, а также отработать устанавливаемое в договоре количество времени на конкретного работодателя.

Как было указано в Обзоре законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2002 года, отношения, складывающиеся между гражданами и образовательными учреждениями, по обучению регулируются Законом РФ «Об образовании», Федеральным законом «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» (утратил силу) и гл. 39 ГК РФ «Возмездное оказание услуг» [2].

1. Правовое основание заключения договора целевого обучения

Право гражданина, поступающего на обучение по образовательной программе среднего профессионального или высшего образования либо обучающегося по соответствующей образовательной программе, заключить с заказчиком целевого обучения договор о целевом обучении закреплено в ст. 56 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [1].

В качестве последнего выступают федеральный государственный орган, орган государственной власти субъекта Российской Федерации, орган местного самоуправления, юридическое лицо или индивидуальный предприниматель.

На первый взгляд отношения между субъектами договора законодательством достаточно урегулированы, имеется типовая форма договора о целевом обучении установленная Правительством РФ, им же даются указания и соответствующие разъяснения, однако количество судебных разбирательств, связанных с расторжением таких договоров, с взысканием штрафов, все чаще рассматриваются в судах общей юрисдикции.

В силу п. 6 ст. 56 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ в случае неисполнения гражданином, заключившим договор о целевом обучении, предусмотренных договором о целевом обучении обязательств по освоению образова-

тельной программы и (или) осуществлению трудовой деятельности в течение трех лет он обязан возместить заказчику целевого обучения расходы, связанные с предоставлением мер поддержки.

2. Этико-правовые вопросы взыскания штрафа, аспекты злоупотребления правом

Формулировка законодателя о взятии на себя гражданином обязательства по освоению образовательной программы представляется не совсем удачной.

Возникает логичный вопрос: всегда ли абитуриент, а чаще всего это выпускник школы, в силу своего возраста, а также субъективного восприятия своих способностей, их восприятие его родителями или иными законными представителями, может предположить или объективно оценить навыки взять на себя обязательство по освоению образовательной программы?

Нами неспроста выносятся на обсуждение данный вопрос, поскольку гражданин в случае неисполнения предусмотренных договором о целевом обучении обязательств по обучению и (или) осуществлению трудовой деятельности обязан возместить заказчику в полном объеме расходы, связанные с предоставлением мер поддержки, т.е. уплатить потенциальным истцам штраф.

Взиматься штраф может в случаях, если заказчик не исполнил обязательства по трудоустройству гражданина, гражданин завершил освоение образовательной программы на условиях договора о целевом обучении и полностью или частично не исполнил обязательства по осуществлению трудовой деятельности [3].

Особого внимания заслуживает основание для уплаты штрафа, когда гражданин не исполнил обязательства по осуществлению трудовой деятельности в связи с незавершением освоения образовательной программы на условиях договора о целевом обучении. В таких ситуациях размер штрафа будет взыскан в соответствии с нормативными затратами пропорционально доле, которую составляет период фактического обучения и срока обучения, установленного ФГОС и федеральными требованиями.

Такие штрафы активно взыскивались и продолжают взыскиваться судами, а их размер иногда достигал 300 тыс. руб., находящийся в зависимости от того, через какое количество времени (дней) гражданин-студент, прервал свое обучение, не освоив образовательную программу [4].

В этой связи невооруженным взглядом усматривается возможность для злоупотребления правом, поскольку определение выгодоприобретателя не вызывает сложности, а также неспроста судебной коллегией [5] при оценке размера штрафа, отмечено, что такой штраф будет расходоваться исключительно по усмотрению образовательной организации, не подлежит возврату в бюджет в качестве неизрасходованных денежных средств, выделенных в пределах квоты на бесплатное обучение граждан, а направления расходования (использования) указанных средств определяются получателем штрафа самостоятельно.

Авторы не хотят сказать, что приоритет в защите прав, в рассматриваемых отношениях, должен склонять весы в пользу обучающегося гражданина, однако заказчик, в данных отношениях выглядят более сильной стороной в потенциальных гражданско-правовых конфликтах.

Представляется общеизвестным, что студент может быть отчислен как за непопечение образовательного учреждения в силу банальной лени (не присутствие на занятиях, не явка на экзамены), нарушение правил, предусмотренных регламентами и уставами учреждения, тогда к нему вполне оправдано применимы положения п. 1 ст. 401 ГК РФ. Однако не стоит забывать про абзац второй этого же пункта, определяющий случаи невинности лица, и тогда мы вынуждены возвратиться к тезису как об объективном расчете своих сил при заключении данного договора, так и слабой стороны в рассматриваемых отношениях.

3. Анализ изменений и дополнений нормативно-правовых актов

До 2020 г. имело силу постановление Правительства РФ от 21 марта 2019 г. № 302 «О целевом обучении по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2013 г. № 1076», применяемое в период анализируемых судебных кейсах и которое не содержало тезисов, наличествующих в ныне действующем постановлении от 23 ноября 2022 г. № 2115 (п. 6.1–6.3).

Невыполнение требований по успеваемости ведет к негативным последствиям: расторжение договора или сокращение мер материальной поддержки.

Существенным стоит признать дополнение о том, что заказчик может признать факт о невыполнении стороной договора требований к успеваемости после проведения не менее двух промежуточных аттестаций.

Кроме того, если невыполнение обучающимся требований по освоению программы привела к расторжению договора о целевом обучении, то в этом договоре должно быть указано, что заказчик обязан оказывать содействие обучающемуся для повышения его успеваемости.

К сожалению, таких поправок, дающих отдельную возможность и механизм для защиты прав граждан, находящихся в подобных договорных отношениях, на момент проиллюстрированных и рассмотренных споров не имелось, подобные дела в период действия утратившего силу постановления продолжают поступать в суды общей юрисдикции по всей стране, обратной силы положения нового постановления не имеют.

4. Судебная практика по исследуемой теме

Уместным видится привести следующий пример.

В Кировский районный суд г. Саратова с исковым заявлением обратилось ФГБОУ ВО «Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского», с требованием о взыскании с ответчика штрафа в связи с не усвоением образовательной программы по заключенному договору о целевом обучении [6].

Срок обучения стороны договора исчислялся с 1 сентября 2019 г. по 12 сентября 2021 г., нормативно-финансовые затраты истца составили 262 913 руб. 06 коп. Данный договор с обучающимся гражданином был расторгнут.

Представляя интересы ответчика в данном деле, в судебном заседании было обращено внимание суда на то обстоятельство, что гражданин продолжает обу-

чение в данном учреждении, но уже на коммерческой основе, поскольку возможности восстановиться в рамках данного договора ему не предоставили, что и не оспаривалось истцом в ходе судебного разбирательства.

Кроме того, ответчиком заявлялось исполнительным органам университета, а также указывалось в ходе судебного заседания, что зафиксировано протоколом, что ответчик не отказывается и готов исполнить обязательство по заключению трудового договора на определенный в договоре целевого обучения срок.

Нужно отметить, что приведенные выше гражданские дела разрешались достаточно однобоко и исключительно в пользу образовательного учреждения с взысканием значительных сумм штрафа с граждан. Ожидать реализации дискретных полномочий от судов первой инстанции, к сожалению, не приходится. Однако даже у обывателя не возникает сомнения, что баланс весов, в защите сторон целевого соглашения имеет смещение не в пользу граждан, как с точки зрения возможности реализации договорных отношений, так и с точки зрения возможных административных вариаций развития разного рода событий в разрезе «обучающий и обучаемый».

По имеющийся логике законодателя в некоторых случаях обучающемуся, если он разочаровался в профессии, ошибся с выбором рода деятельности и пр., выгоднее как можно раньше инициировать расторжение договора, чтобы уменьшить штраф, но, если же он повременил, поверив в себя, решив попробовать закончить обучение и не справился, мы получаем известные прецеденты.

Совершенно справедливым видится Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 295-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»», исключивший из закона об образовании в контексте вопросов финансирования понятие «государственная и муниципальная услуга в сфере образования» [7].

Для приведенного выше дела, разрешенного Кировским районным судом г. Саратова, а также только еще рассматриваемых споров, огромным подспорьем выступило упомянутое апелляционное определение Саратовского областного суда 1 июня 2023 г. [5].

Основание исковых требований в данном деле у образовательного учреждения носит тождественный характер. Апеллянт обязался освоить образовательную программу высшего образования «Лечебное дело (специалитет)» и осуществить трудовую деятельность в соответствии с полученной квалификацией на условиях договора. Приказом был отчислен за невыполнение обязанностей по добросовестному освоению образовательной программы и выполнению учебного плана. Его срок обучения составил период с 1 сентября 2019 г. по 14 февраля 2021 г., нормативные финансовые затраты истца за указанный период составили 220 919,23 руб.

В связи с отсутствием правовых оснований, по которым ответчик может быть освобожден от гражданско-правовой ответственности по договору о целевом обучении, истец утверждал, что ответчик, не завершивший обучение и не способный выполнить обязанность по отработке согласованного срока в полученной специальности, обязан возместить истцу штраф в соответствии с Постановлением Правительства РФ.

Судебная коллегия поддержала вывод нижестоящего суда о наличии правовых оснований для взыскания штрафа по данному договору, и здесь, как говорится, не поспоришь: *«dura lex, sed lex»* («закон есть закон»), при этом справедливо снизив сумму штрафа до 50 тыс. руб.

В обоснование законности взыскания штрафа суд ссылается на п. 53, 54, 58 Постановления Правительства РФ № 1681, тезисы которых нами неоднократно приводились.

Суд, мотивируя свое решение, отсылает и к ч. 6 ст. 71.1 Федерального закона № 273-ФЗ, в которой отмечено, что неисполнение сторонами своих обязательств по договору ведет к штрафным санкциям в размере расходов бюджета соответствующего уровня бюджетной системы, который направляется на финансовое обеспечение образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования.

Судебная коллегия, проверила обоснованность заявленной истцом суммы расходов, связанных с обучением.

В соответствии с постановлением Правительства РФ от 26 июня 2015 г. № 640 «О Порядке формирования государственного задания на оказание государственных услуг (выполнение работ) в отношении федеральных государственных учреждений и финансового обеспечения выполнения государственного задания» объем финансового обеспечения выполнения государственного задания рассчитывается на основании нормативных затрат на оказание государственных услуг и исходя из объемов государственных услуг, утвержденных государственным заданием.

В соответствии с установленными базовыми нормативами затрат в процессе оказания государственной услуги по реализации образовательных программ высшего образования, средства, полученные федеральным государственным учреждением на основании соглашения о предоставлении субсидии расходуются по многим направлениям, например затраты на оплату труда сотрудником образовательного учреждения, страховые взносы в пенсионный фонд и прочие фонды, другие обязательные взносы, расходы на приобретение материальных запасов и оборудования и т.д.

Финансовое обеспечение выполнения государственного задания федеральным бюджетным или автономным учреждением реализуется путем предоставления такому учреждению субсидии в соответствии с Соглашениями о предоставлении субсидии из федерального бюджета на финансовое обеспечение выполнения государственного задания на оказание государственных услуг (выполнение работ): в 2019 г. – 344 066 200 руб., в 2020 г. – 431 722 361,17 руб., в 2021 г. – 503 202 600 руб. Путем глубокого расчета общий расчет штрафа составил указанные 220 919,23 руб.

Коллегия обратила внимание, что годовое финансирование на одного обучающегося по программам подготовки высшего образования, включая программы специалитета, в рамках квоты на целевое обучение определяется Министерством здравоохранения РФ в соответствии с утвержденным количеством мест для приема на целевое обучение по специальностям и направлениям за счет федеральных бюджетных средств. Кроме того, личная информация о конкретных студентах, принятых на целевое обучение, обезличена на момент утверждения контрольных цифр приема.

С учетом этого, судом установлено, что на обучение апеллянта по договору о целевом обучении по образовательной программе высшего образования при пос-

туплении на обучение в пределах установленной квоты приема на целевое обучение ежегодно осуществлялось финансирование из федерального бюджета.

Исследовав приведенные правовые нормы, порядок расчета заявленной истцом к взысканию денежной суммы, судебная коллегия совершенно обоснованно приходит к выводу, что заявленный штраф (расходы, связанные с обучением) является мерой гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств по трудоустройству в связи с не завершением освоения образовательной программы в соответствии с условиями договора о целевом обучении.

Обосновывая снижение суммы заявленного штрафа, суд ссылается на определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2000 г. № 263-О. При чрезмерности неустойки, не коррелирующей с последствиями нарушенного обязательства, ее уменьшение является правовым способом, предусмотренным законом, направленным против злоупотребления правом свободного определения размера неустойки, т.е., по существу, на реализацию требования ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, согласно которой осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц.

Высокий суд подчеркнул, что в п. 1 ст. 333 ГК РФ речь идет не о праве суда, а, по существу, о его обязанности установить баланс между применяемой к нарушителю мерой ответственности и оценкой действительного (а не возможного) размера ущерба, причиненного в результате конкретного правонарушения.

Верховный Суд РФ также пояснял правила уменьшения неустойки в судебном порядке [8, п. 69].

При этом судебная коллегия учла материальное и семейное положение ответчика, являющегося студентом очной формы обучения, не работающего и находящегося на иждивении своей матери, а также то обстоятельство, что взысканный штраф будет расходоваться исключительно по усмотрению образовательной организации, не подлежит возврату в бюджет в качестве неизрасходованных денежных средств, выделенных в пределах квоты на бесплатное обучение граждан.

Заключение

Таким образом, полагаем, что представленное решение областного суда выступает положительным фактом и ориентиром к действию нижестоящих судов, реализующим некий способ защиты прав граждан исследуемых отношений, позволяющий существенно уменьшать сумму истребуемого штрафа. Однако все же считаем, что итог подобных дел не должен ставиться в исключительную зависимость от области судебного усмотрения. Не остается сомнения, что необходим законодательный способ, балансирующий отношения сторон в случае отклонений по исполнению условий целевого договора, имеющий систему фильтров, определяющих и оценивающих добросовестность или недобросовестность действий его сторон, особенно граждан, исключающий злоупотребление правом более сильной стороны соглашения.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Российская газета. 2012. 31 дек. № 303.

2. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за I квартал 2002 года (по гражданским делам) (утв. постановлением Президиума Верховного Суда РФ 10 июля 2002 г.) // СПС «Гарант».

3. Постановление Правительства РФ от 13 октября 2020 г. № 1681 «О целевом обучении по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования» (вместе с «Положением о целевом обучении по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования», «Правилами установления квоты приема на целевое обучение по образовательным программам высшего образования за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета») (п. 58) // СПС «Гарант».

4. Решение Уваровского районного суда Тамбовской области от 12 декабря 2022 г. по гражданскому делу № 2-804/2022; решение Ленинского районного суда г. Тамбова от 31 октября 2022 г. по гражданскому делу № 2-2028/2022; решение Мичуринского районного суда Тамбовской области от 8 ноября 2022 г. по делу № 2-632/2022; решение Котовского городского суда Тамбовской области от 16 ноября 2022 г. по гражданскому делу № 2-505/2022; решение Октябрьского районного суда г. Саратова от 2 ноября 2022 г. по делу № 2-3183/2022; решение Заводского районного суда г. Саратова от 26 октября 2022 г. по делу № 2-3374/2022; решение Фрунзенского районного суда г. Саратова от 20 марта 2023 г. по гражданскому делу № 2-295/2023; решение Бугульминского городского суда Республики Татарстан от 19 мая 2023 г. по гражданскому делу № 2-640/2023; решение Останкинского районного суда г. Москвы по гражданскому делу № 02-1216/2023 // ГАС «Правосудие»: сайт. URL: <https://ej.sudrf.ru/> (дата обращения: 03.01.2023).

5. Апелляционное определение Саратовского областного суда от 1 июня 2023 г. по делу № 33-4273/2023 (№ 2-3290/2022) 64RS0004-01-2022-004689-30 // ГАС «Правосудие»: сайт. URL: <https://ej.sudrf.ru/> (дата обращения: 03.01.2023).

6. Решение Кировского районного суда г. Саратова от 27 ноября 2023 г. по делу № 2-084/2023, 64RS0045-01-2023-006438-95 // ГАС «Правосудие»: сайт. URL: <https://ej.sudrf.ru/> (дата обращения: 03.01.2023).

7. Понятие «образовательная услуга» исключено из российского законодательства // Минпросвещения России: сайт. URL: <https://edu.gov.ru/press/5483/popyatie-obrazovatel'naya-usluga-isklyucheno-iz-rossiyskogo-zakonodatelstva/> (дата обращения: 03.01.2023).

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // СПС «Гарант».

References

1. Federal Law of 29 December 2012 No. 273-FZ "On Education in the Russian Federation". *Rossiiskaia Gazeta*, 31 December 2012, no. 303. (In Russ.)

2. Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation on the 1st Quarter of 2002 (in Civil Cases) (approved by the Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 10 July 2002) (SPS "Garant"). (In Russ.)

3. Resolution of the Government of the Russian Federation of 13 October 2020 No. 1681 "On Targeted Training in Educational Programs of Secondary Vocational and Higher Education" (together with the "Regulations on Targeted Training under Educational Programmes of Secondary Vocational and Higher Education," "Rules for Establishing a Quota for Admission to Targeted Training under Educational Programmes of Higher Education at the Expense of Budgetary Allocations of the Federal Budget") (cl. 41.58) (SPS "Garant"). (In Russ.)

4. Decision of the Uvarovsky District Court of the Tambov Region of 12 December 2022 in civil case No. 2-804/2022; Decision of the Leninsky District Court of Tambov of 31 October 2022 in civil case No. 2-2028/2022; Decision of the Michurinsky District Court of the Tambov Region of 8 November 2022 in case No. 2-632/2022; Decision of the Kotovsky City Court of the Tambov Region of 16 November 2022 in civil case No. 2-505/2022; Decision of the Oktyabrsky District Court of Saratov of 2 November 2022 in case No. 2-3183/2022; Decision of the Zavodsky District Court of Saratov of 26 October 2022 in case No. 2-3374/2022; Decision of the Frunzensky District Court of Saratov of 20 March 2023 in civil case No. 2-295/2023; Decision of the Bugulma City Court of the Republic of Tatarstan of 19 May 2023 in civil case No. 2-640/2023; Decision of the Ostantkino District Court of Moscow in Civil Case No. 02-1216/2023. URL: <https://ej.sudrf.ru/> (date of the application: 03.01.2023). (In Russ.)

5. Appeal Ruling of the Saratov Regional Court of 1 June 2023 in case No. 33-4273/2023 (No. 2-3290/2022) 64RS0004-01-2022-004689-30. URL: <https://ej.sudrf.ru/> (date of the application: 03.01.2023). (In Russ.)

6. Decision of the Kirovsky District Court of Saratov of 27 November 2023 in case No. 2-084/2023, 64RS0045-01-2023-006438-95. URL: <https://ej.sudrf.ru/> (date of the application: 03.01.2023). (In Russ.)

7. The Concept of "Educational Service" Is Excluded from Russian Legislation. URL: <https://edu.gov.ru/press/5483/ponyatie-obrazovatel'naya-uslugaisklyucheno-iz-rossiyskogo-zakonodatelstva/> (date of the application: 03.01.2023). (In Russ.)

8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 24 March 2016 No. 7 "On the Application by Courts of Some Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Liability for Violation of Obligations" (para. 69) (SPS "Garant"). (In Russ.)

Сведения об авторах:

С. А. Филиппов – кандидат юридических наук, доцент.

И. А. Толочкова – старший преподаватель.

Information about the authors:

S. A. Filippov – PhD in Law, Associate Professor.

I. A. Tolochkova – Senior Lecturer.

Статья поступила в редакцию 09.01.2024; одобрена после рецензирования 16.02.2024; принята к публикации 16.02.2024.

The article was submitted to the editorial office 09.01.2024; approved after reviewing 16.02.2024; accepted for publication 16.02.2024.

Научная статья

УДК 343.3/7

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-135-142>

КРАТКИЙ АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР СОСТОЯНИЯ КРИМИНАЛЬНОЙ СФЕРЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Наталья Викторовна Акимова

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

a.n.w@mail.ru

Аннотация

В статье представлен аналитический обзор состояния криминальной сферы современного российского общества за период 2012–2022 гг. Автор обращает внимание на несоответствие выводов, содержащихся в официальных источниках, реальной ситуации в стране, подтверждая свои умозаключения данными официальной статистики и результатами исследований других авторов. Высказывается точка зрения, согласно которой недостоверные, крайне оптимистические прогнозы самым негативным образом влияют на эффективность разрабатываемых мер по стабилизации сложившейся криминогенной обстановки. Методологическую базу исследования составляет системный подход, а также диалектический, исторический, логический, конкретно-социологический, статистический и сравнительно-правовой методы познания. Целью настоящего исследования является характеристика криминальной сферы современного российского общества на основе данных официальной статистики и аналитических материалов правоохранительных органов. Выводы и умозаключения, к которым пришел автор в результате мониторинга статистических данных в виде фактических и аналитических материалов за период 2012–2022 гг., проведенных экспертных опросов, анкетирования, бесед, а также архивных материалов правоохранительных органов (официальные статистические сборники, доклады, справочники, обзоры и данные органов МВД России) позволяют утверждать, что информативная картина состояния криминальной сферы страны, представленная официальной статистикой, не вполне соответствует действительности, что с неизбежностью влечет за собой необоснованные про-

гнозы в сфере планирования и прогнозирования мер по стабилизации сложившейся криминогенной обстановки, выступая в качестве немаловажного фактора, препятствующего осуществлению эффективной уголовной политики. Материалы статьи могут быть использованы при осуществлении деятельности по прогнозированию состояния криминальной сферы современного российского общества, связанных с ней явлений и факторов, выявлении основных тенденций их развития, а также планировании мер по повышению эффективности государственного противодействия в отношении рассматриваемого феномена.

Ключевые слова: статистика; аналитические материалы; криминальная сфера; преступность; достоверность.

Для цитирования: *Акимова Н. В.* Краткий аналитический обзор состояния криминальной сферы современного российского общества // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 1. С. 135–142. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-01-135-142>

Research Article

A SHORT ANALYTICAL REVIEW OF THE CONDITION OF THE CRIMINAL SPHERE OF THE MODERN RUSSIAN SOCIETY

Natalia V. Akimova

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St.,
Moscow, 117638, Russia
a.n.w@ mail.ru

Abstract

The state-of-the-art review of a condition of the criminal sphere of modern Russian society during 2012–2022 is presented in article. The author pays attention to discrepancy of the conclusions which are contained in official sources, a real situation in the country, confirming the conclusions with data of official statistics and results of researches of other authors. The point of view according to which doubtful, extremely optimistic forecasts negatively affect efficiency of the developed measures for stabilization of the developed criminogenic situation expresses. The methodological base of the research consists of the systemic approach, and also dialectic, historical, logical, specifically sociological, statistical and comparative and legal methods of cognition. The purpose of this research is the characteristic of features of modern criminal policy of a number of foreign countries in the context of expediency of reception of its basic provisions. The purpose of the real research is characteristic of the criminal sphere of modern Russian society on

the basis of the given official statistics and analytical materials of law enforcement agencies. Conclusions and conclusions to which the author as a result of monitoring of statistical data in the form of the actual and analytical materials during 2012–2022 came of the conducted expert surveys, questioning, conversations and also archive materials of law enforcement agencies (official statistical collections, reports, reference books, reviews and data of bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation) allow to claim that the informative picture of a condition of the criminal sphere of the country presented by official statistics not quite is true that with inevitability involves unreasonable forecasts in the sphere of planning and forecasting of measures for stabilization of the developed criminogenic situation, acting as the important factor interfering implementation of effective criminal policy. Materials of article can be used at implementation of activities for forecasting of a condition of the criminal sphere of modern Russian society, the related phenomena and factors, identification of top trends of their development and also planning of measures for increase in efficiency of the state counteraction concerning the considered phenomenon.

Keywords: statistics; analytical materials; criminal sphere; crime; reliability.

For citation: *Akimova N. V. A Short Analytical Review of the Condition of the Criminal Sphere of the Modern Russian Society. Herald of the Russian Law Academy, 2024, no. 1, pp. 135–142. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-135-142>*

Введение

На современном этапе развития нашего общества криминальная сфера является весьма значимой его составляющей и состояние ее, к сожалению, не является статичным, что обуславливает необходимость не только постоянного мониторинга текущих изменений в ее структуре и динамике, но и критического осмысления статистической картины данного явления, достоверность которой нередко вызывает обоснованные сомнения. Если обратиться к материалам официальной отчетности правоохранительных органов о состоянии преступности, которая, как известно, является ядром криминальной сферы, то расхождение их с действительностью нередко настолько очевидно, что основанные на них выводы и обобщения не выдерживают никакой критики и, безусловно, не способствуют выработке эффективных мер по стабилизации сложившейся криминогенной обстановки в стране.

1. Анализ официальной статистики состояния преступности в стране за период 2012–2022 гг.

Проведенный нами анализ статистических данных состояния преступности в стране за период 2012–2022 гг. позволил констатировать, что реальность, к сожалению, действительно выглядит не столь благостно, как она нередко позиционируется.

Для начала обратимся к сравнительной характеристике состояния криминальной ситуации в субъектах РФ за последние десять лет.

Анализ темпов прироста числа зарегистрированных преступлений показал, что устойчивого снижения уровня преступности не наблюдается ни в одном ре-

гионе страны, показатели каждого из них относительно стабильны максимум два года. Более того, полученные данные заставляют задуматься о достоверности показателей в целом, поскольку как минимум странно выглядит информация, согласно которой большинство субъектов, демонстрирующих наилучшие показатели противодействия преступности, уже в следующем году находятся в первых рядах среди отстающих.

В этой связи весьма показательны состояние дел, например, в Чеченской республике, где в 2015 г. отмечалось снижение числа зарегистрированных преступлений на 2,1%, и она занимала четвертую строчку в рейтинге субъектов с наименьшим числом зарегистрированных преступлений. В 2016 г. их количество увеличилось на 8,7% и она оказалась на втором месте среди субъектов с наибольшим числом зарегистрированных преступлений. 2018 г. – снижение на 15,8% и вновь четвертая строчка среди лидеров, а в 2019 г. – прирост 13,5% и заслуженное третье место среди отстающих. 2020 г. – опять снижение числа зарегистрированных преступлений на 16,9% и почетное третье место за успешную борьбу с преступностью. И такое положение вещей в большей или меньшей степени характерно для большинства регионов страны [1, с. 6].

Республика Адыгея:

2015 г. – прирост 22,6%;

2017 г. – снижение 13,5%;

2019 г. – прирост 14,7%;

2020 г. – снижение 12,4%.

Республика Алтай:

2015 г. – прирост 22,3%;

2019 г. – снижение 7,3%;

2020 г. – прирост 11,6%.

Магаданская область:

2013 г. – прирост 7,9%;

2014 г. – снижение 11,7%;

2018 г. – прирост 6,5%;

2020 г. – снижение 8,2%.

Калужская область:

2017 г. – прирост 8,9%;

2019 г. – снижение 7,9%;

2020 г. – прирост 10,3%.

Наряду с весьма популярными рассуждениями о поступательном снижении уровня преступности в стране в целом, целесообразно отметить, что в то же время, ряд показателей говорит о неблагоприятных изменениях ее характера. В частности, увеличивается доля преступлений с высокой степенью общественной опасности. Так, в 2012 г. с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище было зарегистрировано 7,2% разбойных нападений, в 2019 г. – 11,4%, в 2020 г. – 12,5%.

Наблюдается тенденция увеличения удельного веса тяжких и особо тяжких преступлений: 2019 г. – 24,4%; 2020 г. – 27,6%; 2021 г. – 27,9%. В 2022 г. имело мес-

то снижение количества данных деяний на 0,6%, и оно составило 27,3%, однако был зафиксирован их рост в общественных местах на 4,7%. При этом количество убийств и покушений на убийство увеличилось на 10,9%, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – на 2,2%.

Аналогичная ситуация складывается и относительно ряда иных показателей. Так, например, среди преступников постоянно увеличивается удельный вес ранее судимых лиц: 2017 г. – 28,3%, 2022 г. – уже 30,8%.

Растет количество тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных организованными группами или преступными сообществами: в 2016 г. их было зарегистрировано 12,1 тыс.; в 2019 г. – 15,6 тыс.; в 2020 г. – 17,0 тыс.; в 2021 г. – 21,4 тыс., в 2023 г. – 26,0 тыс., а их удельный вес в общем числе расследованных преступлений этих категорий вырос с 5,0% в 2016 г. до 10,5% в 2022 г. [5].

Нельзя не отметить и увеличение количества преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Так, в 2019 г. их было зарегистрировано почти на 70% больше, чем в 2018 г. и составило 294,4 тыс.; в 2020 г. их количество возросло на 73,4% (510,4 тыс.), достигнув в 2022 г. 522,1 тыс. преступлений, что привело к увеличению их удельного веса в общем числе зарегистрированных преступлений с 14,5% в 2019 г. до 26,5% в 2022 г. При этом немаловажно, что больше половины таких преступных деяний (52,1 %) относятся к категориям тяжких и особо тяжких.

На сегодняшний день также наблюдается неблагоприятная динамика относительно преступлений террористического характера и экстремистской направленности: по итогам 2022 года их количество увеличилось на 4,5% и 48,2% соответственно, составив 2233 преступления террористического характера и 1566 преступлений экстремистской направленности [6].

В январе 2023 г. на 49% возросло количество преступлений, совершаемых с использованием оружия и взрывчатки по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. В частности, в г. Москве, например, прирост составил 533%. В пятерку лидеров вошли также Белгородская, Брянская, Курская области и Бурятия [4].

Важной составляющей объективной характеристики криминальной сферы современного российского общества является констатация высочайшего уровня коррупции, распространившейся практически на все общественные отношения и демонстрирующей устойчивую тенденцию к росту, что подтверждается данными официальной статистики и указывает на отсутствие позитивных системных изменений в сфере государственного противодействия данному негативному явлению. Так, в 2018 г. было выявлено 30 495 преступлений коррупционной направленности, а в 2022 г. этот показатель составил уже более 35 340 учетных единиц.

2. Анализ проведенных опросов и интервьюирования населения, сотрудников органов внутренних дел, научных сотрудников и профессорско-преподавательского состава юридических вузов

На сегодняшний день коррупция затронула практически все аспекты жизнедеятельности российского общества, включая общественные отношения, связанные с госуправлением, бизнесом, деятельностью правоохранительных органов,

воинской обязанностью, образованием, здравоохранением и многими другими. Это подтверждается и результатами проведенного нами анкетирования населения, где так считают 88% опрошенных.

Весьма примечательно, что, будучи уголовно наказуемым, это явление стало носить достаточно открытый характер, легально афишируясь в средствах массовой информации, где без особых усилий можно получить сведения о предоставлении соответствующих услуг, тарифах и контактных данных.

К сожалению, приходится констатировать, что на сегодняшний день достаточно большой процент населения демонстрирует вполне лояльное отношение к асоциальному, в том числе и уголовно наказуемому поведению, как к вполне приемлемому способу достижения личного блага, воспринимая его в качестве варианта нормы.

Почти половина (47%) респондентов полагают, что взяточничество является неотъемлемой составляющей жизнедеятельности современного человека, и относятся к этому вполне лояльно, а 34% опрошенных относятся к коррупции в целом положительно, считая, что вполне реально рассматривать дачу взятки как инструмент для облегчения и ускорения разрешения проблемных вопросов и готовы использовать такую возможность.

71% опрошенных не считает взяткой получение чиновником «процента» за содействие какой-либо организации, осуществляющей коммерческую деятельность.

О распространении этого явления свидетельствует и тот факт, что на вопрос: «Приходилось ли Вам, членам Вашей семьи, другим родственникам и знакомым решать проблемные вопросы с помощью дачи взятки?» – положительно ответили около 40% опрашиваемых. Схожие результаты представлены и другими исследователями.

Исходя из этого, не удивительно, что по данным Международного антикоррупционного движения *Transparency International* в 2022 г. Индекс восприятия коррупции в России составил 28 баллов из 100 (137-е место из 180), что характеризует очень высокий уровень [5].

Достаточно тревожными показались нам итоги опроса населения относительно отношения к уголовно-правовым запретам. 14% опрошенных сочли допустимым решение различных жизненных проблем противоправным и криминальным путем наряду с законными способами, еще 23% готовы нарушить закон в исключительных случаях, 21% считает приемлемым самосуд. При этом оказалось, что 10% респондентов с большей вероятностью, проигнорирует (нарушит) правовой запрет, когда уверены в безнаказанности; 15% – когда уверены в бездействии (либо незаконных действиях) государственных (в том числе правоохранительных) органов, обязанных реагировать тем или иным образом на сложившуюся ситуацию; 12% – в зависимости от сложившейся ситуации; 21% – если сочтут запрет несправедливым. И только 14% ответили, что никогда не прибегнут к противозаконному способу решения каких-либо проблем.

Для полноты картины представляется целесообразным также привести некоторые результаты опроса сотрудников органов внутренних дел, научных сотрудников и профессорско-преподавательского состава юридических вузов. Так, на вопрос:

«Считаете ли Вы, что отечественная криминальная статистика показывает действительную картину, масштабы и характер преступности?» только 9% респондентов ответили положительно (89% – отрицательно, 3% затруднились ответить).

81% не согласились с утверждением, что на протяжении последних нескольких лет в России произошла стабилизация криминальной ситуации, а 72% опрошенных придерживаются мнения, что фиксируемое официальной статистикой снижение преступности в стране за последнее десятилетие обусловлено статистическим манипулированием с целью продемонстрировать благополучную картину состояния дел в порученной сфере. При этом, 85% считают, что обозначенная положительная динамика ни в коей мере не обусловлена реализацией эффективной, грамотной, четко сформулированной уголовной политики, наоборот, 78% респондентов полагают, что кризисное состояние в сфере правопорядка обусловлено как раз отсутствием таковой.

Весьма примечательно, что, несмотря на прослеживающуюся последние 5–10 лет положительную тенденцию увеличения количества регистрируемых сообщений о совершенных преступлениях (так считают 81% сотрудников ОВД), 77% опрошенных отмечают одновременное увеличение количества отказных материалов по зарегистрированным сообщениям о совершенных преступных деяниях.

Состояние латентности в стране оценивается большинством интервьюируемых (68%) как беспрецедентно высокое, еще 21% считают ее уровень достаточно высоким [2, с. 425–427].

Заключение

Исходя из вышеизложенного, а также опираясь на труды ряда исследователей, обоснованно считающих, что фактическая преступность, с учетом всевозрастающей латентности, в несколько раз превышает зарегистрированную и имеет устойчивую тенденцию к росту [3; 7], полагаем, что говорить о стабилизации криминальной ситуации в стране несколько преждевременно.

Таким образом, проведенная нами аналитическая работа показала, что информативная картина состояния сформировавшейся криминальной сферы российского общества, представленная статистическими данными официальной отчетности, не вполне соответствует действительности, что с неизбежностью влечет за собой необоснованные прогнозы и существенно снижает эффективность мер по противодействию данному негативному явлению.

Пристатейный библиографический список

1. *Акимова Н. В.* Криминальная сфера российского общества : эволюция и идейные основы государственного противодействия : монография. М. : Проспект, 2021.
2. *Акимова Н. В.* Криминальная сфера российского общества : эволюция и идейные основы государственного противодействия : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2022.
3. *Бавсун М. В.* Уголовно-правовое воздействие : идеология, цели и средства реализации : дис. ... докт. юрид. наук. Омск, 2013.
4. В России выросло количество преступлений с оружием и взрывчаткой // Lenta.ru : сайт. URL: <https://lenta.ru/news/2023/03/04/oruzhie/> (дата обращения: 19.03.2023).

5. Индекс восприятия коррупции за 2022 г. // Transparency International : сайт. URL: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vozpriyatiya-korrupcii/rossiya-v-indekse-vozpriyatiya-korrupczii-2022-28-ballov-i-137-e-mesto> (дата обращения: 19.03.2023).

6. Статистика и аналитика. Состояние преступности // ФКУ ГИАЦ МВД России : сайт. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677/> (дата обращения: 19.03.2023).

7. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности : монография / под ред. С. М. Иншакова. М. : ЮНИТИ-ДАНА ; Закон и право, 2011.

References

1. *Akimova N. V. Criminal Sphere of the Russian Society: Evolution and Ideological Bases of the State Counteraction: Monograph. Moscow: Prospekt, 2021. (In Russ.)*

2. *Akimova N. V. Criminal Sphere of the Russian Society: Evolution and Ideological Bases of the State Counteraction: PhD Thesis. Moscow, 2022. (In Russ.)*

3. *Bavsun M. V. Criminal Influence: Ideology, Purposes and Implementers: PhD Thesis. Omsk, 2013. (In Russ.)*

4. In Russia the Number of Crimes with Weapon and Explosive Grew. URL: <https://lenta.ru/news/2023/03/04/oruzhie/> (date of the application: 19.03.2023). (In Russ.)

5. The Index of Perception of Corruption for 2022. URL: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vozpriyatiya-korrupcii/rossiya-v-indekse-vozpriyatiya-korrupczii-2022-28-ballov-i-137-e-mesto> (date of the application: 19.03.2023). (In Russ.)

6. Statistics and Analytics. Condition of Crime. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677/> (date of the application: 19.03.2023). (In Russ.)

7. *Inshakov S. M. (ed.). Theoretical Bases of a Research and Analysis of Latent Crime. Monograph. Moscow: Uniti-Dana; Zakon i pravo, 2011. (In Russ.)*

Сведения об авторе:

Н. В. Акимова – доктор юридических наук, доцент, профессор.

Information about the author:

N. V. Akimova – Doctor of Law, Associate Professor, Professor.

Статья поступила в редакцию 04.07.2023; одобрена после рецензирования 15.08.2023; принята к публикации 05.02.2024.

The article was submitted to the editorial office 04.07.2023; approved after reviewing 15.08.2023; accepted for publication 05.02.2024.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-143-156>

СТАДИЯ СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ: К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ НАДЛЕЖАЩЕЙ ПОДГОТОВКИ И ИНИЦИАТИВНОГО УЧАСТИЯ

Татьяна Викторовна Воротилина^{1,2}

Елена Анатольевна Иванченко³

Ирина Сергеевна Шульженко⁴

¹ Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, 117997, Россия, г. Москва, Стремянный переулок, д. 36

² Российский технологический университет – МИРЭА, 119454, Россия, Москва, пр-т Вернадского, д. 78

³ Юридический институт Северо-Кавказского федерального университета, 355017, Россия, г. Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1

⁴ Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

^{1,2} vorotilina@mail.ru

³ kvi-elena@yandex.ru

⁴ irina_shulzhenko@bk.ru

Аннотация

Вопросы относительно позиции государственного обвинителя, его профессионализма, обоснованность и справедливость рассмотрения судом уголовного дела актуально, так как не имеет должного регулирования. Цель – в разрешении вопроса, фиксирования «слабых» мест в доказательственной базе. Поставленные вопросы исследуются при помощи приемов формальной логики. Анализируются различные аспекты владения государственным обвинителем тактическими приемами проведения допроса и иных судебных действий, которые разнятся в зависимости от того, в отношении кого судебное действие проводится. Авторы приходят к выводу, что подготовка к участию в судебном следствии должна осуществляться не

по типовой, а по индивидуальной методике, в зависимости от обстоятельств каждого конкретного дела.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; судебный процесс; стадия судебного следствия; прокурор; государственный обвинитель; обвинение; доказательство.

Для цитирования: Воротилина Т. В., Иванченко Е. А., Шульженко И. С. Стадия судебного следствия для государственного обвинителя: к вопросу о значении надлежащей подготовки и инициативного участия // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 1. С. 143–156. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-143-156>

Research Article

THE STAGE OF JUDICIAL INVESTIGATION FOR THE PUBLIC PROSECUTOR: ON THE IMPORTANCE OF PROPER PREPARATION AND PROACTIVE PARTICIPATION

Tatiana V. Vorotilina^{1,2}

Elena A. Ivanchenko³

Irina S. Shulzhenko⁴

¹ Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremiannyi Lane, Moscow, 117997, Russia

² Russian University of Technology – MIREA, 78 Vernadskii Ave., Moscow, 119454, Russia

³ Legal Institute of North Caucasus Federal University, 1 Pushkin St., Stavropol, 355017, Russia

⁴ All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia

^{1,2} vorotilina@mail.ru

³ kvi-elena@yandex.ru

⁴ irina_shulzhenko@bk.ru

Abstract

Questions regarding the position of the public prosecutor, his professionalism, the validity and fairness of the court's consideration of a criminal case are relevant, since

they do not have proper regulation. The goal is to resolve the issue and identify “weak” points in the evidence base. The questions posed are investigated using the techniques of formal logic. Various aspects of the state prosecutor’s mastery of tactical techniques for interrogation and other judicial actions are analyzed, which vary depending on the person against whom the judicial action is being carried out. The authors conclude that preparation for participation in the judicial investigation should be carried out not according to a standard, but according to an individual methodology, depending on the circumstances of each particular case.

Keywords: criminal proceedings; trial; stage of judicial investigation; prosecutor; public prosecutor; accusation; evidence.

For citation: Vorotilina T. V., Ivanchenko E. A., Shulzhenko I. S. The Stage of Judicial Investigation for the Public Prosecutor: On the Importance of Proper Preparation and Proactive Participation. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 1, pp. 143–156. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-143-156>

Введение

Подготовка прокурора к участию в судебном следствии обычно оканчивается составлением прогноза о действиях защиты на данном этапе судебного процесса, исходя из знания о типичных недостатках предварительного расследования, встречающихся в надзорной и судебной практике [1]. Так, анализ практики позволил нам составить следующий перечень выявляемых недостатков: некачественное производство осмотра предметов и вещей, находящихся при задержанном; неустановление надлежащим образом факта, указывающего на то, что подсудимый является собственником предметов, у него обнаруженных; наличие проблем, связанных с использованием института понятых: отказ данных процессуальных участников подтвердить сведения, фигурирующие в протоколах следственных действий; невозможность привлечь понятых к участию в судебном заседании из-за невозможности установить их место пребывания и т.д.; общая «слабость» доказательственной базы, выражающаяся в ограниченности круга представленных доказательств обвинениями; отсутствие предмета преступления, например, в случаях, когда изъятое вещество было все истрачено при производстве судебной экспертизы; отсутствуют ссылки на положения нормативных актов, должностных и иных обязанностей, нарушение которых вменяется подсудимому, и прочие недостатки.

Фиксирование «слабых» мест в доказательственной базе и прогнозирование ситуаций, которые в связи с этим могут возникнуть в судебном следствии, позволяет государственному обвинителю выработать варианты поведения в следствии, которыми можно компенсировать относительные недостатки предварительного расследования. Этому же способствует анализ информации о той позиции, которую подсудимый планирует занять во время судебного разбирательства, о тех доказательствах, которые сторона защиты планирует использовать в процессе.

Кроме того, прокурору, на взгляд авторов, целесообразно: определить рациональную последовательность и тактику предъявления суду обвинительных доказа-

тельств; составить для себя прогноз предстоящей юридической оценки и определения на ее основе значимости предъявляемых доказательств обвинения, которую может составить суд в отношении предоставляемых прокурором сведений; составить прогноз действий в суде стороны защиты (опровержение обвинения; опровержение обвинения в части; согласие с обвинением и его смягчение).

Таким образом, подготовка к участию в судебном следствии в идеале должна была осуществляться не по типовой, а по индивидуальной методике, так как каждое уголовное дело индивидуально и обладает комплексом присущих только ему обстоятельств. В процессе подготовки прокурор, понимает, отталкиваясь от типовых рекомендаций, но содержание подготовки было индивидуально, так как его подготовительная деятельность базировалась на непреложном правиле, что государственный обвинитель не только обязан планировать и готовиться к судебному следствию, но и не имеет права выступать в суде без специальной подготовки, по своему содержанию значительно выходящей за пределы примитивного ознакомления с материалами уголовного дела.

1. Деятельность государственного обвинителя на этапе судебного следствия

Сущность деятельности государственного обвинителя на этапе судебного следствия достаточно подробно регламентирована Уголовно-процессуальным кодексом РФ (далее – УПК РФ), однако мы считаем целесообразным остановиться на исследовании отдельных вопросов.

Судебное следствие начинается с предъявления обвинения (ст. 273 УПК РФ). Руководящее постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 в п. 7 разъясняет, что прокурор не излагает обвинение в полном объеме, а ограничивается лишь описанием преступления [2]. Однако изложение события преступления, отмечает А. А. Шконда, не должно отличаться голословностью, прокурор упоминает ключевые доказательства, которые впоследствии будут исследованы в судебном следствии [3, с. 228].

Статья 274 УПК РФ устанавливает следующую последовательность исследования доказательств: сначала их представляет сторона обвинения, потом сторона защиты.

При определении порядка исследования доказательств суд обязан в данном вопросе ориентироваться на мнение сторон и, как справедливо указывает Ю. Л. Бурносова, на соблюдение и реализацию принципа непосредственности исследования доказательств [4, с. 56]. Озвученное мнение сторон об очередности должно быть обязательно отражено в протоколе.

Авторы следующим образом формулируют задачи, которые обязан разрешить государственный обвинитель в судебном следствии: предоставление суду и иным участникам процесса обвинительных доказательств; исследование всех фигурирующих в судебном доказательств, как подтверждающих обвинение, так и опровергающих его с точки зрения их достаточности, допустимости, достоверности и относимости.

При этом в отдельных методических рекомендациях указывается, что прокурор должен учитывать ситуационность процесса, возможность предоставления

в нем новых доказательств [5, с. 20], пишут по данному вопросу И. К. Севостьяник и Е. Б. Серова.

Таким образом, государственный обвинитель должен быть готов к любому варианту развития судебной ситуации, уметь прогнозировать их формирование.

Закон предоставил государственному обвинителю в судебном следствии широкий спектр возможных ходатайств: об оглашении показаний подсудимого (порядок такого оглашения закреплен в ст. 276 УПК РФ), имеющем определенные особенности; о воспроизведении приложенных к протоколу допроса подсудимого видеозаписей; о демонстрации прилагаемых к протоколу фотографий и т.д.

На судебном следствии стороной защиты могут быть тоже заявлены ходатайства, в частности о признании доказательств недопустимыми из-за допущения процессуальных нарушений при их получении. В таких случаях необходимо помнить, что бремя опровержения подобных доводов возложено на государственного обвинителя. Во всех остальных случаях (когда отсутствуют ссылки на процессуальные нарушения при получении доказательства), обязанность доказывания лежит на заявившей ходатайство стороне.

2. Исследование доказательств и выбор обвинителем модели доказывания

Суверенностью можно утверждать, что существенная часть судебного следствия состоит в исследовании доказательств, очередность их предъявления государственным обвинителем очень индивидуальна. В. Ф. Крюков справедливо указывает по данному вопросу, что исследование доказательств предусматривает максимально эффективное представление их государственным обвинителем, что и составляет сущность его деятельности на этапе судебного следствия [6, с. 54].

Проведенное автором анкетирование прокурорских работников показало, что сначала государственные обвинители предпочитают представлять косвенные доказательства, постепенно переходя к прямым. Авторы данной публикации присоединяются к мнению отдельных исследователей, считающих, что в проблемных для стороны обвинения ситуациях целесообразно сначала предъявлять доказательства, которые с наименьшей степенью вероятности могут быть подвергнуты сомнению [7, с. 65].

Максимальное затруднение, как отмечают отдельные ученые, вызывает ситуация, при которой прямые доказательства по делу вообще отсутствуют [8, с. 93]. В таких случаях государственный обвинитель выбирает такую очередность их предъявления, при которой они будут рассматриваться как взаимосвязанные комплексы доказательств, подкрепляющих друг друга, например, доказывающие только субъективную сторону состава преступления или только объективную сторону состава, какой-то отдельный элемент объективной стороны. Такие варианты последовательности исследования обвинительных доказательств тактически не связывают государственного обвинителя какими-то правилами и рамками, так как каждое уголовное дело по своей сути неповторимо, потому и выбираемая обвинителем тактика должна быть индивидуальна.

Так, если сторона защиты категорически опровергает предъявленное обвинение, государственному обвинителю целесообразно предъявлять доказательства, способные прежде всего опровергнуть выдвинутые защитой версии.

Мы не просто так привели именно данный пример, так как по результатам проведенного нами анкетирования каждый третий прокурорский работник сталкивался при предъявлении государственного обвинения с тем, что сторона защиты ходатайствует о признании доказательств недопустимыми именно на стадии судебного следствия. Объясняется это отчасти с тем, что сторона защиты не желает преждевременно раскрывать значимую для нее информацию, не желает предоставить государственному обвинителю временную возможность откорректировать обвинение после исключения доказательства.

Таким образом, выбор обвинителем модели доказывания находится в прямой зависимости от количественных и качественных характеристик имеющейся по уголовному делу доказательственной базы.

Следует учитывать, что количественной доказательственной информации может как увеличиваться, так и уменьшаться – и это совершенно нормальная практика для судебного следствия. Оба случая обязывают прокурора сохранять тактическую инициативу, особенно в случае уменьшения доказательственной базы, исключения отдельных доказательств, т.е. использовать все возможные способы для «реабилитации» доказательственной базы обвинения, справедливо отмечает по данному вопросу Л. А. Щербич [9, с. 306].

3. Основные проблемы, с которыми сталкивается государственный обвинитель в судебном следствии

В ходе судебного следствия допустимо возникновение ситуации, при которой государственный обвинитель придет к выводу о необходимости отказаться от обвинения либо изменить его, это вполне соответствует назначению уголовного процесса. Отказ от обвинения, как и поддержание обвинения – исключительное полномочие государственного обвинителя, ситуация отказа, разумеется, носит экстраординарный характер, но она вполне допустима и также предусмотрена процессуальным законом.

Однако отдельные ученые считают, что отказ обвинителя от обвинения существенно нарушает процессуальную самостоятельность судебного органа [10, с. 56; 11, с. 43]. Авторы данной публикации высказываемого мнения не разделяет, считая, что баланс процессуальной самостоятельности в данном случае не нарушается.

Кроме того, некоторые авторы, например К. А. Талалаев, считают, что отказ от обвинения государственным обвинителем может причинить вред праву потерпевшего на судебную защиту [12, с. 126], однако следует отметить, что встречается в юридических источниках и совершенно противоположное мнение по данному вопросу. Мы не можем отказать в справедливости отдельных доводов всех авторов и считаем данный вопрос нуждающимся в отдельном исследовании в силу его высокой дискуссионности.

Внутреннее убеждение государственного обвинителя в необоснованности предъявляемого обвинения является достаточным поводом для того, чтобы обвинение было признано им же несостоятельным, для того, чтобы произошел окончательный отказ от обвинения. Однако законодатель предусмотрел возможность случаев произвольного отказа от обвинения, обязав государственного обвинителя сформулировать мотивы такого отказа.

Может вызвать дискуссию вопрос о непосредственном моменте судебного следствия, на котором возможно принять решение об отказе от обвинения. Авторам представляется, что это возможно только после исследования материалов уголовного дела и заслушивания сторон, при этом о принятом решении немедленно уведомляется прокурор, поручивший обвинение поддерживать.

Обобщая изложенное, необходимо отметить, что государственному обвинителю в судебном следствии можно заявлять ходатайства, исследовать доказательства, но основной формой участия является все-таки представление доказательств.

После исследования доказательств судебное следствие считается оконченным.

Таким образом, действующее законодательство основной задачей для государственного обвинителя в судебном следствии определило предоставление всем участникам судебного процесса относимых, допустимых, достоверных и в своей совокупности достаточных доказательств виновности подсудимого в инкриминируемом преступном деянии.

При подготовке к судебному следствию обвинитель должен подготовиться, в частности, к проведению в рамках следствия допроса – важнейшего процессуального средства доказывания, именно допрос обеспечивает получение судом наиболее важных сведений, на это уверенно указывают подавляющее большинство исследователей.

Тактику допроса подсудимого в юридических источниках принято дифференцировать на тактику допроса в бесконфликтной ситуации и тактику допроса в конфликтной ситуации. По нашему мнению, оба варианта требуют от государственного обвинителя высоких профессиональных навыков для получения доказательственно-значимой информации.

Часть 1 ст. 275 УПК РФ устанавливает порядок осуществления данного судебного действия в отношении подсудимого – начинает допрос защитник и иные представители стороны защиты, государственный обвинитель осуществляет допрос во вторую очередь.

В специальной литературе мы встретили не так много источников, посвященных судебному допросу, в основном тактика допроса исследована применительно к предварительному расследованию. Между тем, как обоснованно отмечает О. А. Зайцева, судебный допрос имеет существенные отличия – он проходит в условиях публичности выступления, существенно ограничен временными рамками и осуществляется по прошествии достаточно большого отрезка времени относительно события преступления [13, с. 125]. Разумеется, некоторые криминалистические рекомендации производства допроса на предварительном следствии может использовать и государственный обвинитель во время судебного следствия, однако ему все-таки целесообразно учитывать и названные особенности.

Проведенный авторами опрос прокурорских работников показал, что большинство из опрошенных признают судебный допрос одним из самых сложных судебных действий именно из-за указанных обстоятельств, в специальной литературе нам встретилось мнение, также подтверждающее положение о сложности производства судебного допроса – так, в частности, П. К. Гаджирамазанова указывает, что судебный допрос является вторым по сложности процессуальным действием после судебной экспертизы [14, с. 144].

Государственный обвинитель до производства допроса подсудимого должен выстроить соответствующую тактику проведения данного судебного действия с учетом общей обвинительной позиции, при этом обвинителю необходимо для обеспечения результативности судебного допроса учитывать следующие обстоятельства: то, что у подсудимого уже наличествует опыт участия в допросах; то, что во время судебного следствия у обвинителя вторая очередь производства допроса; то, что подсудимый полностью осведомлен о доказательствах, положенных в основу обвинения.

Также во время судебного допроса, к сожалению, неприемлемо применять такие тактические приемы, которые сопряжены с созданием доверительной атмосферы с допрашиваемым или с длительностью подготовкой к допросу.

Если подсудимый поменял показания, производство допроса в таком случае еще более усложняется, государственному обвинителю необходимо при таком развитии ситуации выяснить причины такого изменения показания и задать вопросы для соответствующего уточнения деталей обстоятельств, показания в отношении которых были изменены.

В контексте изменения показаний стоит отметить, что показания подсудимого – это один из видов доказательств, которые возможно опровергнуть совокупностью других доказательств, так как установленной силы данный вид доказательств, как и любой иной вид, не обладает.

Из-за ложных показаний подсудимого в судебном следствии может возникнуть конфликтная ситуация противодействия отправлению правосудия, к этой ситуации прокурору нужно относиться абсолютно адекватно, так как она, по убеждению авторов статьи, является абсолютно нормальной. В подобных случаях тактически грамотно государственному обвинителю «переключиться» на иных участников судебного заседания, поставив вопросы, например, другому подсудимому или свидетелю. Такой прием позволяет изобличить ложные или уклончивые показания подсудимого, в юридических источниках и теории криминалистики он называется «шахматным допросом». Данный вид допроса использует чаще всего именно обвинитель, так как на него возложена обязанность в уголовном судопроизводстве обеспечить достижение судом истины. Как точно отмечает по данному вопросу Ю. Лаппо, «прокурор тем самым не только устанавливает необходимые для рассмотрения уголовного дела обстоятельства, но и оказывает воздействие на допрашиваемых, искажающих истину, правдивы же ответы в свою очередь оказывают необходимое воздействие, на лиц заблуждающихся» [15, с. 213].

Данное утверждение представляется нам очень верным – ведь правдивые ответы помогают уточнить или вспомнить лицам, добросовестно заблуждающимся (а такие случаи также имеют место быть в судебной практике, особенно если между событием преступления и судебным следствием прошел относительно длинный промежуток времени), необходимые обстоятельства.

Перекрестный допрос также допустимо применить в судебном следствии, указывается на страницах научной печати. Однако, как справедливо отмечает А. В. Мелешко, необходимо помнить, что «во время такой тактики допроса допрашиваемому могут задавать вопросы любая сторона процесса, государственный обвинитель

не могут направлять его ход, являясь одной из сторон процесса, а постановку вопросов могут осуществлять несколько участников» [16, с. 80].

По мнению авторов данной публикации, наибольшей эффективностью отличается именно шахматный метод ведения судебного допроса, так как его применение максимально разоблачает подсудимого, дающего ложные показания. Во-первых, обвинитель самостоятельно выстраивает ход и тактику проводимого судебного действия. Во-вторых, у него созданы все условия для того, чтобы полностью контролировать ситуацию.

Используются в судебном процессе и другие приемы, разработанные процессуальной и криминалистической науки, особенно эффективные при возникновении ситуации противодействия отправлению правосудия, позволяющие тактически грамотно сопровождать допрос подсудимого, вводящего суд в заблуждение, доказательствами на материальных носителях, опровергающими его показания, такими как вещественные доказательства, материалы видео-съемки, схемы и прочее, наглядным примером этому может служить приговор, вынесенный по следующему уголовному делу, рассмотренном Советским районным судом г. Новосибирска [17].

Однако встретили мы в юридических публикациях и критику данного судебного действия. Так, в частности, М. Н. Шаталов считает, что с научной точки зрения говорить о соблюдении принципа состязательности уголовного процесса при производстве судебного допроса представляется возможным лишь с очень большими оговорками, так как «максимально создаются преференции стороне защиты» [18, с. 104]. Разделяют данное мнение и другие авторы, в частности, ссылаясь на следующие аргументы: право подсудимого давать показания в любой момент судебного следствия необходимо расценивать как тактическую инициативу и необоснованные преференции стороне защите; право защитника определять порядок допроса также следует расценивать как необоснованную привилегию.

Исследовав данный вопрос, мы позволим себе утверждать, что никакого нарушения принципа состязательности в таких случаях нет, наоборот, налицо органическое сочетание принципа состязательности с принципом обеспечения судебной защиты и доступа к правосудию.

Косвенно подтверждает надлежащее обеспечение принципа состязательности обязанность прокурора выполнить положение ст. 73 УПК РФ о необходимости установления данных о личности обвиняемого. Кроме характеристики личности подсудимого обвинитель по смыслу процессуального закона должен еще установить причины совершения им преступления, уточнить форму вины, очертить объективный умысел на достижения конкретных преступных последствий и т.д. Представляется излишним уточнять, какое значение данная информация имеет для суда и назначения законного, обоснованного и справедливого наказания.

Государственный обвинитель может провести допрос также в отношении свидетеля со стороны обвинения (ч. 1 ст. 275 УПК), при этом обвинитель проводит его первый. Такой допрос называется первоначальным или прямым.

Процессуальный закон позволяет обвинителю заявить перед судом ходатайство о разрешении во время судебного допроса применять так называемые направля-

ющие вопросы (это происходит в случае существования угрозы раскрытия личности допрашиваемого свидетеля, такая мера помогает обеспечить его безопасность). Данная ситуация является достаточно редкой, по процессуальный закон ее предусмотрел, что мы находим, безусловно, прогрессивным фактом.

Судебный допрос потерпевшего (ч. 1 ст. 277 УПК РФ) осуществляется государственным обвинителем в таком же порядке, как и допрос свидетеля. Отличает данный допрос только тем, что потерпевший остается все время в зале суда. Кроме того, если разрешает председательствующий, может давать показания на любом этапе судебного следствия.

При производстве допроса потерпевшего государственный обвинитель, разумеется, должен учитывать специфику эмоционального состояния указанного лица, в научной литературе мы встретили значительное количество разнообразных методик допроса потерпевших разных типов поведения, возраста, потерпевших от определенного вида преступления и т.д. Тем не менее, к какому бы типу не принадлежал потерпевший, в подавляющем большинстве случаев он заинтересован в исходе дела, поэтому, оценивая его показания, обвинитель не должен утрачивать здравого скепсиса – он проверяет и оценивает показания потерпевшего наравне с другими доказательствами, соотнося их друг с другом.

Снова возвращаясь к свидетелю, необходимо упомянуть об общем правиле – первым его всегда допрашивает сторона, предложившая вызвать свидетеля в суд. Только после этого право производства судебного допроса переходит к противоположной стороне процесса.

Формулируя свидетелю конкретные вопросы, перед их постановкой, государственный обвинитель убеждается, что свидетель поставлен в известность о существовании свидетельского иммунитета. В целом, по нашему мнению, институт свидетельского иммунитета достаточно прост и в очень крайнем случае способен вызвать затруднение на практике (такими затруднительными случаями следует признать, например, привлечение в качестве свидетеля священнослужителя не христианской конфессии, сложность при установлении степени родства и т.д.).

Таким образом, производя судебный допрос в отношении свидетеля и потерпевшего, государственному обвинителю обязательно учитывать следующее: потерпевший, в отличие от свидетеля, имеет более полное представление о событии преступления, даже с учетом повышенной субъективности такого восприятия, его показания являются, наравне с показаниями подсудимого, наиболее полными и, соответственно, в силу этого наиболее ценными; по очень многим преступлениям потерпевший является (кроме подсудимого) единственным очевидцем события преступления; показания потерпевшего фактически несут двойной процессуальный функционал, во-первых, они выступают источником доказательств, а во-вторых, являются средством защиты интересов потерпевшего.

Да, при проведении судебного допроса потерпевшего наличествуют определенные процессуальные особенности, но они обусловлены прежде всего спецификой процессуального положения данного участника. Во-первых, в ходе судебного следствия он дает показания. Во-вторых, потерпевший обладает правом участвовать в исследовании доказательств. А в-третьих, потерпевшему принадлежит право участвовать в допросах всех остальных участников.

Государственный обвинитель, ходатайствующий об оглашении показаний не явившихся участников, должен помнить, что, кроме этого, обязательно должны фигурировать и иные доказательства виновности.

Заключение

В стадии судебного следствия фактически происходит сбор доказательств, которые остались без внимания органа, производившего расследование. В данном процессе прокурору, несущему на себе функцию государственного обвинения должна быть отведена весьма активная роль, так как, по сути, он: или устраняет недостатки в работе прокурора, утвердившего обвинительное заключение (обвинительный акт) и для этого процессуальный закон предоставляет ему достаточно широкий спектр способов, вплоть до ходатайства о дополнении судебного следствия; или организует исследование и оценку достаточных и надлежащих доказательств таким образом, чтобы у суда и иных участников процесса сформировалось уверенное представление о виновности подсудимого, и для этого закон предоставляет ему также широкий перечень процессуальных инструментов.

Судебное следствие, на котором происходит исследование, а при необходимости сбор доказательств, является органичным этапом судебных прений, на которых происходит фактическая оценка доказательств участниками судебного процесса.

Основная проблема, с которой сталкивается государственный обвинитель в судебном следствии – признание доказательств недопустимыми, поэтому при подготовке к данной стадии процесса он должен предпринять все необходимое, чтобы компенсировать удаление из доказательственной базы те доказательства, которые могут быть признаны недопустимыми или неотносимыми. Если такое исключение произошло уже в процессе судебного следствия, деятельность обвинителя должна быть инициативна и направлена на логическую компенсацию такой потери.

Несмотря на обязанность занять активную позицию в процессе доказывания, государственный обвинитель должен помнить, что процессуальным законом ему предоставлено право отказаться от обвинения на любой стадии процесса, относится это и к стадии судебного следствия. Более того, мы назвали бы даже это обязанностью прокурора, отказаться полностью или частично от обвинения, когда всей совокупностью доказательств не могут быть устранены сомнения в невиновности подсудимого либо возникли доказательства, прямо доказывающие его невиновность. Такое решение ничуть не противоречит логике деятельности прокурора в уголовном процессе и полностью соответствует назначению уголовного производства, категорически неправильной практикой мы считаем оценку такого решения в качестве профессиональной некомпетентности прокурора.

Пристатейный библиографический список

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2009 г. № 28 «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 2.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3.

3. Шконда А. А. Некоторые вопросы представления доказательств по уголовным делам // Современные проблемы права : пути решения : материалы межвузовской научно-практической конференции, проводимой кафедрой конституционного, административного и уголовного права совместно с Научной комиссией студенческого Совета, Орел, 1 октября 2021 г. / под общ. ред. А. А. Комоско. Орел : Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, 2022.

4. Бурносова Ю. Л. Понятие и значение правила непосредственности исследования доказательств в уголовном судопроизводстве // General Question of World Science : Collection of Scientific Papers Based on the Results of an XV International Scientific Conference, Amsterdam, 15 January 2022. Amsterdam : LJournal, 2022.

5. Севастьяник И. К., Серова Е. Б. Участие прокурора в рассмотрении уголовных дел судами : учебное пособие. СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ, 2018.

6. Крюков В. Ф. Уголовное преследование в судебном производстве : уголовно-процессуальные и надзорные аспекты деятельности прокурора. Курск, 2010.

7. Кисленко С. Л. Криминалистическая тактика поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции. М. : Юрлитинформ, 2020.

8. Конин В. В., Елаев А. А. Выявление и фиксация косвенных доказательств по налоговым преступлениям и их значимость для последующего доказывания события преступления // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2021. № 1 (96).

9. Щербич Л. А., Харабара В. А. Некоторые особенности поддержания военными прокурорами государственного обвинения по уголовным делам, рассматриваемыми горнизонными военными судами с участием присяжных заседателей // Военно-правовые инструменты обеспечения национальной безопасности : сборник статей научно-практической конференции, Москва, 15 апреля 2022 г. М. : Университетская книга, 2022.

10. Малина М. А. Должен ли отказ прокурора от обвинения быть обязательен для российского суда? // Российская юстиция. 2021. № 2.

11. Гизатуллин И. А. Отказ государственного обвинителя от обвинения в контексте обеспечения процессуальной свободы судьи // Правовое государство : теория и практика. 2022. № 1 (67).

12. Талалаев К. А. Отказ от обвинения и прекращение уголовного дела в суде // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8. № 1.

13. Зайцева О. А. Участие государственного обвинителя в судебном допросе // Криминалистика от Ганса Гросса до наших дней : криминалистические аспекты реализации конституционных прав и гарантий человека и гражданина : сборник научных статей по материалам V Международного научно-практического круглого стола, Санкт-Петербург, 26 февраля 2021 г. СПб. : Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2021.

14. Гаджирамазанова П. К., Гусейнова М. К. Особенности допроса подсудимого // Закон и право. 2022. № 2.
15. Лаппо Ю., Исаенко В. Н. Тактика участия прокурора в допросе подсудимого // Проблемы правового обеспечения безопасности личности, общества и государства. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2017.
16. Мелешко А. В. Перекрестный допрос в уголовных делах : участие адвоката-защитника. М. : Юрлитинформ, 2022.
17. Приговор № 1-265/2017 от 29 августа 2017 г. по делу № 1-265/2017 Советского районного суда г. Новосибирска // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/VxHtPtSO3yx/> (дата обращения: 09.09.2023).
18. Шаталов М. Н. Аспекты участия прокурора в судебном следствии по уголовному делу // Вестник молодых ученых и специалистов Самарского государственного университета. 2014. № 1.

References

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 22 December 2009 No. 28 "On the Application by Courts of the Norms of Criminal Procedural Legislation Governing the Preparation of a Criminal Case for Trial". *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 2010, no. 2. (In Russ.)
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 19 December 2017 No. 51 "On the Practice of Applying Legislation When Considering Criminal Cases in the Court of First Instance (General Procedure for Legal Proceedings)". *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 2018, no. 3. (In Russ.)
3. Shkonda A. A. Some Issues of Presenting Evidence in Criminal Cases. In Komosko A. A. (ed.). *Modern Problems of Law: Solutions: Materials of the Interuniversity Scientific and Practical Conference Held by the Department of Constitutional, Administrative and Criminal Law Together with the Scientific Commission of the Student Council, Orel, 1 October 2021*. Orel: Central Russian Institute of Management – Branch of RANEPa, 2022. (In Russ.)
4. Burnosova Iu. L. The Concept and Significance of the Rule of Immediacy of the Study of Evidence in Criminal Proceedings. In *General Question of World Science: Collection of Scientific Papers Based on the Results of an XV International Scientific Conference, Amsterdam, 15 January 2022*. Amsterdam: Ljournal, 2022. (In Russ.)
5. Sevastianik I. K., Serova E. B. *Participation of the Prosecutor in the Consideration of Criminal Cases by the Courts: A Textbook*. St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (Branch) of University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2018. (In Russ.)
6. Kriukov V. F. *Criminal Prosecution in Judicial Proceedings: Criminal Procedural and Supervisory Aspects of the Prosecutor's Activities*. Kursk, 2010. (In Russ.)
7. Kislenko S. L. *Forensic Tactics of Maintaining State Prosecution in the Court of First Instance*. Moscow: Iurlitinform, 2020. (In Russ.)
8. Konin V. V., Elaev A. A. Identification and Recording of Indirect Evidence of Tax Crimes and Their Significance for Subsequent Proof of the Crime. *Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 1 (96). (In Russ.)
9. Shcherbich L. A., Kharabara V. A. Some Features of Military Prosecutors Maintaining State Prosecution in Criminal Cases Considered by District Military Courts with

the Participation of Jurors. Military Legal Instruments for Ensuring National Security: Collection of Articles of a Scientific-Practical Conference, Moscow, 15 April 2022. Moscow: Universitetskaia kniga, 2022. (In Russ.)

10. Malina M. A. Should the Prosecutor's Refusal to Charge Be Mandatory for a Russian Court? *Russian Justice*, 2021, no. 2. (In Russ.)

11. Gizatullin I. A. Refusal of the State Prosecutor from the Charge in the Context of Ensuring the Procedural Freedom of the Judge. *Rule of Law: Theory and Practice*, 2022, no. 1 (67). (In Russ.)

12. Talalaev K. A. Refusal of Charges and Termination of Criminal Proceedings in Court. *Legal Bulletin of Samara University*, 2022, vol. 8, no. 1. (In Russ.)

13. Zaitseva O. A. Participation of the Public Prosecutor in Judicial Interrogation. Forensic Science from Hans Gross to the Present Day: Forensic Aspects of the Implementation of Constitutional Rights and Guarantees of Man and Citizen: Collection of Scientific Articles Based on the Materials of the V International Scientific and Practical Round Table, St. Petersburg, 26 February 2021 St. Petersburg: Center for Scientific Information Technologies "Asterion", 2021. (In Russ.)

14. Gadzhiramazanova P. K., Guseinova M. K. Peculiarities of Interrogation of the Defendant. *Law and Law*, 2022, no. 2. (In Russ.)

15. Lappo Iu., Isaenko V.N. Tactics of the Prosecutor's Participation in the Interrogation of the Defendant. Problems of Legal Security of the Individual, Society and State. Novosibirsk: NSTU Publishing House, 2017. (In Russ.)

16. Meleshko A. V. Cross-Examination in Criminal Cases: Participation of a Defense Lawyer. Moscow: Iurlitinform, 2022. (In Russ.)

17. Sentence No. 1-265/2017 of 29 August 2017 in case No. 1-265/2017 of the Sovetsky District Court of Novosibirsk. URL: <https://sudact.ru/Regular/Doc/vxhtptso3yx/> (date of the application: 09.09.2023). (In Russ.)

18. Shatalov M. N. Aspects of the Participation of the Prosecutor in the Judicial Investigation of a Criminal Case. *Bulletin of Young Scientists and Specialists of Samara State University*, 2014, No. 1. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Т. В. Воротилина – кандидат юридических наук, доцент.

Е. А. Иванченко – кандидат юридических наук, доцент.

И. С. Шульженко – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors:

T. V. Vorotilina – PhD in Law, Associate Professor.

E. A. Ivanchenko – PhD in Law, Associate Professor.

I. S. Shulzhenko – PhD in Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 09.02.2024; одобрена после рецензирования 16.02.2024; принята к публикации 16.02.2024.

The article was submitted to the editorial office 09.02.2024; approved after reviewing 16.02.2024; accepted for publication 16.02.2024.

Научная статья

УДК 343.13

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-157-169>

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВА В ПОРЯДКЕ ГЛ. 40 УПК РФ

Андрей Александрович Погорельский

Оренбургский государственный университет, 460018, Россия,
г. Оренбург, просп. Победы, д. 13

a14766996@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются особенности особого производства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, законодательная регламентация которого неоднозначно оценивается профессиональным сообществом. Целью статьи является разработка предложений по совершенствованию данного вида производства посредством определения процедурного наполнения механизма его реализации, способного обеспечить принятие обоснованного решения по делу. В процессе написания статьи применялись такие общенаучные методы, как теоретический анализ и обобщение научных данных. В частности, критически оценивается мнение ученых, отрицающих необходимость рассмотрения признания вины в качестве необходимого условия данного особого производства. Обосновывается позиция, что требуемое законом согласие с обвинением категорически нельзя мыслить без признания вины. При этом подчеркивается, что ни признание вины, ни согласие с обвинением, не обладают никаким доказательственным значением, они могут рассматриваться исключительно в качестве процедурного основания для перехода к производству в особом порядке. Анализируются взгляды ученых по вопросу практической реализации обязанности суда по проверке подтверждения предъявленного лицу обвинения необходимой совокупностью собранных по уголовному делу доказательств. В связи с этим обращается внимание на важность этапа подготовки к судебному заседанию, на котором происходит ознакомление судьи с материалами поступившего в суд уголовного дела. На основании теоретического анализа имеющихся в науке представлений о надлежащем процедурном механизме особого порядка вынесения судебного решения вносятся конкретные рекомендации законодателю по его совершенствованию, которые, по мнению ав-

тора, позволят лишить оснований сомнения в объективности и обоснованности вынесенного в особом порядке обвинительного приговора.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; обвинение; особый порядок принятия судебного решения; согласие с обвинением; признание вины; допрос подсудимого; исследование доказательств; обоснованность приговора.

Для цитирования: *Погорельский А. А. Проблемы совершенствования производства в порядке гл. 40 УПК РФ // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 1. С. 157–169. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-157-169>*

Research Article

PROBLEMS OF IMPROVING PRODUCTION IN ACCORDANCE WITH CHAPTER 40 OF THE CODE OF CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Andrey A. Pogorelsky

Orenburg State University, 13 Victory Ave., Orenburg, 460018, Russia

a14766996@gmail.com

Abstract

The article examines the features of special proceedings with the consent of the accused with the charge, the legislative regulation of which is ambiguously evaluated by the professional community. The purpose of the article is to develop proposals for improving this type of production by determining the procedural content of the mechanism for its implementation, which can ensure the adoption of an informed decision on the case. In the process of writing the article, such general scientific methods as theoretical analysis and generalization of scientific data were used. In particular, the opinion of scientists who deny the need to consider a confession of guilt as a necessary condition for this special production is critically evaluated. The position is substantiated that the consent required by law with the accusation is categorically impossible to think without an admission of guilt. At the same time, it is emphasized that neither a confession of guilt nor an agreement with the prosecution have any evidentiary value, they can be considered solely as a procedural basis for proceeding to proceedings in a special order. The views of scientists on the practical implementation of the court's obligation to verify the confirmation of the charge against the person by the necessary set of evidence collected in the criminal case are analyzed. In this regard, attention is drawn to the importance of the stage of preparation for the court session, at which the judge is familiarized with the materials of the

criminal case submitted to the court. Based on the theoretical analysis of the ideas available in science about the proper procedural mechanism of a special procedure for making a court decision, specific recommendations are made to the legislator on its improvement, which, in the author's opinion, will allow to deprive the grounds of doubt about the objectivity and validity of the conviction pronounced in a special order.

Keywords: criminal proceedings; prosecution; special procedure for making a court decision; agreement with the prosecution; admission of guilt; interrogation of the defendant; examination of evidence; validity of the verdict.

For citation: Pogorelsky A. A. Problems of Improving Production in accordance with Chapter 40 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 1, pp. 157–169. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-157-169>

Введение

В основе особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, также как и в основе других упрощенных (сокращенных) производств гл. 32.1, 40.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) лежит идея разумного срока уголовного судопроизводства, сокращение процессуальных сил и средств, процессуальная экономия.

С момента принятия УПК РФ и появления в нем гл. 40 и до настоящего времени остро дискуссионным остается вопрос, касающийся процедуры рассмотрения уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. Этому отчасти способствовало и неоднократное внесение законодательных изменений в положения гл. 40 УПК РФ. При этом, как показывает опыт применения указанной главы, одной из основных стоящих перед законодателем проблем стало определение круга преступлений, подлежащих рассмотрению в особом порядке.

1. Характеристика изменений законодательства в отношении категорий преступлений, подлежащих рассмотрению в особом порядке

Так, первоначальная редакция УПК РФ предусматривала возможность судебного разбирательства в особом порядке при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением по уголовным делам о преступлениях, наказание за которые не превышает пяти лет лишения свободы, т.е. такой порядок был ограничен делами о преступлениях небольшой тяжести, не предполагающих сложности в расследовании. Но в 2003 г. законодатель расширил пределы таких уголовных дел, включив и преступления, наказание за которые не превышает 10 лет лишения свободы [1].

Подобная тенденция вызвала обоснованные опасения, как со стороны ученых, так и со стороны практических работников относительно утраты судебным разбирательством в особом порядке своей «особенности», «исключительности». В литературе отмечалось, что ввиду численного превосходства особый порядок, став

основным типом процесса, утратил в связи с этим качества «особенного» [2, с. 2]. В этом отношении ученые-процессуалисты полагали, что законодателю следует более «вдумчиво относиться к расширению применения «особого порядка», при таких обстоятельствах упрощенные процедуры «развращают» правоприменителя, а исключения перерастают в «удобную практику» [3, с. 341–342].

Более того, анализируемые изменения благоприятствовали возникновению в науке уголовного процесса радикального предложения, в соответствии с которым «особый порядок должен применяться по любому делу, при выдвижении обвинения в совершении преступления любой тяжести» [4, с. 11], что, на наш взгляд, недопустимо.

Фактически суть особого порядка принятия судебного решения при согласии с предъявленным обвинением заключается в упрощении судопроизводства именно по делам бесспорным, очевидным, малозначительным. Он характеризуется наличием исключений из общих правил судебного разбирательства в силу определенных условий. Но, если речь идет об уголовных делах о тяжких преступлениях, не может подлежать сомнению, что судебное разбирательство нуждается в тщательном, непосредственном, полном исследовании судом доказательств. Законодатель, признав это, обоснованно закрепил в 2020 г. допустимость рассмотрения в особом порядке строго ограниченной категории уголовных дел о преступлениях только небольшой или средней тяжести (ч. 1 ст. 314 УПК РФ) [5].

Важно отметить определенное влияние указанных изменений на динамику рассмотрения уголовных дел в упрощенной форме, число которых в 2020 г. впервые сократилось до 47%, тогда как ранее они составляли больше половины всех рассмотренных судами уголовных дел [6]. Такой ход развития некоторыми авторами был назван переломом в пользу состязательности [7, с. 1]. На наш взгляд, такую динамику следует оценить положительно.

Что касается отношения юридического профессионального сообщества к рассматриваемой дифференцированной форме производства, то оно нередко характеризуется диаметральной противоположностью. Так, по мнению одних авторов, выражающих откровенно отрицательное отношение к данному порядку судебного разбирательства, этот порядок представляет собой незаконный, необоснованный и нелегитимный институт, создающий риск осуждения невиновного [8, с. 278] и даже «судебный конвейер» с абсолютно предсказуемым финалом в виде обвинительного приговора [9, с. 21]. При этом основным объектом крайне негативных оценок являлось и является полное исключение какой бы то ни было деятельности по доказыванию в суде.

Другие авторы, напротив, положительно оценивают введение гл. 40 УПК РФ, называя особый порядок «подарком» законодателя, практически ликвидировавшим судебное следствие – самую сложную и трудоемкую часть судебного заседания [10, с. 32].

2. Условия применения особого порядка судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением

Институт рассматриваемого особого порядка большинством исследователей отождествляется с имеющей применение в США «сделкой о признании вины». Меж-

ду тем изучение предусмотренного ею механизма показало, что такая сделка представляет собой обоюдную договоренность сторон, которая предполагает обмен признания обвиняемым своей вины на какое-либо послабление со стороны обвинительной власти. Например, квалификацию содеянного как менее тяжкого преступления либо особое смягчение наказания. При этом безусловное преимущество заключения сделок о признании вины с точки зрения прокурора и судьи заключается в существенной экономии времени и государственных ресурсов. Преимущество со стороны обвиняемого также является очевидным, поскольку результаты рассмотрения уголовного дела становятся для него более ясными, а наказание более мягким [11, с. 466]. Другими словами, американский вариант подразумевает не признание своей вины обвиняемым, а согласие признать ее при определенных уступках со стороны правосудия.

Кроме этого, в США распространена сомнительная практика ведения сторонами переговоров по поводу сделки о признании вины, когда прокурорами предъявляется максимальное количество пунктов обвинения с целью получения возможности для отказа в последующем (в виде уступки защите) от слабо доказанных и наименее обоснованных из них. Мало того, зачастую простым выражением «угрозы» предъявления более серьезного (в сравнении с изначальным обвинением) прокурор может «убедить» обвиняемого «заявить» о своей виновности [11, с. 467]. Думается, что с этой позиции отождествление американской сделки с российским особым порядком вряд ли корректно.

Ради справедливости, стоит отметить, что и гл. 40 УПК РФ не требует признания вины от обвиняемого, указывая обязательным условием лишь его согласие с предъявленным ему обвинением. Такая формулировка вызвала среди ученых полемику о соотношении понятий «согласие с обвинением» и «признание вины». Взгляды ученых в этом отношении не отличаются общностью.

Так, далеко не всеми авторами разделяется мнение о том, что признание вины – неотъемлемое условие особого порядка принятия судебного решения. В частности, отдельными авторами последовательно отстаивается позиция, согласно которой для инициации производства в порядке гл. 40 УПК РФ требуется лишь согласие обвиняемого с предъявленным обвинением и нет необходимости в получении от него признания вины, поэтому последнее не может относиться к необходимым условиям такого порядка [12, с. 45]. В качестве обосновывающего данный вывод аргумента учеными приводится суждение о том, что лицо может, не признавая своей вины, согласиться с предъявленным ему обвинением, понимаемым как выражение согласия с уголовным иском. Этого, по их мнению, вполне достаточно для предусмотренной гл. 40 УПК РФ процедуры [13, с. 16].

Другие ученые также полагают, что «согласие с предъявленным обвинением не связано с позицией обвиняемого относительно фактических обстоятельств дела, и он может вообще не давать показаний, но при этом не спорить с обвинением» [14, с. 112].

Вместе с тем на страницах научных изданий встречается немало высказываний, справедливо, на наш взгляд, критикующих вышеприведенные позиции. В частности, по мнению ученых, требуемое законом согласие с обвинением категоричес-

ки нельзя мыслить без признания вины, поскольку именно обоюдный результат этих действий обвиняемого составляет содержание процессуальной предпосылки применения упрощенного порядка производства [12, с. 44; 13, с. 108], а в дальнейшем – смягчение наказания.

Кроме этого исходя из смысла уголовно-процессуального закона под обвинением с которым согласился обвиняемый следует понимать, согласие обвиняемого, что он совершил деяние, запрещенное уголовным законом, согласие с обстоятельствами совершения преступления, согласие с квалификацией деяния, согласие с характером и размером причиненного им вреда (п. 22 ст. 5, п. 4, 5 ч. 2 ст. 171, ч. 1 ст. 220 УПК РФ), что, как представляется, вряд ли может иметь место без осознания и признания обвиняемым своей вины. Также не должно вызывать возражения положение о том, что ни признание вины, ни согласие с обвинением не обладают никаким доказательственным значением, поскольку, согласно предписаниям уголовно-процессуального закона постановление обвинительного приговора невозможно без подтверждения обвинения доказательствами по делу (ч. 6, 7 ст. 316 УПК РФ).

Кроме этого, исходя из основной максимы доказывания (ч. 2 ст. 77 УПК РФ), признание лицом своей вины быть единственным основанием обвинения не может [15, с. 115]. Поэтому считаем важным подчеркнуть, что признание вины должно иметь не доказательственное, а процедурное значение, что в полной мере относится и к самому согласию с предъявленным обвинением. Последнее, по точному выражению М. А. Михеенковой, не являясь показаниями обвиняемого, представляет собой его правораспорядительное действие [16, с. 27]. Таким же качеством, на наш взгляд, должен обладать и факт признания вины.

С этой позиции, действительно, согласившееся с обвинением лицо может не давать никаких показаний, по закону имея на это право. Более того, и признание вины может не быть сопряженным с признательными показаниями, а выражено лишь в кратком утвердительном ответе на вопрос, который в силу предписаний ч. 2 ст. 173 УПК РФ обязан задать субъект доказывания в начале допроса. Поэтому ошибочным видится представления некоторых авторов о том, что согласие с обвинением предполагает наличие признательных показаний. Поэтому, рассуждая о «юридической доброкачественности» согласия подсудимого с предъявленным обвинением, в качестве задачи суда должна рассматриваться необходимость его убеждения в добровольности дачи признательных показаний.

Между тем вряд ли можно говорить о юридической недоброкачественности согласия лица с обвинением, например, в ситуации, когда от него не получены признательные показания, но получен ответ «да» на вопрос о виновности и ответ «да, согласен» на вопрос, согласен ли он с содержанием постановления о привлечении в качестве обвиняемого (или обвинительного постановления, акта). С этой же точки зрения не могут быть тождественными понятия «признание вины» и «признательные показания», поскольку последнее невозможно без первого, но не наоборот – первое без последнего вполне возможно.

Поэтому в противовес мнению С. А. Новикова, считающего доказательственное значение признания явно завышенным, полагая излишним его абсолютизацию, придание ему исключительных свойств и неоправданно высокой роли [17,

с. 169], повторим, что нами отрицается наличие какого бы то ни было доказательственного значения вообще, как у признания вины (и признательных показаний), так и у согласия с обвинением, но подчеркивается их важное для перехода к производству в дифференцированной форме процедурное значение.

В ситуации признания лицом вины, которая установлена органом расследования независимо от его наличия необходимой совокупностью доказательств, лишится оснований имеющее место в настоящее время неодобрительное восприятие процедуры получения от обвиняемого согласия с обвинением как к критикуемой многими учеными заурядной сделке. На наш взгляд, признание лицом вины следует относить к одному из необходимых и неотъемлемых условий применения гл. 40 УПК РФ, и оно не может рассматриваться отдельно от отношения лица к предъявленному ему обвинению, иначе признание вины утратит свое процессуальное значение. Лишь при таком подходе можно гарантировать, что обвиняемый будет нести ответственность за то, что совершил, а не за то, насчет чего произошла договоренность между сторонами сделки. Последнее, как известно, и является негативным аспектом американского варианта сделки о признании вины.

Небезынтересно заметить, что уголовно-процессуальное законодательство ряда стран, бывших в относительно недавнем прошлом союзными для России республиками, и потому относящихся к общей с российской правовой системе, содержит в качестве законодательно установленного условия применения особого порядка признание обвиняемым своей вины. В частности, такое положение содержится в ст. 326 УПК Республики Беларусь, в ст. 363, 209 УПК Грузии. Согласно же п. 4 ч. 1 ст. 505 УПК Республики Молдова одним из законодательно установленных условий заключения соглашения о признании вины является «чистосердечное признание лица и его желание взять на себя ответственность за содеянное» [18, с. 180].

Думается, что только такое позитивное посткриминальное поведение обвиняемого может свидетельствовать о допустимости применения в его отношении особых условий производства и, как результат, снижения ему наказания. В этой связи, считаем целесообразным внедрения в российский уголовно-процессуальный закон положения, согласно которому признание вины должно быть включено в перечень необходимых условий производства судебного разбирательства в особом порядке, это поможет положить конец бесплодной дискуссии по данному вопросу, ведущейся в течение нескольких лет. Более того, именно такого похода придерживаются и представители судов высшей инстанции. Так, Вячеславом Лебедевым, подведшим итоги работы российских судов за 2020 г. на совещании судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов 9 февраля 2021 г., было отмечено почти равное распределение уголовных дел между особым и общим порядком их рассмотрения (перевес рассмотренных в общем порядке составляет лишь 6%). Указано, что «в особом порядке, *который предусматривает признание обвиняемым своей вины*, осудили 83% фигурантов, в общем – 66%» [19]. Исходя из содержания выделенной нами части высказывания Председателя Верховного Суда РФ такой подход должен пониматься как само собой разумеющийся.

3. Механизм реализации особого порядка принятия судебного решения

Однозначным результатом судебного разбирательства в особом порядке при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением презюмируется вынесение обвинительного приговора. Действительно, концепция гл. 40 УПК РФ не предполагает вынесение оправдательного приговора. Частью 7 ст. 316 УПК РФ судье предписывается постановить обвинительный приговор, если он придет к выводу, что обвинение, с которым согласился подсудимый, обоснованно и подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу. При этом согласно ч. 5 ст. 316 УПК РФ судья не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу, и может исследовать лишь обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, и смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства. В свою очередь, употребление данной нормы глагола «может», указывает на то, что суд решает по своему усмотрению, воспользоваться или не воспользоваться возможностью применения особого порядка, исходя из обстоятельств каждого конкретного дела.

Такая регламентация приводит к возникновению правомерного вопроса: как судья может убедиться, что обвинение, с которым согласился обвиняемый, обоснованно и подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу, если они им не были исследованы? Ответ единственно возможный – на этапе подготовки к судебному заседанию при ознакомлении с материалами поступившего в суд уголовного дела, поскольку судья, безусловно, способен оценить отраженную в этих материалах совокупность доказательств на соответствие стандарту доказанности, основными критериями которого, как известно, являются их непротиворечивость и достаточность.

Необходимость именно такой парадигмы вытекает из выраженной по этому вопросу позиции Верховного Суда РФ, которым указывается, что «рассмотрение дела в порядке гл. 40 УПК РФ не освобождает судью от необходимости тщательного изучения *вне рамок судебного заседания* всех материалов дела, всех собранных доказательств с целью проверки обоснованности предъявленного подсудимому обвинения, и лишь придя к мнению, что все доказательства свидетельствуют о том, что обвиняемый совершил вменяемое ему преступление и объем предъявленного обвинения является правильным, судья вправе перейти к юридической оценке содеянного. Если же при рассмотрении материалов дела судья придет к выводу, что обвинение не нашло своего подтверждения в целом либо в какой-то его части, а также, если собранные доказательства являются недопустимыми, он должен прекратить особый порядок судебного разбирательства и рассматривать дело в общем порядке» [20].

В связи с этим, возвращаясь к мнению ученых о возможности вынесения в особом порядке оправдательного приговора, следует выразить категорическое возражение. Если материалы дела не убедят судью в обоснованности предъявленного обвинения, особый порядок исключается, а итогом общего порядка судебного разбирательства, бесспорно, может быть и оправдательный приговор, но подчеркнем – он будет вынесен в общем, но не в особом, порядке.

Не вызывает сомнений, что суд обязан проверить, подтверждено ли предъявленное обвиняемому обвинение необходимой совокупностью собранных по уголовному делу доказательств, поскольку особое производство не является исключением из правила о должествовании полной доказанности виновности лица в совершении преступления для постановления обвинительного приговора.

На наш взгляд, сложно поддержать суждения ряда авторов о необходимости в данной ситуации частичного восстановления судебного следствия [21, с. 105], поскольку при реализации даже частичного восстановления судебного следствия неизбежно произойдет усложнение рассмотрения дела, что не соответствует сути особого порядка судебного разбирательства. Более того, особенностью доказывания при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением является отсутствие самостоятельной правовой позиции стороны защиты, как следствие отсутствия спора сторон в результате признания обвиняемым обоснованных обвинений. Суд ориентируется лишь на выводы, полученные в ходе предварительного расследования, не оспариваемые обвиняемым.

Другие авторы предлагают проводить обязательный допрос подсудимого в суде, с целью установления добровольности и достоверности признания вины и недопущения самооговора [22, с. 21]. Думается, что использование данного средства доказывания, во-первых, вряд ли намного усложнит рассматриваемую процедуру и, во-вторых, что важнее, целесообразно с точки зрения непосредственного убеждения суда в наличии у подсудимого необходимого для особого порядка отношения к обвинению – признания его правильности.

Третьи обоснованно считают, что допрос подсудимого, потерпевшего и свидетеля возможен для исследования обстоятельств, характеризующих личность подсудимого, смягчающих и отягчающих наказание [23, с. 110].

Но дело в том, что даже в случае реализации подобных приведенным предложениям не удастся устранить указанного выше некоторого противоречия в содержании положений ч. 5 и 7 ст. 316 УПК РФ. Так, исходя из содержания первой, судья не проводит исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу, но вместе с тем согласно предписаниям второй он должен убедиться, что обвинение, с которым согласился подсудимый, обоснованно. Наличие последнего законодательного предписания при отсутствии соответствующего механизма его процедурного наполнения и формальной определенности позволяет сделать вывод о «неофициальном» характере реализации судьей этого предписания. Между тем напомним, что проверяемость хода и результата уголовно-процессуального познания – обязательная черта уголовно-процессуальной деятельности [24, с. 108]. Но в данном случае ни вышестоящий суд, ни заинтересованные лица убедиться в выполнении судьей требуемого ч. 7 ст. 316 УПК РФ положения не смогут.

В этом отношении могла бы быть учтена рекомендация С. А. Новикова, предлагающего принять за ориентир положение Концепции судебной реформы 1991 г., согласно которому при суммарном производстве предусматривался краткий обзор доказательств в ходе судебного заседания. Наряду с регламентацией такого обзора доказательств, в УПК РФ следует закрепить право судьи и при особом порядке по собственному усмотрению непосредственно исследовать любое доказательство [17, с. 162].

Думается, что такой механизм мог бы быть логичным решением данной проблемы. Вследствие этого считаем целесообразным закрепить в уголовно-процессуальном законе необходимость отражения в обвинительном приговоре кратко-го обзора доказательств, подтверждающих обоснованность обвинения, с которым согласился обвиняемый, а также право судьи непосредственно исследовать любое из них по своему собственному усмотрению.

Заключение

Изложенное позволяет сформулировать ряд предложений по совершенствованию норм уголовно-процессуального закона, а именно:

– п. 1 ч. 2 ст. 314 УПК РФ изложить в следующей редакции:

«1) обвиняемый полностью признает свою вину, осознает характер и последствия заявленного им ходатайства»;

– ч. 8 ст. 316 УПК РФ изложить в следующей редакции:

«8. Описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать описание преступного деяния, с обвинением в совершении которого согласился подсудимый, а также выводы суда о соблюдении условий постановления приговора без проведения судебного разбирательства. В приговоре отражается краткий анализ доказательств, подтверждающих обвинение, с которым согласился подсудимый и их оценка судьей».

Думается, что предложенные рекомендации по совершенствованию уголовно-процессуального закона позволят лишить оснований имеющиеся в настоящее время сомнения в объективности, обоснованности и справедливости вынесенного в особом порядке обвинительного приговора.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 4 июля 2003 г. № 92 «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 27 (ч. 1). Ст. 2706.
2. Колоколов Н. А. В поисках convenient criminal law // Уголовное право. 2014. № 1.
3. Смолькова И. В. Признание обвиняемым своей вины : доказательственное и правовое значение : монография. М. : Юрлитинформ, 2017.
4. Смолин А. В. Особый порядок судебного разбирательства, предусмотренный главой 40 УПК РФ : проблемы нормативного регулирования и дальнейшего развития : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005.
5. Федеральный закон от 20 июля 2020 г. № 224-ФЗ «О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 30. Ст. 4750.
6. Доклад Председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева 9 февраля 2021 г. // Legal.Report : сайт. URL: https://legal.report/wp-content/uploads/2021/02/prezentaciya-k-dokladu-09_02_2021_-szhatyj.pdf (дата обращения: 21.06.2023).
7. Рамазанов И. Перелом в пользу состязательности // Уголовный процесс. 2021. № 4.

8. *Быков В. М.* Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. Казань: Познание, 2008.
9. *Белоковильский М. С., Гуртовенко Э. С.* Защита при рассмотрении дела в особом порядке судебного разбирательства : особенности тактики и этики // Адвокат. 2010. № 2.
10. *Каретников А.* Нужен ли особый порядок судебного рассмотрения уголовных дел в отношении лиц, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве? // Законность. 2013. № 10.
11. *Burnham W.* Introduction to the Law and Legal System of the United States. St. Paul, MN : West Academic Publishing, 2002.
12. *Будников В. Л.* Признание обвиняемым своей вины не является доказательством // Российская юстиция. 2007. № 4.
13. *Бурсакова М. С., Шамардин А. А.* К вопросу о правовой природе особого порядка судебного разбирательства и проблемах его совершенствования // Российский судья. 2005. № 10.
14. *Хромова Н. М.* Принцип презумпции невиновности при особом порядке судебного разбирательства // Журнал российского права. 2013. № 6.
15. *Корнакова С. В.* Некоторые суждения о несовершенстве норм УПК РФ, касающихся признания вины обвиняемым // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. № 4 (26).
16. *Михеенкова М. А.* Доказательства и доказывание : позиции высших судов РФ и ЕСПЧ // Уголовный процесс. 2014. № 3 (111).
17. *Новиков С. А.* Собственное признание вины – «regina probationum» современного уголовного процесса // Вестник криминалиста. 2015. Вып. 2.
18. *Мищенко Е. В., Корнакова С. В., Мишин В. В.* Применение согласительных процедур в странах СНГ : сравнительно-правовой анализ // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 4 (113).
19. Верховный суд подвел итоги работы судов за 2020 год // ПравоRu : сайт. URL: <https://pravo.ru/story/229410/> (дата обращения: 21.06.2023).
20. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 6 октября 2011 г. по делу № 2-3/11 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/vvM5b9g6LnZl/> (дата обращения: 21.06.2023).
21. *Демидов В.* Некоторые вопросы применения особого порядка судебного разбирательства // Российская юстиция. 2003. № 4.
22. *Петрухин И. Л.* Концептуальные основы реформы уголовного судопроизводства // Государство и право. 2002. № 5.
23. *Корнакова, С. В., Щербаков В. А.* Проблемы реализации принципа справедливости в российском уголовном судопроизводстве. М. : Юрлитинформ, 2019.
24. *Корнакова С. В.* Логика уголовно-процессуального доказывания // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 2 (28).

References

1. Federal Law of 4 July 2003 No. 92 "On Amendments and Additions to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2003, no. 27 (part 1), art. 2706. (In Russ.)
2. Kolokolov N. A. In Search of Convenient Criminal Law. *Criminal Law*, 2014, no. 1. (In Russ.)
3. Smolkova I. V. The Confession of Guilt by the Accused: Evidentiary and Legal Significance: Monograph. Moscow: Iurlitinform, 2017. (In Russ.)
4. Smolin A.V. The Special Procedure of Judicial Proceedings Provided for by Chapter 40 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Problems of Regulatory Regulation and Further Development: Synopsis of the Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. N. Novgorod, 2005. (In Russ.)
5. Federal Law of 20 July 2020 No. 224-FZ "On Amendments to Articles 314 and 316 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2020, no. 30, art. 4750. (In Russ.)
6. Report of the Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation V. M. Lebedev on 9 February 2021. URL: https://legal.report/wp-content/uploads/2021/02/prezentaciya-k-dokladu-09_02_2021_-szhatyj.pdf (date of the application: 21.06.2023). (In Russ.)
7. Ramazanov I. The Turning Point in Favor of Competition. *Criminal Trial*, 2021, no. 4. (In Russ.)
8. Bykov V. M. Actual Problems of Criminal Proceedings. Kazan: Poznanie, 2008. (In Russ.)
9. Belokylskii M. S., Gurtovenko E. S. Protection During the Consideration of a Case in a Special Order of Trial: Features of Tactics and Ethics. *Lawyer*, 2010, no. 2. (In Russ.)
10. Karetnikov A. Is There a Need for a Special Procedure for Judicial Review of Criminal Cases against Persons Who Have Concluded a Pre-Trial Cooperation Agreement? *Legality*, 2013, no. 10. (In Russ.)
11. Burnham W. Introduction to the Law and Legal System of the United States. St. Paul, MN: West Academic Publishing, 2002.
12. Budnikov V. L. The Accused's Confession of His Guilt Is Not Proof. *Russian Justice*, 2007, no. 4. (In Russ.)
13. Bursakova M. S., Shamardin A. A. On the Legal Nature of the Special Procedure of Judicial Proceedings and the Problems of Its Improvement. *Russian Judge*, 2005, no. 10. (In Russ.)
14. Khromova N. M. The Principle of Presumption of Innocence in a Special Procedure of Judicial Proceedings. *Journal of Russian Law*, 2013, no. 6. (In Russ.)
15. Kornakova S. V. Some Judgments about the Imperfection of the Norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation Concerning the Admission of Guilt to the Accused. *Siberian Criminal Procedural and Criminalistic Readings*, 2019, no. 4 (26). (In Russ.)
16. Mikheenkova M. A. Proofs and Proving: Positions of the Supreme Courts of the Russian Federation and the ECHR. *Criminal Procedure*, 2014, no. 3 (111). (In Russ.)
17. Novikov S. A. Own Confession of Guilt – "Regina Probationum" of the Modern Criminal Process. *Bulletin of the Criminalist*, 2015, iss. 2. (In Russ.)

18. *Mishchenko E. V., Kornakova S. V., Mishin V. V.* Application of Conciliation Procedures in the CIS Countries: Comparative Legal Analysis. *Actual Problems of Russian Law*, 2020, vol. 15, no. 4 (113). (In Russ.)

19. The Supreme Court Summed up the Work of the Courts for 2020. URL: <https://pravo.ru/story/229410/> (date of the application: 21.06.2023). (In Russ.)

20. Cassation Ruling of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 6 October 2011 in case No. 2-3/11. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/vvM5b9g6LnZl/> (date of the application: 21.06.2023). (In Russ.)

21. *Demidov V.* Some Issues of the Application of a Special Procedure of Judicial Proceedings. *Russian Justice*, 2003, no. 4. (In Russ.)

22. *Petrukhin I. L.* Conceptual Foundations of Criminal Justice Reform. *State and Law*, 2002, no. 5. (In Russ.)

23. *Kornakova S. V., Shcherbakov V. A.* Problems of Implementing the Principle of Justice in Russian Criminal Proceedings. Moscow: Iurlitinform, 2019. (In Russ.)

24. *Kornakova S. V.* Logic of Criminal Procedural Proof. *Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2014, no. 2(28). (In Russ.)

Сведения об авторе:

А. А. Погорельский – старший преподаватель.

Information about the author:

A. A. Pogorelsky – Senior Lecturer.

Статья поступила в редакцию 28.06.2023; одобрена после рецензирования 10.07.2023; принята к публикации 05.02.2024.

The article was submitted to the editorial office 28.06.2023; approved after reviewing 10.07.2023; accepted for publication 05.02.2024.

Оказание бесплатной юридической помощи
и правовое просвещение населения. Юридическое образование.
Рекомендации практикующих юристов

Научная статья

УДК 340.68

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-170-178>

ИЗГОТОВЛЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ МЕДИЦИНСКИХ ИЗДЕЛИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ 3D-ПЕЧАТИ

Андрей Александрович Ушаков

Общество с ограниченной ответственностью «Медтэк», 119421,

Россия, Москва, ул. Новаторов, д. 6

Ushakov@medtechcis.com

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные вопросы правового регулирования 3D-печати индивидуальных медицинских изделий. Автор ставит задачу о необходимости выявления особенностей рассматриваемых отношений в целях, как совершенствования правового регулирования, так и возможности использования существующих правовых институтов. Спецификой исследуемых в статье правоотношений является, особый объект – индивидуальное медицинское изделие. Автор путем анализа действующего законодательства и научной литературы выявил особенности установления обязательных требований к таким изделиям и их влияние на договорное регулирование.

Ключевые слова: 3D-печать; медицинские изделия; договор подряда; государственная регистрация медицинских изделий; техническое регулирование.

Для цитирования: Ушаков А. А. Изготовление индивидуальных медицинских изделий с использованием 3D-печати // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 1. С. 170–178. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-170-178>

Research Article

MANUFACTURING OF CUSTOMIZED MEDICAL DEVICES USING 3D PRINTING

Andrey A. Ushakov

Medtek Limited Liability Company, 6 Novatorov St., Moscow, 119421, Russia
Ushakov@medtechcis.com

Abstract

The article discusses current issues of legal regulation of 3D printing of individual medical products. The author poses the problem of the need to identify the features of the relations under consideration in order to both improve legal regulation and the possibility of using existing legal institutions. The specificity of the legal relations studied in the article is a special object – an individual medical device. The author, by analyzing the current legislation and scientific literature, identified the features of establishing mandatory requirements for such products and their impact on contractual regulation.

Keywords: 3D printing; medical products; contract agreement; state registration of medical products; technical regulation.

For citation: *Ushakov A. A. Manufacturing of Customized Medical Devices Using 3D Printing. Herald of the Russian Law Academy, 2024, no. 1, pp. 170–178. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-170-178>

Введение

В современном мире стремительно развиваются технологии, которые активно применяются различных сферах общественной жизни. Технологии, которые несколько десятков лет назад выглядели как научная фантастика в настоящий момент стали реальностью. Автоматизация и роботизация многих сфер экономики позволила значительно увеличить производительность труда и снять нагрузку с человека, а также решить многие проблемы человечества, в том числе и в сфере здравоохранения. Одной из таких технологий является 3D-печать, т.е. трехмерная печать, с помощью которой создаются объемные предметы. «3D-печать, или аддитивное производство, в общем виде представляет собой собирательный термин для обозначения группы технологических методов производства изделий и прототипов, основанных на создании требуемого объекта с использованием трехмерной модели, полученной в системах автоматизированного проектирования» [1, с. 121].

В специальной литературе отмечается, что «3D-печать (от англ. *Three-Dimensional Printing Technology*) порождает серьезные вызовы правовой системе, которая значительно отстает в своем развитии» [2, с. 60]. Действительно, появление любых технологически новых явлений ставит вопрос об их правовом регулировании. Наверное, наиболее очевидным решением возникающих в правоприменительной практике проблем является, развитие законодательства и принятия специальных правовых актов, однако правотворческий процесс достаточно сложен и продолжителен по времени, что ставит перед правоприменителями необходимость оценки правовых явлений с точки зрения уже существующих правовых институтов. Например, в свое время перед судами встал вопрос об оценке криптовалюты с точки зрения объектов гражданского права и суды пришли к выводу, что криптовалюта относится к иному имуществу [3]. Данный пример демонстрирует, что суды и иные органы, осуществляющие правоприменение, не могут сослаться на отсутствие соответствующих норм, им необходимо принять решение исходя из действующего правового регулирования.

1. Общая характеристика правоотношений с использованием 3D-печати

Если смотреть, на складывающиеся при изготовлении изделий путем 3D-печати правоотношения, то с точки зрения гражданского законодательства их можно квалифицировать как подрядные. В силу ст. 702 ГК РФ по договору подряда одна сторона (подрядчик) обязуется выполнить по заданию другой стороны (заказчика) определенную работу и сдать ее результат заказчику, а заказчик обязуется принять результат работы и оплатить его. Тем самым конструкция договора подряда предполагает изготовление по индивидуальному заданию определенной вещи. В правоприменительной практике при разрешении вопросов о разграничении договора подряда с иными договорами подчеркивается, что по договору подряда разрабатывается и изготавливается индивидуально-определенная вещь в соответствии с потребностями, определяемыми заказчиком в техническом задании или ином документе [4]. Тем самым в случае заказа на изготовление определенного изделия путем 3D-печати должны применяться положения гражданского кодекса о договоре подряда.

Как показывает действительность, сфера 3D-печати постоянно расширяется, в том числе используется в медицинской сфере. Очевидно, что правовое регулирование использования таких технологий, а такой социально значимой сфере как медицина не может ограничиваться только положениями ГК РФ о договоре подряда, требуется дополнительное регулирование с целью обеспечения безопасности таких изделий.

2. Изготовление медицинских изделий путем 3D-печати

Одним из направлений использования 3D-печати в медицине является изготовление медицинских изделий. Правовое регулирование отношений по поводу изготовления и введения в гражданский оборот медицинских изделий достаточно обширна, как на международном [5], так и на внутригосударственном уровне [6; 7]. Однако на данный момент в отечественном законодательстве отсутству-

ют специальный акты, регулирующие изготовление медицинских изделий путем 3D-печати, соответственно, возникает потребность выявить правовые проблемы и предложить их решение, которые возникают в данной сфере, руководствуясь имеющимися правовыми актами.

Легальное определение медицинского изделия закреплено в ст. 38 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – Закон об основах охраны здоровья граждан), согласно которому медицинскими изделиями являются любые инструменты, аппараты, приборы, оборудование, материалы и прочие изделия, применяемые в медицинских целях отдельно или в сочетании между собой, а также вместе с другими принадлежностями, необходимыми для применения указанных изделий по назначению. Схожее определение содержится и в Соглашении о единых принципах и правилах обращения медицинских изделий (изделий медицинского назначения и медицинской техники) в рамках Евразийского экономического союза.

Специфика медицинских изделий состоит в том, что это особый объект гражданских прав, который подчинен специальному правовому режиму. Необходимость специального публичного регулирования обращения медицинских изделий обусловлена их особой значимостью и возможностью влияния на здоровье человека и, следовательно, повышенные риски причинения вреда. В научной литературе отмечается, что повышенные требования к медицинским изделиям связаны с недопущением снижения уровня безопасности в сфере здравоохранения и фармацевтической деятельности [8, с. 16]. Так, в ч. 3 ст. 38 Закона об основах охраны здоровья граждан сказано, что обращение медицинских изделий включает в себя технические испытания, токсикологические исследования, клинические испытания, экспертизу качества, эффективности и безопасности медицинских изделий, их государственную регистрацию, производство, изготовление, ввоз на территорию РФ, вывоз с территории РФ, подтверждение соответствия, хранение, транспортировку, реализацию, монтаж, наладку, применение, эксплуатацию, в том числе техническое обслуживание, предусмотренное нормативной, технической и (или) эксплуатационной документацией производителя (изготовителя), а также ремонт, утилизацию или уничтожение. Как видно из вышеприведенного положения, государство осуществляет тщательный контроль за обращением медицинских изделий и устанавливает целый комплекс мер, направленных на обеспечение качества и безопасности медицинских изделий, в том числе и их государственную регистрацию. Таким образом, данные требования должны предъявляться к изготовлению и обращению медицинских изделий, созданных с помощью 3D-печати.

При этом для выявления особенностей обращения медицинских изделий необходимым представляется более подробно остановиться на требованиях к их обращению.

Анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод, что медицинские изделия подразделяются на серийные и индивидуальные, такая классификация прямо в законодательстве не отражена, но вытекает из различного правового режима, установленного для индивидуальных медицинских изделий и серийных.

Так, к примеру, в силу ст. 11 Соглашения «О единых принципах и правилах обращения медицинских изделий (изделий медицинского назначения и медицинской техники) в рамках Евразийского экономического союза» [5] не подлежат регистрации медицинские изделия которые изготовлены на территории государства-члена по индивидуальным заказам пациентов исключительно для личного пользования и к которым предъявляются специальные требования в соответствии с назначением, выданным медицинским работником. В ст. 38 Закона об основах охраны здоровья граждан данное положение уточняется и индивидуальные медицинские изделия не подчиняются требованию об обязательной государственной регистрации.

К серийным медицинским изделиям применяются совершенно иные требования. Постановление Правительства РФ от 3 апреля г. 2020 № 430 «Об особенностях обращения медицинских изделий, в том числе государственной регистрации серии (партии) медицинского изделия» говорит, прежде всего, о государственной регистрации именно серийных медицинских изделий.

3. Особенности изготовления индивидуальных медицинских изделий путем 3D-печати

Принципиальным отличием индивидуальных медицинских изделий является то, что они изготавливаются в единичном экземпляре по назначению медицинского работника. Отсутствие свойства массовости, видимо, предопределяет такой подход к правовому регулированию и установлению меньших требований. Задача регистрации медицинского изделия преследует цель создания единого контрольного образца, на основании которого будет осуществляться массовое производство. Относительно индивидуальных изделий целесообразность такой процедуры отсутствует, так как изделие изготавливается в одном экземпляре по уникальным параметрам.

В целом особый контроль именно за массовым оборотом свойственен отечественному правовому регулированию, например, п. 4 ст. 469 ГК РФ предусматривает, что если законом или в установленном им порядке предусмотрены обязательные требования к качеству продаваемого товара, то продавец, осуществляющий предпринимательскую деятельность, обязан передать покупателю товар, соответствующий этим обязательным требованиям. Тем самым данная норма предполагает именно ограничение обращения товаров, поскольку предполагается, что субъект предпринимательской деятельности, осуществляет массовое введение товаров в оборот, что и обуславливает необходимость неукоснительного соблюдения обязательных требований, так как попадание партии товаров, не соответствующих требованиям в оборот, может повлечь значительный ущерб. Разовые сделки, как правило, выводятся из-под действия дополнительного публичного регулирования.

Можно констатировать, что к изготовлению индивидуальных медицинских изделий, в том числе и путем 3D-печати предъявляется гораздо меньше требований, чем к изготовлению серийных моделей. С одной стороны такая ситуация обусловлена невозможностью реализации той же схемы контроля, которая характерна для серийных моделей, в другой стороны сфера изготовления индивидуальных изделий не должна оставаться без контроля государства.

4. Контроль за изготовлением индивидуальных медицинских изделий

Безусловно, нельзя сказать, что контроль за изготовлением индивидуальных изделий не осуществляется. Можно отметить наличие требований к программам, с помощью которых осуществляется изготовление медицинских изделий, поскольку такие программы приравниваются к медицинским изделиям, указанные требования установлены приказом Минздрава России от 6 июня 2012 г. № 4н «Об утверждении номенклатурной классификации медицинских изделий», а также подтверждаются письмом Росздравнадзора от 13 февраля 2020 г. № 02И-297/20 «О программном обеспечении». Тем самым изготовление индивидуальных медицинских изделий должно осуществляться исключительно с использованием компьютерной программы, прошедшей обязательную государственную регистрацию.

Также стоит отметить определенный прогресс в части регулирования изготовления медицинских изделий, который произошел в последние годы. В 2022 г. было принято постановление Правительства РФ от 9 февраля 2022 г. № 136 «Об утверждении требований к внедрению, поддержанию и оценке системы управления качеством медицинских изделий в зависимости от потенциального риска их применения». В п. 7 указанного Постановления предусмотрено, что «производители медицинских изделий, которые изготовлены по индивидуальным заказам пациентов, к которым предъявляются специальные требования по назначению медицинских работников, предназначенных для имплантации в тело человека, в течение одного года со дня вступления в силу настоящих требований должны внедрить систему управления качеством медицинских изделий, включающую процессы проектирования и разработки медицинских изделий».

Кроме того, дополнительные меры контроля за производителями медицинских изделий установлены в постановлении Правительства РФ от 9 февраля 2022 г. № 135 «Об утверждении Правил организации и проведения инспектирования производства медицинских изделий на соответствие требованиям к внедрению, поддержанию и оценке системы управления качеством медицинских изделий в зависимости от потенциального риска их применения». В п. 5 приведенного акта предусмотрено ведение уполномоченным органом реестра организаций, осуществляющих производство медицинских изделий, которые изготовлены по индивидуальным заказам пациентов и к которым предъявляются специальные требования по назначению медицинских работников.

В соответствии с п. 6 указанного акта осуществление деятельности по изготовлению медицинских изделий по индивидуальным заказам пациентов, к которым предъявляются специальные требования по назначению медицинских работников, предназначенных для имплантации в тело человека, без внесения сведений в реестр организаций с 1 января 2024 г. не допускается [9].

Приведенные нормативно-правовые акты демонстрируют, что государство предпринимает попытки к установлению повышенных требований к субъектам, осуществляющим изготовление медицинских изделий. Такой ход законодателя можно оценить исключительно положительно, так как право на изготовление медицинских изделий должно предоставляться только тем организациям, которые соответствуют определенному набору требований.

Безусловно, данные меры направлены на упорядочение отношений в сфере изготовления индивидуальных медицинских изделий, однако они не решили всех существующих проблем и прежде всего не определили порядок создания индивидуальных медицинских изделий, технические требования к порядку изготовления и связанным с ним процессам. Разрешение данного вопроса осложняется именно индивидуальным характером медицинских изделий, который усложняет возможность формирования унифицированного подхода. Однако индивидуальный характер медицинских изделий не исключает возможности установления единых технических требований к материалам, из которых изготавливаются индивидуальные медицинские изделия, к программному обеспечению, а также к процессам, связанным с их изготовлением и лицам, выполняющим данные работы.

Особый объект правоотношений по изготовлению индивидуальных медицинских изделий путем 3D-печати, обуславливает специфику регулирования таких отношений и установление к ним обязательных требований нормами публичного права. Однако нельзя оставлять без внимания и частноправовой аспект данных отношений, поскольку изготовление медицинских изделий осуществляется на основании договора, а процесс изготовления фактически представляет собой исполнение договора. Тем самым те требования, которые устанавливает государство относительно изготовления, представляют собой требования к порядку исполнения договора.

Заключение

Анализ вышеприведенных положений демонстрирует, что договор подряда на изготовление индивидуальных медицинских изделий путем 3D-печати обладает существенной спецификой, во-первых, необходимо отметить особый субъектный состав, так как с недавнего времени к изготовителям индивидуальных медицинских изделий применяются повышенные требования, они должны быть включены в специальный реестр, на основании инспектирования. Во-вторых, действуют особые требования к исполнению договора, а именно, использованию только тех программ для ЭВМ, которые прошли государственную регистрацию, поскольку такие программы рассматриваются также в качестве медицинского изделия. В-третьих, можно отметить и сам способ исполнения, поскольку 3D-печать осуществляет производство изделия фактически без участия человека. Тем самым правовое регулирование сочетает в себе совокупность как частных, так и публичных норм.

Несмотря на сделанные выводы, правовое регулирование отношений по созданию медицинских изделий путем 3D-печати находится на начальном этапе развития, поскольку многие вопросы требуют своего дальнейшего осмысления. Так требует более детального исследования влияние самой технологии изготовления на правовое регулирование договорных отношений. Необходимо дальнейшее совершенствование технического регулирования, в том числе установление единых требований к порядку изготовления индивидуальных медицинских изделий путем 3D-печати.

Пристатейный библиографический список

1. Чурилов А. Ю. Интеллектуальная собственность в эпоху трехмерной печати // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 3.
2. ШUTOVA A. A. 3D-биопринтинг : этико-правовой аспект // Безопасность бизнеса. 2022. № 4.
3. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15 августа 2019 г. № Ф05-8713/2017 по делу № А40-12639/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 20 декабря 2022 г. № Ф07-20102/2022 по делу № А56-51850/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Соглашение о единых принципах и правилах обращения медицинских изделий (изделий медицинского назначения и медицинской техники) в рамках Евразийского экономического союза (заключено в г. Москве 23 декабря 2014 г.) // СЗ РФ. 2016. № 20. Ст. 2775.
6. Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1416 «Об утверждении Правил государственной регистрации медицинских изделий» // СЗ РФ. 2013. № 1. Ст. 14
7. Постановление Правительства РФ от 30 июня 2021 г. № 1066 «О федеральном государственном контроле (надзоре) за обращением медицинских изделий» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. 3). Ст. 5442.
8. Травина О. В. Сертификация. О контроле за качеством товаров и услуг // Право и экономика. 2012. № 8.
9. Письмо Росздравнадзора от 29 марта 2023 г. № 01и-191/23 «О деятельности по производству медицинских изделий, которые изготовлены по индивидуальным заказам пациентов» // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Churilov A. Iu. Intellectual Property in the Era of Three-Dimensional Printing. *Actual Problems of Russian Law*, 2020, no. 3. (In Russ.)
2. Shutova A. A. 3D Bioprinting: Ethical and Legal Aspect. *Business Security*, 2022, no. 4. (In Russ.)
3. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of 15 August 2019 No. F05-8713/2017 in case No. A40-12639/2016 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
4. Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District of 20 December 2022 No. F07-20102/2022 in case No. A56-51850/2021 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
5. Agreement on Common Principles and Rules for the Circulation of Medical Devices (Medical Devices and Medical Equipment) within the Framework of the Eurasian Economic Union (concluded in Moscow on 23 December 2014). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2016, no. 20, art. 2775. (In Russ.)
6. Decree of the Government of the Russian Federation of 27 December 2012 No. 1416 "On Approval of the Rules for State Registration of Medical Devices". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2013. No. 1, art. 14. (In Russ.)

7. Decree of the Government of the Russian Federation of 30 June 2021 No. 1066 "On Federal State Control (Supervision) over the Circulation of Medical Devices". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2021, no. 27 (part 3), art. 5442. (In Russ.)

8. *Travina O. V.* Certification. On Quality Control of Goods and Services. *Law and Economics*, 2012, no. 8. (In Russ.)

9. Letter of Roszdravnadzor of 29 March 2023 No. 01i-191/23 "On Activities for the Production of Medical Devices That Are Made According to Individual Orders of Patients" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

Сведения об авторе:

А. А. Ушаков – генеральный директор.

Information about the author:

A. A. Ushakov – General Director.

Статья поступила в редакцию 21.12.2023; одобрена после рецензирования 10.01.2024; принята к публикации 05.02.2024.

The article was submitted to the editorial office 21.12.2023; approved after reviewing 10.01.2024; accepted for publication 05.02.2024.

Научная статья

УДК 323.1

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-179-190>

ПРАВОВЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «НАЦИОНАЛЬНОЕ МЕНЬШИНСТВО» В МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ АКТАХ

Валерия Захаровна Тарова

Пензенский государственный университет, 440026, Россия,
г. Пенза, ул. Красная, д. 40

zahar48@bk.ru

Аннотация

В настоящее время этнический фактор становится объектом пристального внимания государства и общества. Развитие современной России происходит под влиянием двух противоположных тенденций. С одной стороны, глобализационные процессы, создающие условия взаимозависимости государств, их более глубокой интеграции, с другой – углубление этнического самосознания, желание сохранить и преумножить свою историческую и культурную самобытность. В действующем законодательстве Российской Федерации легальное понятие «национальное меньшинство» до сих пор не сформировано. Его отсутствие создает проблемы правовой защиты лиц, принадлежащих к таким меньшинствам. Для выработки оптимальных подходов к формированию понятия «национальное меньшинство» необходимо обратиться к международно-правовому опыту в решении этого вопроса. Этим и обуславливается актуальность темы представленного исследования. Целью настоящего исследования является изучение правовых подходов к определению понятия «национальное меньшинство» в международно-правовых актах. Методология исследования включает общенаучные методы изучения закономерностей возникновения, становления и развития правовых явлений, в их взаимодействии со сравнительно-правовым, структурно-логическим, формально-юридическим методами и методами системного анализа и дедукции. В представленной работе автором подробно анализируются подходы к определению понятия «национальное меньшинство» в ключевых международных стандартах ООН, исследуется европейское международное законодательство и критерии, положенные им

в основу рассматриваемого определения, а также существующие дискуссии. Отмечается проблема выработки единого понятия «национальное меньшинство» в документах ООН и Совета Европы в силу использования различных подходов к определению оснований, по которым группа, считающая себя меньшинством, может приобрести подобный статус.

Ключевые слова: национальное меньшинство; правовой статус; национально-культурная автономия; этническая общность; коренные малочисленные народы.

Для цитирования: *Тарова В. З.* Правовые подходы к определению понятия «национальное меньшинство» в международно-правовых актах // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 1. С. 179–190. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-179-190>

Research Article

LEGAL APPROACHES TO THE DEFINITION OF THE CONCEPT OF “NATIONAL MINORITY” IN INTERNATIONAL LEGAL ACTS

Valeria Z. Tarova

Penza State University, 40 Krasnaia St., Penza, 440026, Russia
zahar48@bk.ru

Abstract

Currently, the ethnic factor is becoming the object of close attention of the state and society. The development of modern Russia is influenced by two opposite trends. On the one hand, globalization processes that create conditions for the interdependence of States and their deeper integration, on the other – the deepening of ethnic identity, the desire to preserve and enhance their historical and cultural identity. In the current legislation of the Russian Federation, the legal concept of “national minority” has not yet been formed. Its absence creates problems of legal protection for persons belonging to such minorities. In order to develop optimal approaches to the formation of the concept of “national minority”, it is necessary to turn to international legal experience in solving this issue. This determines the relevance of the topic of the presented research. The purpose of this study is to study legal approaches to the definition of the concept of “national minority” in international legal acts. The research methodology includes general scientific methods for studying the patterns of occurrence, formation and development of legal phenomena, in their interaction with comparative legal,

structural-logical, formal-legal methods and methods of system analysis and deduction. In the presented work, the author analyzes in detail the approaches to the definition of the concept of “national minority” in the key international standards of the United Nations, examines European international legislation and the criteria underlying the definition under consideration, as well as existing discussions. The problem of developing a single concept of “national minority” in UN and Council of Europe documents is noted due to the use of different approaches to determining the grounds on which a group that considers itself a minority can acquire such a status.

Keywords: national minority; legal status; national and cultural autonomy; ethnic community; indigenous peoples.

For citation: Tarova V. Z. Legal Approaches to the Definition of the Concept of “National Minority” in International Legal Acts. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 1, pp. 179–190. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-179-190>

Введение

Российская Федерация как исторически сложившееся многонациональное государство в качестве основных конституционных гарантий провозгласила обеспечение прав и законных интересов коренных и малочисленных народов, культурную самобытность всех этнических общностей и народов, сохранение этнокультурного и языкового многообразия (ст. 69 Конституции РФ) [1]. Повышенный интерес государства к проведению взвешенной национальной политики, обусловлен необходимостью обеспечения национальной безопасности России и сохранения ее территориальной целостности. Достичь этого возможно лишь при наличии межнационального мира и гражданского согласия в многонациональном российском обществе.

В настоящее время в России проживает более 190 народов, среди которых коренные малочисленные и автохтонные народы. По итогам переписи населения 2021 г. в число наиболее крупных народов помимо русских вошли татары, чеченцы, башкиры, чувашы, аварцы, армяне, украинцы, даргинцы и казахи [2].

В Российской Федерации используются 277 языков и диалектов, в государственной системе образования используются 89 языков, из них 30 – в качестве языка обучения, 59 – в качестве предмета изучения [3, с. 8–9].

Происходящие сегодня как международные, так и внутригосударственные процессы, связанные с межэтническими конфликтами, подняли целый ряд проблем, касающихся межнациональных отношений. Все более отчетливо в последнее время стали наблюдаться негативные тенденции проявления национализма, экстремизма, ксенофобии, дискриминации по национальному признаку, нарушения национального равноправия. Поэтому первоочередной задачей, стоящей перед государством, является налаживание межнационального согласия в целях обеспечения безопасности страны в сфере национальной политики, а также создания условий свободного национального развития и сохранения национально-культурной самобытности каждого человека.

Неотъемлемой составляющей национальной политики России является проблема обеспечения прав и законных интересов коренных и малочисленных народов, этнических общностей и национальных меньшинств. Российское законодательство, за исключением Конституции РФ, практически не содержит дефиниции «национальное меньшинство», что обуславливает неопределенность в правовом регулировании и создает необходимость научного осмысления данного понятия.

В соответствии со ст. 15 Конституцией РФ общепризнанные принципы и нормы международного права являются неотъемлемой частью правовой системы России. При выработке понятия «национальное меньшинство» в российском законодательстве необходимо опираться на существующие международно-правовые подходы к его определению. В настоящей статье мы постараемся проанализировать их для формирования представления о том, какие базовые критерии должны быть положены в основу рассматриваемого понятия.

1. Понятие «национальное меньшинство» в международных стандартах ООН

В международных стандартах прав человека регулирование прав национальных меньшинств и сама дефиниция «национальное меньшинство» трактуется по-разному. Проблемы формирования общепризнанного определения рассматриваемого понятия, обусловлены разнообразием факторов, лежащих в основе возникновения меньшинств. Отсюда возникает и множество различных подходов, основанных либо на исторических предпосылках возникновения меньшинства, либо на развитом чувстве самобытности группы, либо на географических особенностях территории их проживания и т.п.

Международно-правовые нормативные акты обязательного характера, такие как Всеобщая декларация прав человека (1948 г.), Конвенция ООН о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (1948 г.) Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.), Международный пакт о экономических, социальных и культурных правах (1966 г.), Международная Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1966 г.), Декларация ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (1992 г.), и др. закрепляют положения, регулирующие отдельные права национальных меньшинств. При этом понятие «национальное меньшинство» в перечисленных документах не применяется, а используется деление меньшинств на религиозные, языковые и этнические.

В Декларации ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (принята Генеральной Ассамблеей в резолюции 47/135 от 18 декабря 1992 г.) [4, с. 90–94] в ст. 1 меньшинства определяются как самобытные национальные или этнические, культурные, религиозные или языковые группы, наличие которых обязывает государство охранять их интересы и само существование. При этом критериев отнесения лиц к тому или иному меньшинству в документе не приводится.

Международный пакт о гражданских и политических правах, не определяя понятие национального меньшинства, в ст. 27 закрепляет положение о том, что ли-

цам, которые принадлежат к религиозным, языковым или этническим меньшинствам (при условии, что в стране таковые имеются) «не может быть отказано в праве совместно с другими членами той же группы пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять ее обряды, а также пользоваться родным языком» [5].

В упомянутой Конвенция ООН о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (1948 г.) понятия «национальное меньшинство» также не используется, а в ст. 2 употребляется формулировка «национальные, этнические, расовые и религиозные группы» [6].

В 1977 г. Специальный докладчик Подкомиссии ООН по предупреждению дискриминации и защите меньшинств Ф. Капоторти сформулировал определение, согласно которому меньшинство – это «группа меньшей численности по сравнению с остальной частью населения государства, занимающую не доминирующее положение, члены которой, являясь гражданами государства, имеют этнические, религиозные или языковые особенности, отличные от особенностей остальной части населения, и проявляют, хотя бы только имплицитно, чувство солидарности, имеющее целью сохранить их культуру, традиции, религию или язык» [7, с. 2]. В приведенном определении Ф. Капоторти выделил ряд критериев, по которым некая общность людей может считаться меньшинством, а именно – гражданство и не доминирующее положение группы. При этом гражданство рассматривается как неочевидный критерий. Кроме отдельных объективных критериев, таких которые были предложены в вышеприведенном определении, используются и субъективные критерии, как, например, «стремление членов таких групп сохранить свои характерные особенности и желание таких индивидов считаться членами такой группы» [8, с. 3].

Таким образом, под меньшинством, в том смысле, в котором этот термин используется в системе ООН, понимаются, исходя из положений Декларации ООН о правах меньшинств, этнические, национальные, языковые или религиозные меньшинства, которым присуща их специфическая идентичность, отличающаяся от идентичности большинства населения страны. Кроме того, юридически обязательные международные документы в области прав человека не сформировали единообразного понятия «национальное меньшинство», а также оставили открытым вопрос о приоритетности понятий «национальное меньшинство» или «этническое меньшинство».

2. Европейский подход к определению понятия «национальное меньшинство»

Европейский подход к закреплению прав национальных меньшинств и определению их понятия выразился, в первую очередь, в Документе Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ 1990 г. [9] (далее – Документ Копенгагенского совещания). В нем в п. 32 отмечается, что «принадлежность лица к национальному меньшинству является предметом его личного выбора, и никакие неблагоприятные последствия не могут возникать из осуществления такого выбора» [9]. По мнению экспертов, проводивших исследование по вопро-

сам национальных меньшинств, Документ Копенгагенского совещания явился первым шагом Европы на пути «признания важной роли национальных меньшинств и их статуса в качестве равноправных членов общества» [10].

Документ Копенгагенского совещания послужил основой для принятия целого ряда актов ОБСЕ, в частности многочисленных рекомендаций Верховного Комиссара по делам национальных меньшинств, среди которых можно назвать: Гаагские рекомендации о правах национальных меньшинств на образование 1996 г. [11], Ословские рекомендации о правах национальных меньшинств в области языка 1998 г. [12], Лундские рекомендации об эффективном участии национальных меньшинств в общественно-политической жизни 1999 г. [13], Варшавские рекомендации, способствующие участию национальных меньшинств в избирательном процессе 2001 г. [14], Рекомендации по использованию языков меньшинств в телерадиовещании 2003 г. [15], Рекомендации по вопросам полицейской деятельности в многонациональном обществе 2006 г. [16], Больцанские рекомендации о национальных меньшинствах в межгосударственных отношениях 2008 г. [17] и Люблянские рекомендации по интеграции разнообразных обществ 2012 г. [18] В перечисленных документах нашли свое дальнейшее развитие права национальных меньшинств, провозглашенные в Документе Копенгагенского совещания. При этом ни в одном из них не делается попытка дать общепризнанное определение понятия «национальное меньшинство», что подразумевает свободу выбора каждого государства самостоятельно определять какие именно общности рассматривать в качестве такого меньшинства.

Анализируя законодательство Совета Европы на предмет определения понятия «национальное меньшинство», необходимо отметить, что в нем также отсутствует формулировка общепризнанного термина. В различных рекомендациях Парламентской ассамблеи Совета Европы содержатся не только отдельные принципы закрепления прав меньшинств, но и предпринимается попытка определить критерии, по которым следует их выделять.

В частности, в ст. 11 Рекомендации ПАСЕ № 1134 (1990 г.) «Права меньшинств» национальные меньшинства – это «отдельные группы, четко определенные и обосновавшиеся на территории государства, члены которых являются гражданами этого государства и имеют определенные религиозные, языковые, культурные или иные характеристики, отличающие их от большинства населения» [19].

В Дополнительном протоколе о правах меньшинств к Европейской конвенции о правах человека (Рекомендация 1201 (1993)) отмечается, что в качестве национального меньшинства в государстве рассматривается «группа лиц, которые:

- проживают на территории этого государства и являются его гражданами;
- поддерживают давние, прочные и долговременные связи с этим государством;
- демонстрируют отличительные этнические, культурные, религиозные или языковые характеристики;
- являются достаточно представительными, хотя и меньшими по численности, чем остальное население этого государства или его региона;
- мотивированы стремлением сохранить вместе то, что составляет их общую идентичность, включая их культуру, традиции, религию или язык» [20].

Сравнивая документы ООН и Совета Европы, можно отметить, что они оперируют различной терминологией. В первом случае используется понятие «меньшинство», применительно к религиозным, этническим или языковым группам, а во втором случае уже применяется термин «национальное меньшинство». Причем, как отмечает А. Н. Мочалов, документы Европейского объединения, используя термин «национальное меньшинство», не ограничиваются лишь этническими, языковыми и религиозными группами, а распространяют этот термин на этнические и культурные меньшинства [21]. Таким образом, можно отметить разные подходы к определению понятия «национальное меньшинство» в документах ООН и Европейского Союза, что обусловлено различием взглядов на критерии, лежащие в основе отнесения группы к национальному меньшинству.

При этом необходимо подчеркнуть тот факт, что с точки зрения международного права, фактическое существование какой-либо группы – религиозной, языковой или национальной, еще не свидетельствует о наличии меньшинства, ведь такое признание является прерогативой государства, в котором эта группа существует. В случае, если такое признание со стороны государства отсутствует, группы не будут являться субъектами международно-правовой защиты. По мнению С. А. Дехканова, в международном праве не целесообразно выделять «особые виды меньшинств», а рассматривать под меньшинством любую самобытную группу, характеризующуюся определенными объединяющими критериями [22]. Такой подход, позволит государствам выработать оптимальные условия для придания той или иной самобытной группе статуса меньшинства. С подобной точкой зрения можно согласиться лишь отчасти, если только речь идет о понятии «меньшинство», поскольку для определения понятия «национальное меньшинство» критерий принадлежности к определенному этносу, по нашему мнению, имеет ключевое значение.

Еще одним документом, в котором была предпринята попытка сформулировать определение национального меньшинства, является Конвенция об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам (Москва, 21 октября 1994 г.) [23]. В ст. 1 документа закреплено, что «под лицами, принадлежащими к национальным меньшинствам, понимаются лица, постоянно проживающие на территории одной Договаривающейся Стороны и имеющие ее гражданство, которые по своему этническому происхождению, языку, культуре, религии или традициям отличаются от основного населения данной Договаривающейся Стороны» [23].

Такое широкое понимание содержания термина «национальное меньшинство», которое было применено в упомянутой Конвенции имеет и негативную сторону. Поскольку государствам предоставляется право самостоятельно решать вопрос о признании определенной группы национальным меньшинством, то возможны различные злоупотребления с их стороны. Ярким примером таких злоупотреблений является не признание прибалтийскими государствами статуса национального меньшинства за русскоязычным населением. Надо отметить, что Российская Федерация не ратифицировала Конвенцию 1994 г. в связи с возникшими разногласиями относительно приведенного в ст. 1 определения национального меньшинства, посчитав неприемлемым в нем словосочетание «основное население».

Подобную концепцию широкой трактовки национального меньшинства можно проследить и в Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств Совета Европы от 1 февраля 1995 г. [24]. Не давая определения понятия «национальное меньшинство» в ст. 3 Рамочной конвенции 1995 г. провозглашается свобода выбора любого лица, считающего себя частью меньшинства, «рассматриваться или не рассматриваться как таковое» и этот выбор либо реализация обусловленных им (выбором) прав, никак не должны ущемлять такое лицо. Российская Федерация ратифицировала Рамочную конвенцию 1995 г., но в 2023 г. с целью исключения дискриминационного отношения к РФ в рамках предусмотренного указанной Рамочной конвенцией мониторингового механизма, а также в связи с прекращением членства РФ в Совете Европы был принят Федеральный закон от 19 октября 2023 г. № 500-ФЗ «О денонсации Российской Федерацией Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств»[25].

Заключение

Подводя итоги проведенному в настоящей статье исследованию международно-правовых актов, регулирующих права национальных меньшинств, можно сделать ряд выводов.

Международно-правовые акты ООН и Совета Европы не сформировали единого общепризнанного определения понятия «национальное меньшинство». Отсутствие такого общепризнанного понятия, безусловно, создает определенные трудности в сфере правовой защиты лиц, считающих себя частью самобытной группы, но не является непреодолимым препятствием в ее осуществлении.

Проблема выработки понятия «национальное меньшинство» обусловлена также и тем, что в документах ООН и Совета Европы используются разные подходы к определению оснований, по которым группа, считающая себя меньшинством, может приобрести подобный статус. Это объясняется разнообразием факторов, обуславливающих существование меньшинств, включая исторические, культурные, географические и т.п. Однако при определении национального меньшинства нецелесообразно рассматривать любую самобытную группу, характеризующуюся определенными объединяющими критериями, как это предлагают отдельные исследователи, поскольку критерий принадлежности к определенному этносу, обладающему этническим самосознанием, этнокультурной спецификой, по нашему мнению, имеет ключевое значение.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Результаты переписи населения 2021 : буряты убывают, якуты возрастают // Золотая Орда : сайт. URL: <https://zolord.ru/russia/3249> (дата обращения: 10.01.2024).
3. *Томильцев А. В.* Управление межэтническими отношениями в Российской Федерации : учебное пособие. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2022.

4. Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (принята 18 декабря 1992 г. Резолюцией 47/135 на 92-м пленарном заседании 47-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Действующее международное право. Т. 2. М. : Московский независимый институт международного права, 1997.

5. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

6. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 г.) // The United Nations : сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 10.01.2024).

7. Права меньшинств. Международные стандарты и руководство по их соблюдению (Нью-Йорк и Женева, 2010 г.) // Гендерное равенство и недискриминация в школьном образовании : сайт. URL: http://grn.ripk.kg/library/2/2.7/Права%20меньшинств_%20Международные%20стандарты.pdf (дата обращения: 10.01.2024).

8. Права меньшинств: международные стандарты и руководство по их соблюдению // Refworld : сайт. URL: <https://www.refworld.org/ru/reference/themreport/ohchr/2010/ru/79004> (дата обращения: 10.01.2024).

9. Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ 1990 г. (принят 29 июня 1990 г. 35 государствами – участниками Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации : сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/> (дата обращения: 10.01.2024).

10. Динамика интеграции в странах ОБСЕ : национальные меньшинства и процесс «наведения мостов» : Доклад Европейского центра по вопросам меньшинств (Фленсбург, 2016 г.) // The European Centre for Minority Issues (ECMI) : сайт. URL: https://www.ecmi.de/fileadmin/user_upload/FINAL_OSCE_REPORT.pdf (дата обращения: 10.01.2024).

11. Гагские Рекомендации по правам национальных меньшинств на образование (октябрь 1996 г.) // Параграф : сайт. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1038419 (дата обращения: 10.01.2024).

12. Ословские рекомендации о правах национальных меньшинств в области языка (февраль 1998 г.) // Параграф : сайт. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1049871 (дата обращения: 10.01.2024).

13. Лундские рекомендации об эффективном участии национальных меньшинств в общественно-политической жизни (сентябрь 1999 г.) // Параграф : сайт. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=105088 (дата обращения: 10.01.2024).

14. Рекомендации, способствующие участию национальных меньшинств в избирательном процессе (Варшава, январь 2021 г.) // Параграф : сайт. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/c/8/32352.pdf> (дата обращения: 10.01.2024).

15. Рекомендации по использованию языков меньшинств в телерадиовещании (разработаны и приняты 10 октября 2003 г. международной группой экспертов под эгидой Верховного комиссара ОБСЕ по делам национальных меньшинств,

распространяются Офисом Верховного комиссара) // Параграф : сайт. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1050829 (дата обращения: 10.01.2024).

16. Рекомендации по вопросам полицейской деятельности в многонациональном обществе (ОБСЕ, Верховный комиссар по делам национальных меньшинств, февраль 2006 г.) // Параграф : сайт. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1050829 (дата обращения: 10.01.2024).

17. Большанские Рекомендации о национальных меньшинствах в межгосударственных отношениях (2008 г.) // Параграф : сайт. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31574721&doc_id2=31574721#activate_doc=2&pos=3;-80.5&pos2=3;-80.5 (дата обращения: 10.01.2024).

18. Люблянские рекомендации по интеграции разнообразных обществ (Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, Верховный комиссар по делам национальных меньшинств, ноябрь 2012 г.) // Параграф : сайт. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31570834 (дата обращения: 10.01.2024).

19. Рекомендации ПАСЕ № 1134 (1990 г.) // Parliamentary Assembly of the Council of Europe : сайт. URL: <https://pace.coe.int/en/files/15168/html> (дата обращения: 10.01.2024).

20. Дополнительный протокол о правах меньшинств к Европейской конвенции о правах человека (Рекомендация 1201) (1993 г.) // Parliamentary Assembly of the Council of Europe : сайт. URL: <https://pace.coe.int/en/files/15235/html> (дата обращения: 10.01.2024).

21. *Мочалов А. Н.* Правовое положение национальных меньшинств : обзор некоторых подходов в международном праве // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2017. № 4.

22. *Дехканов С. А.* Международно-правовые аспекты защиты меньшинств : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

23. Конвенция об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам (Москва, 21 октября 1994 г.) // Параграф : сайт. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1010582 (дата обращения: 10.01.2024).

24. Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств (Страсбург, 1 февраля 1995 г.) // The Council of Europe : сайт. URL: <https://rm.coe.int/168007cddc> (дата обращения: 10.01.2024).

25. Федеральный закон от 19 октября 2023 г. № 500-ФЗ «О денонсации Российской Федерацией Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств» // СЗ РФ. 2023. № 43. Ст. 7599.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by Popular Vote on 12 December 1993 with Amendments Approved during the All-Russian Vote on 1 July 2020) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

2. Results of the 2021 Population Census: Buryats Are Decreasing, Yakuts Are Increasing. URL: <https://zolord.ru/Russia/3249> (date of the application: 10.01.2024). (In Russ.)

3. *Tomiltsev A. V.* Management of Interethnic Relations in the Russian Federation: Textbook. Yekaterinburg: Ural University Publishing House, 2022. (In Russ.)

4. Declaration on the Rights of Persons Belonging to National or Ethnic, Religious and Linguistic Minorities (adopted on 18 December 1992 by Resolution 47/135 at the 92nd Plenary Meeting of the 47th Session of the UN General Assembly). In *Current International Law*. Vol. 2. Moscow: Moscow Independent Institute of International Law, 1997. (In Russ.)

5. International Covenant on Civil and Political Rights (adopted on 16 December 1966 by Resolution 2200 (XXI) at the 1496th Plenary Meeting of the UN General Assembly). *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 1994, no. 12. (In Russ.)

6. Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (adopted by Resolution 260 (III) of the UN General Assembly on 9 December 1948). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (date of the application: 10.01.2024). (In Russ.)

7. Minority Rights. International Standards and Guidelines for Their Implementation (New York and Geneva, 2010). URL: http://grn.ripk.kg/library/2/2.7/rights%20minorities_%20international%20standards.pdf (date of the application: 10.01.2024). (In Russ.)

8. Minority Rights: International Standards and Guidance for Their Compliance. URL: <https://www.refworld.org/ru/reference/themreport/ohchr/2010/ru/79004> (date of the application: 10.01.2024). (In Russ.)

9. Document of the Copenhagen Meeting of the Conference on the Human Dimension of the CSCE 1990 (adopted on 29 June 1990 by 35 Participating States of the Conference on Security and Cooperation in Europe). URL: <https://docs.cntd.ru/> (date of the application: 10.01.2024). (In Russ.)

10. Dynamics of Integration in the OSCE Area: National Minorities and Bridge Building: Report of the European Center for Minority Issues (Flensburg, 2016). URL: https://www.ecmi.de/fileadmin/user_upload/final_osce_report.pdf (date of the application: 10.01.2024). (In Russ.)

11. The Hague Recommendations on the Rights of National Minorities to Education (October 1996). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1038419 (date of the application: 10.01.2024). (In Russ.)

12. Oslo Recommendations on the Rights of National Minorities in the Field of Language (February 1998). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1049871 (date of the application: 10.01.2024). (In Russ.)

13. Lund Recommendations on the Effective Participation of National Minorities in Social and Political Life (September 1999). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=105088 (date of the application: 10.01.2024). (In Russ.)

14. Recommendations Promoting the Participation of National Minorities in the Electoral Process (Warsaw, January 2021). URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/c/8/32352.pdf> (date of the application: 10.01.2024). (In Russ.)

15. Recommendations on the Use of Minority Languages in Television and Radio Broadcasting (developed and adopted on 10 October 2003 by an International Group of Experts under the Auspices of the OSCE High Commissioner on National Minorities, Distributed by the Office of the High Commissioner). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1050829 (date of the application: 10.01.2024). (In Russ.)

16. Recommendations on Policing in a Multinational Society (OSCE, High Commissioner on National Minorities, February 2006). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1050829 (date of the application: 10.01.2024). (In Russ.)

17. Bolzano Recommendations on National Minorities in Interstate Relations (2008). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31574721&doc_id2=31574721#activate_doc=2&pos=3;-80.5&pos2=3;-80.5 (date of the application: 10.01.2024). (In Russ.)

18. Ljubljana Recommendations for the Integration of Diverse Societies (OSCE, High Commissioner on National Minorities, November 2012). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31570834 (date of the application: 10.01.2024). (In Russ.)

19. Pace Recommendations No. 1134 (1990). URL: <https://pace.coe.int/en/files/15168/html> (date of the application: 10.01.2024). (In Russ.)

20. Additional Protocol on Minority Rights to the European Convention on Human Rights (Recommendation 1201) (1993). URL: <https://pace.coe.int/en/files/15235/html> (date of the application: 10.01.2024). (In Russ.)

21. *Mochalov A. N. Legal Status of National Minorities: Review of Some Approaches in International Law. Electronic Supplement to the Russian Legal Journal*, 2017, no. 4. (In Russ.)

22. *Dekhkanov S. A. International Legal Aspects of the Protection of Minorities: PhD Thesis*. Moscow, 2010. (In Russ.)

23. Convention on Ensuring the Rights of Persons Belonging to National Minorities (Moscow, 21 October 1994). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1010582 (date of the application: 10.01.2024). (In Russ.)

24. Framework Convention for the Protection of National Minorities (Strasbourg, 1 February 1995). URL: <https://rm.coe.int/168007cddc> (date of the application: 10.01.2024). (In Russ.)

25. Federal Law of 19 October 2023 No. 500-FZ “On the Denunciation by the Russian Federation of the Framework Convention for the Protection of National Minorities”. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2023, no. 43, art. 7599. (In Russ.)

Сведения об авторе:

В. З. Тарова – аспирант.

Information about the author:

V. Z. Tarova – Graduate Student.

Статья поступила в редакцию 15.01.2024; одобрена после рецензирования 16.02.2024; принята к публикации 16.02.2024.

The article was submitted to the editorial office 15.01.2024; approved after reviewing 16.02.2024; accepted for publication 16.02.2024.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-191-201>

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БИОМЕТРИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дмитрий Олегович Хандрыга

Международный юридический институт, 127427, Россия,

г. Москва, ул. Кашенкин Луг, д. 4

Khandryga.dmitry@yandex.ru

Аннотация

В статье исследуются нормативные акты РФ, которые в той или иной степени регулируют категорию «биометрические персональные данные». Анализируются положения Федерального закона «О персональных данных», особое внимание уделено Федеральному закону от 29 декабря 2022 г. № 572, который ознаменовал собой начало комплексной законодательной реформы в отношении категории «биометрические персональные данные». На основе подзаконных актов исследуются функции Правительства РФ, Министерства цифрового развития РФ в сфере совершенствования регулирования биометрических персональных данных. Особое внимание уделено правовому регулированию Единой биометрической системы. Обозначены сильные и слабые стороны в части законодательного сопровождения, проводимой государством реформы.

Ключевые слова: персональные данные; биометрические персональные данные; единая биометрическая система; идентификация физических лиц; государственные услуги.

Для цитирования: *Хандрыга Д. О.* Правовое регулирование биометрических персональных данных в Российской Федерации // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 1. С. 191–201. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-191-201>

Research Article

LEGAL REGULATION OF BIOMETRIC PERSONAL DATA IN THE RUSSIAN FEDERATION

Dmitry O. Khandryga

International Law Institute, 4 Kashenkin Luga St., Moscow,
127427, Russia

Khandryga.dmitry@yandex.ru

Abstract

The article examines the regulatory acts of the Russian Federation, which to one degree or another regulate the category of “biometric personal data”. The provisions of the Federal Law “On Personal Data” are analyzed, special attention is paid to Federal Law No. 572 of 29 December 2022, which marked the beginning of a comprehensive legislative reform in relation to the category of “biometric personal data.” On the basis of by-laws, the functions of the Government of the Russian Federation and the Ministry of Digital Development of the Russian Federation in the field of improving the regulation of biometric personal data are investigated. Special attention is paid to the legal regulation of the Unified Biometric System. The strengths and weaknesses of the legislative support of the reform carried out by the state are outlined.

Keywords: personal data; biometric personal data; Unified biometric system; identification of individuals; public services.

For citation: *Khandryga D. O. Legal Regulation of Biometric personal data in the Russian Federation. Herald of the Russian Law Academy, 2024, no. 1, pp. 191–201. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-191-201>

Введение

С начала XXI в. общественные отношения заметно усложнились в связи с появлением новых средств индивидуализации физических лиц.

Биометрические персональные данные (далее также – биометрия, БПД) – это новое явление среди устоявшихся социальных средств индивидуализации. Если правовое регулирование использования таких социальных средств индивидуализации как паспорт, ИНН, ЭЦП и т.п., уже создано и обладает признаками единой системы, то о правовом регулировании биометрических персональных данных, которые также иногда именуют физиологическими персональными данными, утверждать подобное не представляется возможным.

Законодатель по сей день осуществляет выработку эффективных норм, способных всесторонне раскрыть категорию «биометрические персональные данные». При этом основной целью законодательной деятельности на текущем этапе становления норм о персональных данных является переход к единой системе актов, в той или иной степени регулирующих рассматриваемый способ индивидуализации физических лиц.

1. История становления и развития законодательного регулирования института биометрических персональных данных

С момента первого упоминания о биометрических персональных данных прошло уже около двух десятков лет. Впервые в законодательстве РФ категория «биометрические персональные данные» была упомянута в ч. 2 ст. 7 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» [1]. Акцент в данном законе был сделан на самой возможности записывать на электронные носители информации персональные данные субъекта – владельца заграничного паспорта¹.

В принятом Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [2] статья о БПД была включена в текст акта уже в его первоначальной редакции. В Федеральном законе «О персональных данных» впервые появляется попытка законодателя упорядочить признаки, определяющие специфику персональных данных. В ч. 1 ст. 11 Закона целенаправленно сделан акцент на том, что под категорию «биометрия» подпадают сведения, которые в определенной степени могут охарактеризовать физиологические и биологические особенности конкретного человека. В дальнейшем оператор, используя полученные БПД, может установить личность человека, которому они принадлежат.

В 2006 г., когда Федеральный закон «О персональных данных» был только принят, категория «биометрические персональные данные» трактовалась крайне узко. В качестве наполняющих категорию элементов выступали: радужная оболочка глаз, отпечатки пальцев, голос человека, сведения о его росте, а также иные физиологические и биологические особенности субъекта персональных данных, которые могли быть получены и зафиксированы на соответствующем носителе информации, исходя из возможностей техники и оборудования того периода времени.

Однако сегодня к числу потенциальных биометрических персональных данных некоторые авторы относят, в частности, такие биологические особенности человека, как сведения о строении ДНК, группе крови. Кроме того, предлагается деление всех БПД на две большие категории: статические (анатомические) БПД и динамические (поведенческие) БПД [3]. К первой группе относятся те физиологические признаки индивида, которые обладают признаком постоянства во времени. Это может быть рисунок сетчатки глаза, отпечатки пальцев, геометрия лица, особенности строения скелета и т.д. Ко второй группе, напротив, относятся те физиологические

¹ Часть 2 ст. 7 появилась только после принятия и вступления в силу положений Федерального закона от 21 декабря 2009 г. № 337-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»» (Парламентская газета. 2009. 25–31 дек. № 73-74).

данные, которые в течение жизни человека могут претерпеть существенные изменения и трансформации. Здесь стоит выделить такие динамические (поведенческие) характеристики как голосовую артикуляцию, почерк, мимику, жесты.

Кроме того, некоторые ученые предлагают постоянно расширять в рамках доктрины наполнение категории БПД. Например, предлагается обратить пристальный взор на такую динамическую (поведенческую) характеристику субъекта как клавиатурный почерк, включая особенности использования компьютерной мыши [4]. При развитии биометрических технологий идентификация человека будет возможна по всем упомянутым выше динамическим (поведенческим) характеристикам.

Для достижения позитивного практического эффекта законодатель должен быть всегда на шаг впереди развития биометрических технологий. Уже сегодня стоит задуматься о введении в текст Федерального закона «О Персональных данных» в ст. 11 категорий физиологических БПД. Одно упоминания о том, что БПД могут быть как биологическими, так и физиологическими, уже явно недостаточно. Дробление общих категорий на более мелкие позволит в дальнейшем осуществить законодательную проработку каждой меньшей единицы в отдельности. Каждая категория БПД обладает своими особенностями и, как следствие, требует уникального законодательного подхода к своему раскрытию, не говоря уже о базовых единицах – конкретных видах БПД.

В законодательстве отражено деление БПД на две большие группы. В основе деления лежит критерий цели сбора биометрии у субъектов персональных данных. В зависимости от целевого характера сбора информации выделяют БПД, предназначенные исключительно для цели идентификации физического лица, а также БПД, которые собираются в иных целях (ч.1, 2 ст. 11 Федерального закона «О персональных данных»).

Учитывая всю специфику и многогранность категории «биометрические персональные данные», можно с уверенностью сказать, что ст. 11 Федерального закона «О персональных данных» ни в коей мере не исчерпывает все вопросы, нуждающиеся не только в доктринальной проработке, но и в установлении эффективных механизмов правового регулирования.

В Федеральном законе «О персональных данных» включены общие положения о категории «биометрические персональные данные». В тексте данного закона содержатся ответы на общие вопросы предоставления и обработки персональных данных. Так, без получения письменного согласия субъекта персональных данных обработка БПД по общему правилу не допускается. Исключения составляют случаи обороны государства, а также случаи борьбы с террористическими угрозами, когда обработка БПД может осуществляться без письменного согласия. В тексте Федерального закона «О персональных данных», который должен был быть профильным (специальным) не только по отношению к персональным данным как таковым, но и к БПД, какие-либо иные защитные механизмы и гарантии сохранности БПД отсутствуют. Сразу после начала действия ст. 11 Федерального закона «О персональных данных» у правоприменителя возникло значительное количество практических вопросов, ответы на которые в тексте закона не содержались.

Специальное правовое регулирование, до начала комплексной реформы в сфере защиты БПД, содержалось исключительно в актах Правительства РФ. Особое

значение в рассматриваемый временной период имело постановление Правительства РФ от 6 июля 2008 г. № 512 [5]. В данном акте закреплены требования к материальным носителям БПД, а также к технологиям хранения таких данных вне информационных систем персональных данных. Постановлением Правительства РФ от 6 июля 2008 г. № 512 удалось существенно облегчить задачу правоприменителю в части защиты БПД. При этом стоит отметить, что в период с момента принятия Федерального закона «О персональных данных» до момента принятия постановления Правительства РФ от 6 июля 2008 г. № 512 специальные правила защиты БПД фактически отсутствовали.

2. Комплексная реформа в сфере правового регулирования института биометрических персональных данных

В связи с отсутствием реальных единых механизмов обеспечения сохранности БПД возникла реальная потребность в проведении комплексной реформы с последующей унификацией норм, регулирующих БПД. В 2021 г. на международной онлайн-конференции *Artificial Intelligence (AI) Journey* президент РФ В. В. Путин акцентировал внимание слушателей на острой необходимости не только развития технологий искусственного интеллекта, но и на создании единой системы нормативно-правового регулирования в сфере защиты БПД. Президент подчеркнул, что «личная информация граждан должна храниться в единой государственной системе биометрической идентификации» [6]. Технологический прогресс не должен ущемлять права граждан. Для развития ИТ-технологий должна быть создана соответствующая правовая база. Процесс сбора, хранения, обработки и передачи биометрии должен быть прозрачным и полностью урегулированным нормами права.

Выступление Президента РФ на конференции *Artificial Intelligence (AI) Journey* во многом носило целевой/программный характер. Уже в декабре 2022 г. был принят Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 572-ФЗ [7] (далее – Закон № 572-ФЗ), который ознаменовал собой старт масштабной реформы в сфере правового регулирования БПД в РФ.

В официальном отзыве на законопроект № 211535-8 Правительство РФ отметило, механизм централизации хранения биометрических персональных данных в единой биометрической системе и переход на векторную модель работы иных информационных систем, при которой в них будут содержаться только векторы биометрических персональных данных, полученные из единой биометрической системы, позволит обеспечить надежное хранение и повысить эффективность защиты биометрических персональных данных [8].

С принятием Закона № 572-ФЗ многие положения законов и подзаконных актов, в которых упоминалась категория «биометрические персональные данные» или положения, которые в той или иной степени регулировали рассматриваемую категорию, утратили свою силу.

Комплексная реформа, учитывая положения целевого/программного выступления Президента РФ в 2021 г., должна была создать эффективную единую биометрическую систему (далее – ЕБС). Создание и функционирование ЕБС было предусмотрено еще в ст. 14.1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об

информации, информационных технологиях и о защите информации» [9]. Однако данная статья перестала отвечать текущим общественным и правовым реалиям. В связи с чем, ст. 14.1 с момента принятия Закона № 572-ФЗ, утратила свою силу. В ходе начатой в декабре 2022 г. реформы в сфере БПД правовой статус ЕБС претерпел существенные изменения.

Сегодня для удобства всех субъектов в составе ЕБС могут образовываться региональные сегменты. Категория «региональный сегмент» пронизывает практически весь текст Закона № 572-ФЗ (п. 9, 11 ч. 1 ст. 2; ч. 3, 6, 7, 9 ст.3; ч. 10 ст. 4 и т.д.). Законодатель сознательно делает акцент на возможности создания таких систем и особенностей работы с ними. Предусмотрены обязанности оператора регионального сегмента ЕБС. По общему правилу обработка биометрических персональных данных вне ЕБС запрещена (ст. 15).

Обработка используемых для аутентификации биометрических персональных данных в информационных системах организаций, осуществляющих аутентификацию на основе биометрических персональных данных физических лиц, допускается с использованием векторов ЕБС. При этом необходимо применять организационные и технические меры по обеспечению безопасности персональных данных, а также использовать средства криптографической защиты информации.

Особое внимание стоит обратить на вводимые Законом № 572-ФЗ правила аккредитации организаций, наделенных правами по аутентификации БПД физических лиц (ст. 17). В соответствии с новыми правилами аккредитация осуществляется без ограничения срока. Организации, в отношении которых была прекращена аккредитация, обязаны уничтожить векторы ЕБС, обрабатываемые в их информационных системах, в течение семи рабочих дней после дня прекращения аккредитации.

Предусмотрены рамочные положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в сфере идентификации и аутентификации (ст. 18).

На уровне подзаконных актов с началом ширококомасштабной реформы в сфере правового регулирования БПД также произошли определенные изменения и дополнения. Так, например, постановлением Правительства РФ от 17 марта 2023 г. № 405 [10] была утверждена форма согласия физического лица на размещение его биометрических персональных данных в региональном сегменте ЕБС, а также правила получения такого согласия. Постановление Правительства РФ от 17 марта 2023 г. № 405 вступило в силу с 1 июня 2023 г. и будет действовать до 1 января 2027 г. Анализируя подзаконные акты в свете реформы правового регулирования БПД, нельзя также не отметить новое Положение о федеральном государственном контроле (надзоре) в сфере идентификации и (или) аутентификации, утв. постановлением Правительства РФ от 11 апреля 2023 г. № 585 [11].

В соответствии со ст. 8 Закона № 572-ФЗ Правительство РФ наделено полномочиями по выбору оператора ЕБС, а также в статье указаны требования, которым должна соответствовать организация – оператор ЕБС. В России уже действует «Единая биометрическая система»: ее создал в 2018 году ПАО «Ростелеком» [12]. В период с 2018 до начала 2023 г. ПАО «Ростелеком» провело значительную работу по интеграции сервиса «Госуслуги» с сервисом «Единая биометрическая система» [13]. С 2023 г. постановлением Правительства РФ от 16 декабря 2022 г. № 2326 [14] был утвержден новый оператор ЕБС – АО «Центр Биометрических Технологий».

Для контроля за соблюдением новых положений Закона № 572-ФЗ в значительной степени были расширены полномочия Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ (далее – Минцифры РФ). Сегодня Минцифры РФ наделено полномочиями в сфере обработки биометрических персональных данных. Минцифры уполномочено [15], в частности, утверждать по согласованию с федеральным органом исполнительной власти в области обеспечения безопасности: порядок обработки, включая сбор, хранение, биометрических персональных данных, в том числе требования к параметрам биометрических персональных данных; порядок размещения и обновления биометрических персональных данных в единой биометрической системе; порядок создания и передачи векторов единой биометрической системы в целях осуществления аутентификации; требования к информационным технологиям и техническим средствам, предназначенным для обработки биометрических персональных данных, векторов единой биометрической системы в целях проведения идентификации и (или) аутентификации, а также порядок подтверждения соответствия информационных технологий и технических средств указанным требованиям и др. С 1 июня 2023 г. Минцифры РФ начало непосредственно осуществлять свои полномочия по контролю (надзору) в сфере идентификации и (или) аутентификации.

Помимо наделения профильного органа специальными контрольными (надзорными) полномочиями, при проведении реформы правового регулирования в сфере БПД перед законодателем стояла задача по актуализации положений о штрафах в КоАП РФ.

В соответствии с принятым Федеральным законом от 12 декабря 2023 г. № 589-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [16] законодатель ввел в КоАП РФ нормы об административной ответственности за нарушение правил размещения БПД субъекта в ЕБС, а также в иных информационных системах с нарушением требований действующего законодательства. Таким образом, при нарушении новых правил и требований, введенных Законом № 572-ФЗ, возник реальный механизм административно-правовой ответственности для нарушителей императивных законодательных норм.

Заключение

Подводя итог проведенному анализу, можно прийти к выводу, что до декабря 2022 г. отечественное законодательство о БПД характеризовалось своей разрозненностью, отсутствием системного подхода к установлению единых правил и требований к категории БПД. Функции ЕБС также не были детально регламентированы, что создавало пространство для возможных злоупотреблений в отношении БПД субъектов данных. Закон № 572-ФЗ – это комплексная попытка унифицировать разрозненные положения российского законодательства о биометрических персональных данных. Цифровая трансформация и бурное развитие ИТ-технологий будут и далее двигать вперед развитие биометрии как таковой. Законодательство должно учитывать активное развитие сферы сбора и использования БПД. Доктринальные изыскания в части классификации БПД, а также предложения по включению в круг уже известных БПД новых данных, должны анализироваться законо-

дателем в тесном сотрудничестве с научным сообществом и включаться в текст закона как предмет, подлежащий охране при наличии реальной необходимости, вытекающей из объективной реальности.

Технический прогресс ни в коей мере не должен затрагивать, ущемлять права и законные интересы физических лиц, которые предоставляют свои БПД. Процесс сбора, обработки и использования БПД с принятием Закона № 572-ФЗ должен стать прозрачнее. Открытость и транспарентность системы в дальнейшем должна повысить уровень интереса граждан к биометрии, добровольному предоставлению своих БПД.

Комплексная реформа правового регулирования БПД позволит перейти из тестового режима использования ЕБС к ее полноценному функционированию. Перед АО «Центр Биометрических Технологий» стоит задача, опираясь на созданную единую систему правового регулирования, превратить ЕБС в глобальную систему идентификации граждан РФ, что позволит в значительной степени упростить и ускорить процессы предоставления государственных, банковских, страховых, медицинских, а также иных видов услуг физическим лицам.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // СЗ РФ. 1996. № 34. Ст. 4029.
2. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Российская газета. 2006. 29 июля. № 165.
3. *Платонова Н. И., Соловьева-Опошнянская А. Ю.* Биометрические персональные данные : возможности и проблемы // Юрист. 2019. № 6.
4. *Омарова Ю. А.* Средства индивидуализации граждан // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 6.
5. Постановление Правительства РФ от 6 июля 2008 г. № 512 «Об утверждении требований к материальным носителям биометрических персональных данных и технологиям хранения таких данных вне информационных систем персональных данных» // Российская газета. 2008. 11 июля. № 148.
6. Конференция по искусственному интеллекту // Президент РФ : сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67099> (дата обращения: 19.05.2023).
7. Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 1 (ч. 1). Ст. 19.
8. Официальный отзыв Правительства РФ от 26 октября 2022 г. на проект федерального закона № 211535-8 «О государственной информационной системе «Единая информационная система персональных данных, обеспечивающая обработку, включая сбор и хранение биометрических персональных данных, их про-

верку и передачу информации о степени их соответствия предоставленным биометрическим персональным данным физического лица» // Система обеспечения законодательной деятельности : сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 19.05.2023).

9. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета. 2006. 29 июля. № 165.

10. Постановление Правительства РФ от 17 марта 2023 г. № 405 «Об утверждении Правил получения согласия, указанного в пункте 6 части 5 статьи 26 Федерального закона «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации», и формы согласия физического лица на размещение его биометрических персональных данных в региональном сегменте единой биометрической системы» // СЗ РФ. 2023. № 13. Ст. 2265.

11. Постановление Правительства РФ от 11 апреля 2023 г. № 585 «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в сфере идентификации и (или) аутентификации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 16. Ст. 2926.

12. Распоряжение Правительства РФ от 22 февраля 2018 г. № 293-р «О возложении на публичное акционерное общество междугородной и международной электрической связи «Ростелеком» функций оператора единой информационной системы персональных данных» // СЗ РФ. 2018. № 11. Ст. 1640 (утратил силу).

13. Единая биометрическая система: сайт. URL: <https://bio.rt.ru/> (дата обращения: 19.05.2023).

14. Постановление Правительства РФ от 16 декабря 2022 г. № 2326 «О возложении на акционерное общество «Центр Биометрических Технологий» функций оператора единой информационной системы персональных данных, обеспечивающей обработку, включая сбор и хранение биометрических персональных данных, их проверку и передачу информации о степени их соответствия предоставленным биометрическим персональным данным физического лица, а также о признании утратившими силу распоряжения Правительства Российской Федерации от 22 февраля 2018 г. № 293-р и пункта 4 изменений, которые вносятся в акты Правительства Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 24 июня 2021 г. № 982» // СЗ РФ. 2022. № 52. Ст. 9598.

15. Постановление Правительства РФ от 9 марта 2023 г. № 367 «О внесении изменений в Положение о Министерстве цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 11. Ст. 1820.

16. Федеральный закон от 12 декабря 2023 г. № 589-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Российская газета. 2023. 18 дек. № 286.

References

1. Federal Law of 15 August 1996 No. 114-FZ "On the Procedure for Leaving the Russian Federation and Entering the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1996, no. 34, art. 4029. (In Russ.)
2. Federal Law of 27 July 2006 No. 152-FZ "On Personal Data". *Rossiiskaia Gazeta*, 29 July 2006, no. 165. (In Russ.)
3. *Platonova N. I., Soloviiova-Oposhnianskaia A. Iu.* Biometric Personal Data: Opportunities and Problems. *Lawyer*, 2019, no. 6. (In Russ.)
4. *Omarova Iu. A.* Means of Individualization of Citizens. *Current Problems of Russian Law*, 2018, no. 6. (In Russ.)
5. Decree of the Government of the Russian Federation of 6 July 2008 No. 512 "On Approval of Requirements for Material Media of Biometric Personal Data and Technologies for Storing Such Data outside Information Systems of Personal Data". *Rossiiskaia Gazeta*, 11 July 2008, no. 148. (In Russ.)
6. Conference on Artificial Intelligence. URL: <http://kremlin.ru/events/president/67099> (date of the application: 10.01.2024). (In Russ.)
7. Federal Law of 29 December 2022 No. 572-FZ "On Identification and (or) Authentication of Individuals Using Biometric Personal Data, on Amendments to Some Legislative Acts of the Russian Federation and Invalidation of Some Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2023, no. 1 (part 1), art. 19. (In Russ.)
8. Official Review of the Government of the Russian Federation of 26 October 2022 on the Draft Federal Law No. 211535-8 "On the State Information System 'Unified Information System of Personal Data, Ensuring Processing, Including the Collection and Storage of Biometric Personal Data, Their Verification and Transfer of Information about the Degree of Their Compliance with the Provided Biometric Personal Data of an Individual'". URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (date of the application: 19.05.2023). (In Russ.)
9. Federal Law of 27 July 2006 No. 149-FZ "On Information, Information Technologies and Information Protection". *Rossiiskaia Gazeta*, 29 July 2006, no. 165. (In Russ.)
10. Decree of the Government of the Russian Federation of 17 March 2023 No. 405 "On Approval of the Rules for Obtaining Consent Specified in Paragraph 6 of Part 5 of Article 26 of the Federal Law 'On the Implementation of Identification and (or) Authentication of Individuals Using Biometric Personal Data, on Amendments into Some Legislative Acts of the Russian Federation and the Recognition as Invalid of Some Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation', and Forms of Consent of an Individual to Place His Biometric Personal Data in the Regional Segment of the Unified Biometric System". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2023, no. 13, art. 2265. (In Russ.)
11. Decree of the Government of the Russian Federation of 11 April 2023 No. 585 "On Approval of the Regulations on Federal State Control (Supervision) in the Field of Identification and (or) Authentication and Recognition as Invalid of Certain Acts of the Government of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2023, no. 16, art. 2926. (In Russ.)
12. Order of the Government of the Russian Federation of 22 February 2018 No. 293-R "On Assigning the Functions of the Operator of a Unified Information System of Personal

Data to the Public Joint-Stock Company of Long-Distance and International Electrical Communications 'Rostelecom'. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2018, no. 11, art. 1640 (repealed). (In Russ.)

13. URL: <https://bio.rt.ru/> (date of the application: 19.05.2023). (In Russ.)

14. Decree of the Government of the Russian Federation of 16 December 2022 No. 2326 "On Assigning to the Joint Stock Company 'Center of Biometric Technologies' the Functions of the Operator of a Unified Information System of Personal Data, Ensuring Processing, Including the Collection and Storage of Biometric Personal Data, Their Verification and Transmission of Information about the Degree Their Compliance with the Provided Biometric Personal Data of an Individual, as Well as the Recognition as Invalid of the Order of the Government of the Russian Federation of 22 February 2018 No. 293-R and Paragraph 4 of the Amendments That Are Made to the Acts of the Government of the Russian Federation, Approved by the Resolution of the Government of the Russian Federation of 24 June 2021 No. 982". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2022, no. 52, art. 9598. (In Russ.)

15. Decree of the Government of the Russian Federation of 9 March 2023 No. 367 "On Amendments to the Regulations on the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Communications of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2023, no. 11, art. 1820. (In Russ.)

16. Federal Law of 12 December 2023 No. 589-FZ "On Amendments to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses". *Rossiiskaia Gazeta*, 18 December 2023, no. 286. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Д. О. Хандрыга – аспирант.

Information about the author:

D. O. Khandryga – Graduate Student.

Статья поступила в редакцию 04.12.2023; одобрена после рецензирования 09.02.2024; принята к публикации 16.02.2024.

The article was submitted to the editorial office 04.12.2023; approved after reviewing 09.02.2024; accepted for publication 16.02.2024.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-202-213>

НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ИСТОРИИ ВИГИЛАНТИЗМА

Вячеслав Станиславович Харитонов

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

slava8800b@yandex.ru

Аннотация

В настоящей статье рассматривается историография исследований вигилантизма – объективно противоправной деятельности граждан и организаций в целях самозащиты своих прав – в XIX и XX вв. Автор, анализируя при помощи общенаучных методов исследования отечественные и зарубежные социологические и криминологические изыскания, резюмирует, что к вигилантизму в них причисляется весьма разнообразный спектр насильственных действий, начиная от гражданских арестов до борьбы сторон в условиях гражданских войн, а также подчеркивает актуальность дальнейших исследований современного развития вигилантизма как в России, так и за рубежом.

Ключевые слова: вигилантизм; история развития вигилантизма; линчевание; самосуд; правосудие; самозащита прав.

Для цитирования: Харитонов В. С. Научные подходы к исследованию истории вигилантизма // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 1. С. 202–213. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-202-213>

Research Article

SCIENTIFIC APPROACHES TO THE STUDY OF THE HISTORY OF VIGILANTISM

Vyacheslav S. Kharitonov

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St.,
Moscow, 117638, Russia
slava8800b@yandex.ru

Abstract

This article follows the historiography of studies of vigilantism – the objectively illegal activities of citizens and organizations in order to protect their rights in the 19th and 20th centuries. The author of the study, analyzing with the help of public and private scientific studies, domestic and foreign sociological and criminological studies, summarizes that they include a very wide range of violent actions in vigilantism, and therefore there are requirements for the involvement of parties in wars, as well as there are requirements for the relevance of research. modern development of vigilantism both in Russia and abroad.

Keywords: vigilantism; history of the development of veganism; lynching; lynching; justice; self-defense of law.

For citation: *Kharitonov V. S. Scientific Approaches to the Study of the History of Vigilantism. Herald of the Russian Law Academy, 2024, no. 1, pp. 202–213. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-202-213>

Введение

В рамках устоявшихся политико-правовых воззрений на законность принято считать, опираясь на вебериянскую традицию, что государство является ключевым субъектом обеспечения безопасности и правопорядка. В российском законодательстве этот постулат нормативно закрепляется в ст. 2 Федерального закона «О безопасности» [1].

При всем том, что роль граждан и организаций в обеспечении безопасности также отмечена нормами указанного Закона (ч. 3 ст. 2), особое значение государственных органов и должностных лиц можно презюмировать также из общего анализа российского законодательства.

Вместе с тем наравне с государственным принуждением, на протяжении, по крайней мере, новейшей эпохи развития человечества (XVIII в. – н.в.) можно об-

наружить свидетельства осуществления теми или иными общественными группами мер самозащиты своих интересов, которые, неизбежно оспаривая монополию государства на насилие, вместе с тем далеко не всегда и не в полной мере противоречат официально провозглашенным целям законности.

В зарубежных науках об обществе данное явление известно как вигилантизм (*vigilantism*), консолидированное определение которого можно обозначить как «взятие закона в свои руки» (*taking the law into own hands*), как коллективное применение или угроза внеправового насилия в ответ на предполагаемое преступное деяние или опасность его совершения [2, р. 31].

В различных социологических и криминологических исследованиях, равно отечественных и зарубежных, к вигилантизму причисляется весьма разнообразный спектр насильственных действий, начиная от гражданских арестов до борьбы сторон в условиях гражданских войн.

1. Исследование генезиса вигилантизма американскими учеными, юристами и политиками

За последние 200 лет, можно наблюдать наиболее широкое распространение вигилантизма, в первую очередь, в США, особенно в период быстрого расширения их территории в XIX в., хотя зарубежными историками отмечается значительно более широкая география данного явления, например, распространяя ее на территорию Британии, Ирландии, страны Ближнего Востока, Юго-восточной Азии, Латинской Америки [3, р. 19–20].

В связи с этим рассмотрение историографии исследования вигилантизма наиболее результативно возможно именно на почве американских общественных наук, в которых вигилантизм подвергся наибольшей глубине научного изучения.

Как уже было сказано, ключевой проблемой правовой оценки вигилантизма является противоречие между его объективно противоправной формой проявления (степень жестокости, присущая ему системность, организованность и устойчивость) и конечными целями, которые, как правило, направлены на защиту собственных законных прав или даже основ конституционного строя и общественной безопасности.

Сообразно этому противоречию в американской науке исторически можно констатировать наличие про- и анти-вигилантских направлений развития научной мысли в зависимости от их подхода к оценке деятельности вигилантов.

Границы возникновения первого можно условно определить от момента возникновения более-менее стабильной американской исторической науки и до 1880-х гг.

География работ в это время носила краевой, в лучшем случае – региональный, характер.

При этом можно отметить практически полное одобрение вигилантизма, практическая полезность которого доказывалась и подчеркивалась широким кругом историков и публицистов.

Например, видный американский историк Техаса Хьюберт Хоув Бэнкрофт (*Hubert Howe Bancroft*) утверждал, что вигилантизм стал «одной из крупнейших моральных революций, которые когда-либо видел мир [4].

Вместе с научными авторитетами аналогичного мнения придерживалась популярная пресса того времени: «Мир, порядок и процветание – вот результаты деятельности вигилантов; и, покидая читателя, автор хотел бы поблагодарить здравый смысл общества за целесообразность поддержания в готовности к эффективным действиям в случае необходимости единственной организации, способной справиться с разгулом беззакония, которое всегда в большей или меньшей степени присутствует в шахтерских поселках», – так описывал деятельность вигилантов Монтаны Томас Джосайя Димсдейл (*Thomas Josiah Dimsdale*), редактор крупнейшей газеты штата Монтана «*Montana Post*» [5, p. 226].

Единодушие в оценках вигилантизма имеет под собой вполне очевидное основание: в ту эпоху государственность США еще не достигла достаточной степени централизации, когда государственная монополия на насилие начинает восприниматься обществом как единственно возможная и неоспоримая форма осуществления правосудия.

Так, при рассмотрении комплекса причин возникновения вигилантизма в последующих западных исследованиях практически всегда отмечается, что он был реакцией на чрезвычайно высокий уровень преступности, общей неэффективности и коррумпированности власти на новых неосвоенных территориях США [6, p. 35].

«Против такой манеры правления, – отмечал американский писатель Эммерсон Хоу, – вскоре возникли организации законопослушных и любящих справедливость людей, и они взяли закон в свои суровые руки. Исполнительные служители закона, шерифы и констебли, объединились в союз, чтобы убивать и конфисковывать; и против них новое учреждение подлинного закона начало войну, выступив в роли фактического правительства, и открыто называли себя «вигилантами» [7, p. 77].

Можно утверждать, что даже в начале XX в. положительное общественное восприятие вигилантизма находило значительную поддержку со стороны представителей науки и широкой общественности.

Глава Исторического общества штата Айова (*State Historical Society of Iowa*), один из пионеров американской исторической науки в области исследования общественных движений Бенджамин Ф. Шамбо (*Benjamin F. Shambaugh*) в 1902 г. описывал вигилантские движения как «фонтан того духа западной демократии, который пронизывал социальную и политическую жизнь Америки в течение 19 века» [8, p. 278].

Вместе с тем та же слабость государственных институтов на удаленных территориях США неизбежно приводила к тому, что вигилантизм почти повсеместно приобретал характер крайне жестоких и зачастую необоснованных расправ, выходя даже за размытые пределы законности, трактуемой в категориях обычного права, особенно, когда речь заходит о так называемых «судах Линча».

В связи с этим, примерно с 80-х гг. XIX в. начинают появляться и резко критические оценки «народного правосудия».

Так, один из первых фундаментальных критиков вигилантизма философ Джосайя Ройс (*Josiah Royce*) оценивал его как «симптом предательской народной беспечности» или даже как «жестокое деморализующее... безусловное зло» [9].

Сами вигиланты, как правило, не отрицали жестокость характера своих действий, но оправдывали его вынужденностью и состоянием криминогенной обстановки.

Например, американский путешественник, предприниматель и историк Наталиэль Питт Лэнгфорд (*Nathaniel Pitt Langford*), сам будучи активным вигилантом, отмечал, что у критиков вигилантизма помимо претензий «не хватило пронизательности предложить более мягкую или действенную замену [линчеванию. – Прим. авт.], – хотя извинения и оправдания убийц [жертв вигилантов. – Прим. авт.] были многочисленными и настойчивыми», что, по его мнению, обесценивает их критику как неконструктивную [10, р. 447–448].

Решительная критика вигилантов исходила также от представителей профсоюзного движения, которое на протяжении всей истории США страдало от негосударственного террора проводимого бизнес-сообществом в союзе с коррумпированными властями на местах.

Так, признавая достижения вигилантов в обуздании преступности, известный деятель американского профсоюзного движения Изабель Уолкер Соул (*Isabel Walker Soul*) констатировала: «Слово «вигилантизм» больше не имеет никакой честной связи с законом и порядком. Со времен золотой лихорадки на передний план движения за сохранение и расширение демократических прав вышел новый тип организации [профсоюзы. – Прим. авт.]» [11, р. 10].

В значительной, но не определяющей степени вигилантизм отрицался и юридическим сообществом США, которое не признавало самой правомерности силовой самозащиты права.

Например, бывший спикер Сената штата Массачусетс, генеральный прокурор того же штата, известный юрист Альберт Пилсбери (*Albert E. Pillsbury*) отмечал, что «вероятно, большинство государственных деятелей и конституционных юристов «под влиянием некой абстрактной теории отношений между государственным и национальным правительствами», как сказал однажды в Верховном суде господин судья Брэдли, склонится к отрицательному ответу на этот вопрос» [12, р. 707].

Таким образом, в период до 10-х–30-х гг. прошлого века исследование вигилантизма происходило в контексте проблематики расового насилия и линчевания, на примерах расправ над чернокожим населением США, либо в биографических и регионально-исторических работах [13, р. 34–48].

Так, типичная структура публикаций статейного типа, по сути, сводилась к реакции исследователя на текущие тенденции и события, чаще всего в виде предложений по совершенствованию уголовно-правового регулирования на том или ином уровне власти, обзора судебной практики в том или ином штате.

2. История исследования криминологического аспекта вигилантизма

Из анализа публикаций следует, что интерес к комплексным исследованиям по тематике расового насилия был связан с более активной реакцией американского государства в ответ на его серьезный рост с начала 20-х гг., выразившейся, в частности, в нескольких неудачных попытках криминализации линчевания (например, законопроекты конгрессмена Леонида Дайера (*Dyer Anti-Lynching Bill*, 1918), сенаторов Эдварда Костигана и Роберта Вагнера (*Costigan-Wagner Bill*, 1932).

Тем не менее исследование криминологических факторов вигилантской активности можно обнаружить и в публикациях конца XIX – начала XX вв. (чаще всего на примерах неэффективности органов правопорядка и роста преступности).

Одним из первых и наиболее полных на момент издания исследований феномена линчевания в США с криминологических позиций является работа социолога Джеймса Катлера, которая демонстрирует исключительный характер распространения вигилантизма именно в США [14].

Вместе с тем параллельно с этим американская наука достаточно активно исследовала проблематику коллективного действия, особенно с позиций психологии.

Например, достаточно знаковой работой в этом отношении является монография Дина Еверета, социального психолога в которой также затрагивались отдельные аспекты психологического склада вигилантов [15].

В свою очередь, исследование тематики бессудных расправ в американской юридической науке практически не подвергалась системному изучению.

Одной из первых, если не первой работой в этом отношении является монография Джеймса Чедборна, которая носила специально-юридический характер.

В ней были обозначены причины вигилантского насилия, проанализированы данные правозащитных организаций по статистике жертв, обобщена практика законодателя и правоприменителя, сформулированы предложения по совершенствованию государственной политики по противодействию линчеванию, его пенализации [16].

Автор свидетельствовал, что «характерной особенностью растущего объема литературы о самосудах и насилиях толпы является лишь отрывочное рассмотрение правовых аспектов проблемы. Основной акцент был сделан на социальных, экономических и психологических факторах, связанных с этими преступлениями против организованного общества» [16, VII].

В свою очередь, одной из первых работ, содержащих в себе криминологический аспект вигилантизма, можно считать работу доктора Артура Рапера (*Arthur F. Raper*) [17], который, помимо прочего, участвовал и в законопроектной работе, направленной на криминализацию линчевания.

Так, указанная публикация, помимо традиционного обзора географии явления, также освещает некоторые аспекты виктимизации (например, проживание в малонаселенной местности как фактор виктимизации при вигилантизме), экономические причины явления (в период экономического кризиса, как правило, фиксировался аномальный рост линчеваний).

Также на примере обширного статистического наблюдения было опровергнуто мнение об исключительно «южной» географии явления [17, р. 39].

Важнейшее значение этой работы, по нашему мнению, представляет вывод автора о том, что линчевание, будучи одним из проявлений вигилантизма, является реакцией доминирующей экономической группы (белого населения) на попытки чернокожего населения улучшить свое экономическое положение в равной конкурентной борьбе за ресурсы, ведь, как уже было сказано, вигилантизм трактуется в теории социологии и политологии именно как попытка насильственным образом обезопасить свой законный статус и интересы.

Таким образом, работы Катлера, Рапера и Чедборна, во многом послужили своеобразным базисом для дальнейшей разработки проблематики вигилантизма как специфического криминогенного феномена и самосудных расправ как его частного проявления.

3. Отдельные аспекты периодизации и направления исследования вигилантизма

Крайне полезной можно считать историографическую монографию Джона Коуи, которая охватывает свидетельства вигилантской активности за период с середины XIX в. и до момента ее издания в 1957 г.

Сборник составлен из воспоминаний непосредственных очевидцев, включая самих вигилантов, и дает детализированное представление о бытовом восприятии вигилантизма, особенностях структуры формирований и организации квазисудебных процессов вигилантов.

При этом автор фактически оправдывает вигилантов, апеллируя к внешней схожести государственного и вигилантского правосудия [18, р. 8–9].

Вигиланты как указывает автор, путем импровизации установили правила поведения, которые позже были легитимизированы официальным законодателем.

Вместе с тем, по мнению автора, «самосуд слишком часто несет на себе отпечаток политической мотивации или личных амбиций... В гораздо большей степени, чем обычные суды, вигиланты выбирают слабых, ничтожных, непопулярных, людей, наименее способных к сопротивлению или возмездию» [18, р. 17].

Период 1940-х–1960-х гг. характеризовался сотрудничеством между вигилантами и спецслужбами США, которые использовали их для преследования левых политических сил, хотя открытое обсуждение этой проблемы стало возможно лишь после парламентского расследования противозаконной деятельности ФБР комиссией сенатора США Фрэнка Черча [19].

На этом фоне в научном сообществе обрела популярность тематика такого взаимодействия, причем не только в США, но за рубежом.

Исследование указанного вопроса проходило в двух направлениях: использования вигилантов государственными службами, с другой стороны, как формы частной правоохраны.

Первое нашло освещение в работах Алана Теохариса, известного американского историка спецслужб [20].

Относительно второго направления исследователи Гэрри Т. Маркс и Дэйв Арчер (*Garry T. Marx, Dane Archer*) писали в 1974 г., что о таких «патрульных группах» известно сравнительно мало, за исключением отдельных журналистских исследований [21, р. 130].

Нужно отметить, что обобщение географии и криминальной активности групп самообороны не вполне завершено и в настоящее время.

В 70-е же деятельность вооруженных групп самозащиты, получила подробное освещение в работах Ричарда М. Брауна. Они в дальнейшем будут целиком посвящены вигилантизму, как самостоятельному предмету исследования и обретут широкую известность [22].

Таким образом, в конце 60-х – начале 70-х прошлого века вигилантизм как предмет исследования обособливается внутри тематики политического насилия.

Особо необходимо отметить коллективную монографию под редакцией профессоров Питера Седерберга (*Peter Sederberg*) и Йона Розенбаума (*Jon Rosenbaum*), в которой впервые были собраны исследования, охватившие историю, причины, особенности структуры и субъектного состава вигилантских формирований, их региональную специфику.

Так, указанными авторами было сформулировано «классическое» (и одно из наиболее распространенных в настоящее время) определений вигилантизма как защиты существующего порядка людьми, ассоциирующими себя с ним, но прибегающим к средствам, которые нарушают формальные границы поведения, определенные таким порядком [21, р. 4].

В работе были впервые классифицированы виды вигилантизма и их отличительные особенности, а также предпринята попытка сравнительного анализа его проявлений в США и других регионах мира.

Данная работа определила направления исследования вигилантизма на следующие десятилетия.

Например, тематика расово-направленного вигилантизма в Южной Африке, затронутого соавторами Седерберга и Розенбаума, впоследствии получила освещение в работах Кристофера Саундерса [23], Майкла Флейшера [24], Ларса Бурра [25], Дэвида Праттена [26] и др.

История вигилантизма, в свете новых концептуальных изысканий, также подвергалась новому осмыслению.

Как пишет Роджер Лэйн (*Roger Lane*), «[к помощи вигилантов] прибегали даже там, где закон был твердо установлен. А созревающая идеология практики основывалась на удобной гибкой вере в народный суверенитет – идею о том, что поскольку закон в конечном счете исходит от большинства, правосудие может вернуться непосредственно народом» [27, р. 2].

Исследование истории вигилантизма также продолжалось такими учеными как Роберт Блю (*Robert W. Blew*) [28], Дэвид Боденхаммер (*David J. Bodenhamer*) [29] и др.

К тренду исследования этого явления присоединяются также и ученые за пределами США.

Например, исследованием силовой самозащиты прав в регионе британских островов посвящены соответствующие публикации Крейга Литтла и Кристофера Шеффилда [30], Ричарда Неда Лебау [31] и др.

Определенная часть западных исследований посвящалась и вигилантизму в России.

Так, еще в 1980-х гг. отдельные исследователи характеризовали деятельность народных дружин в СССР как узаконенный вигилантизм, например, Дэвид Ковалевски (*David Kowalewski*), по мнению которого дружинников использовали для разгона протестных акций в качестве вспомогательных сил милиции [32].

В настоящее время зарубежные публикации в основном посвящены вигилантизму в России на почве ксенофобии (антимигрантских настроений, в частности) и гомофобии.

Исключением в этом ряду является публикация Рашида Габдулхакова, которая затрагивает практически все крупные вигилантские движения последних 30 лет.

Вкупе с этим, указанным автором поднимается проблема преследования в сети Интернет, которое, по его мнению, является «цифровым вигилантизмом».

Как указывает автор, технологические достижения позволяют гражданам брать «полицейские» и «шпионские» обязанности в свои руки), тем самым превращаясь в сыщиков, действуя как в собственных интересах так и в качестве добровольных информаторов государства [33, р. 316].

Заключение

Таким образом, массив накопленных зарубежной наукой данных по проблематике вигилантизма отличается междисциплинарным характером и почти двухвековой историей исследований.

Актуальность и своевременность таких исследований не вызывает сомнений и требует пристального внимания как со стороны ученых-юристов, так и специалистов из других отраслей научных знаний.

Зарубежной наукой уже к середине XX в. были получены данные, достаточные для криминологической характеристики вигилантизма исследуемого периода, его детерминанты были обобщены с учетом региональной специфики.

Утилитарная направленность большинства исследований компенсируется комплексностью обобщенных данных, что дало толчок для перехода от чисто эмпирических исследований к работам концептуального характера.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ // СПС «Консультант-Плюс».
2. *Haas N. E.* Public Support for Vigilantism: Doctoral Thesis. Leiden University, 2010.
3. *Berg M., Wendt S.* Globalizing Lynching History: Vigilantism and Extralegal Punishment from an International Perspective. New York : Palgrave Macmillan, 2011.
4. *Bancroft H. H.* Popular Tribunals. Vol. 2. San Francisco : History Company, 1883.
5. *Dimsdale T. H.* The Vigilantes of Montana. Or, Popular Justice in the Rocky Mountains: Being a Correct and Impartial Narrative of the Chase, Trial, Capture, and Execution of Henry Plummer's Road Agent Band, Together with Accounts of the Lives and Crimes of Many of the Robbers and Desperados, the Whole Being Interspersed with Sketches of Life in the Mining Camps of the "Far West". Virginia City, M.T. : D. W. Tilton & Company, 1866.
6. *Wilke A. M.* Essays on Politics of Maintaining Order: Doctoral Thesis. Columbia University, 2021.
7. *Hough E.* The Story of the Outlaw: A Study of the Western Desperado, with Historical Narratives of Famous Outlaws; the Stories of Noted Border Wars; Vigilante Movements and Armed Conflicts on the Frontier. New York : A. L. Burt Co., 1907.
8. *Shambaugh B. F.* History of the Constitutions of Iowa. Des Moines. 1902.
9. *McDermott J. J.* The Basic Writings of Josiah Royce. Vol. I: Culture, Philosophy, and Religion. New York : Fordham University Press, 2019.

10. *Langford N. P.* Vigilante Days and Ways: The Pioneers of the Rockies, the Makers and Making of Montana, Idaho, Oregon, Washington, and Wyoming. New York : Merrill, 1893.
11. *Soule I. W.* Vigilantes Hide behind the Flag. New York : International Labor Defense, 1937.
12. *Pillsbury A. E.* A Brief Inquiry into a Federal Remedy for Lynching // Harvard Law Review. 1902. Vol. 15 (9).
13. *Clark T. D.* The People, William Goebel, and the Kentucky Railroads // Journal of Southern History. 1939. Vol. 5.
14. *Cutler J. E.* Lynch-Law: An Investigation into the History of Lynching in the United States. New York : Longmans, Green and Co., 1905.
15. *Everett D. M.* The Behavior of Crowds : A Psychological Study. New York : Harper & Brothers, 1920.
16. *Chadbourn J. H.* Lynching and the Law. The Lawbook Exchange. Chapel Hill : University of North Carolina Press, 1933.
17. *Raper A. F.* The Tragedy of Lynching. Chapel Hill : The University of North Carolina Press, 1933.
18. *Caughey J. W.* Their Majesties, the Mob. Chicago : University of Chicago Press, 1960.
19. Intelligence Activities and the Rights of Americans – Church Committee final report. II. US Senate Select Committee on Intelligence. United States Senate. 1976.
20. *Theoharis A. G.* The FBI and the American Legion Contact Program, 1940–1966 // Political Science Quarterly. 1985. Vol. 100.
21. *Marx G. T., Archer D.* Community Police Patrols and Vigilantism // Vigilante Politics / Ed. by H. J. Rosenbaum, P. G. Sederberg. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1976.
22. *Brown R. M.* No Duty to Retreat: Violence and Values in American History and Society. New York : Oxford University Press, 1991.
23. *Saunders C. C.* Lynching: The Southern African Case // Globalizing Lynching History: Vigilantism and Extralegal Punishment from an International Perspective / Ed. by M. Berg, S. Wendt. New York : Palgrave Macmillan, 2011.
24. *Fleisher M. L.* Sungusungu: State-Sponsored Village Vigilante Groups Among the Kuria of Tanzania // Africa: The Journal of the International African Institute. 2000. Vol. 70.
25. *Buur L.* Democracy & its Discontents: Vigilantism, Sovereignty & Human Rights in South Africa // Review of African Political Economy. 2008. Vol. 35.
26. *Pratten D.* The Thief Eats His Shame: Practice and Power in Nigerian Vigilantism // Africa: The Journal of the International African Institute. 2008. Vol. 78.
27. *Lane R.* Criminal Violence in America: The First Hundred Years // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1976. Vol. 423 (1).
28. *Blew R. W.* Vigilantism in Los Angeles, 1835–1874 // Southern California Quarterly. 1972. Vol. 54 (1).
29. *Bodenhamer D. J.* Law and Disorder on the Early Frontier: Marion County, Indiana, 1823–1850 // Western Historical Quarterly. 1979. Vol. 10 (3).
30. *Little C. B., Sheffield C. P.* Frontiers and Criminal Justice: English Private Prosecution Societies and American Vigilantism in the Eighteenth and Nineteenth Centuries // American Sociological Review. 1983. Vol. 48 (6).
31. *Lebow R. N.* Vigilantism in Northern Ireland // Vigilante Politics / Ed. by H. J. Rosenbaum, P. G. Sederberg. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1976.

32. *Kowalewski D.* Establishment Vigilantism and Political Dissent // *Armed Forces & Society*. 1982. Vol. 9 (1).

33. *Gabdulhakov R.* Citizen-Led Justice in Post-Communist Russia: From Comrades' Courts to Dotcomrade Vigilantism // *Surveillance & Society*. 2018. Vol. 16.

References

1. Federal Law of 28 December 2010 No. 390-FZ (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
2. *Haas N. E.* Public Support for Vigilantism: Doctoral Thesis. Leiden University, 2010.
3. *Berg M., Wendt S.* Globalizing Lynching History: Vigilantism and Extralegal Punishment from an International Perspective. New York: Palgrave Macmillan, 2011.
4. *Bancroft H. H.* Popular Tribunals. Vol. 2. San Francisco: History Company, 1883.
5. *Dimsdale T. H.* The Vigilantes of Montana. Or, Popular Justice in the Rocky Mountains: Being a Correct and Impartial Narrative of the Chase, Trial, Capture, and Execution of Henry Plummer's Road Agent Band, Together with Accounts of the Lives and Crimes of Many of the Robbers and Desperados, the Whole Being Interspersed with Sketches of Life in the Mining Camps of the "Far West". Virginia City, M.T.: D. W. Tilton & Company, 1866.
6. *Wilke A. M.* Essays on Politics of Maintaining Order: Doctoral Thesis. Columbia University, 2021.
7. *Hough E.* The Story of the Outlaw: A Study of the Western Desperado, with Historical Narratives of Famous Outlaws; the Stories of Noted Border Wars; Vigilante Movements and Armed Conflicts on the Frontier. New York: A. L. Burt Co., 1907.
8. *Shambaugh B. F.* History of the Constitutions of Iowa. Des Moines. 1902.
9. *McDermott J. J.* The Basic Writings of Josiah Royce. Vol. I: Culture, Philosophy, and Religion. New York: Fordham University Press, 2019.
10. *Langford N. P.* Vigilante Days and Ways: The Pioneers of the Rockies, the Makers and Making of Montana, Idaho, Oregon, Washington, and Wyoming. New York: Merrill, 1893.
11. *Soule I. W.* Vigilantes Hide behind the Flag. New York: International Labor Defense, 1937.
12. *Pillsbury A. E.* A Brief Inquiry into a Federal Remedy for Lynching. *Harvard Law Review*, 1902, vol. 15 (9).
13. *Clark T. D.* The People, William Goebel, and the Kentucky Railroads. *Journal of Southern History*, 1939, vol. 5.
14. *Cutler J. E.* Lynch-Law: An Investigation into the History of Lynching in the United States. New York: Longmans, Green and Co., 1905.
15. *Everett D. M.* The Behavior of Crowds: A Psychological Study. New York: Harper & Brothers, 1920.
16. *Chadbourn J. H.* Lynching and the Law. The Lawbook Exchange. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1933.
17. *Raper A. F.* The Tragedy of Lynching. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1933.
18. *Caughey J. W.* Their Majesties, the Mob. Chicago: University of Chicago Press, 1960.
19. Intelligence Activities and the Rights of Americans – Church Committee final report. II. US Senate Select Committee on Intelligence. United States Senate. 1976.

20. *Theoharis A. G.* The FBI and the American Legion Contact Program, 1940–1966. *Political Science Quarterly*, 1985, vol. 100.
21. *Marx G. T., Archer D.* Community Police Patrols and Vigilantism. In *Rosenbaum H. J., Sederberg P. G. (eds.)*. *Vigilante Politics*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1976.
22. *Brown R. M.* No Duty to Retreat: Violence and Values in American History and Society. New York: Oxford University Press, 1991.
23. *Saunders C. C.* Lynching: The Southern African Case. In *Berg M., Wendt S. (eds.)*. *Globalizing Lynching History: Vigilantism and Extralegal Punishment from an International Perspective*. New York: Palgrave Macmillan, 2011.
24. *Fleisher M. L.* Sungusungu: State-Sponsored Village Vigilante Groups Among the Kuria of Tanzania. *Africa: The Journal of the International African Institute*, 2000, vol. 70.
25. *Buur L.* Democracy & its Discontents: Vigilantism, Sovereignty & Human Rights in South Africa. *Review of African Political Economy*, 2008, vol. 35.
26. *Pratten D.* The Thief Eats His Shame: Practice and Power in Nigerian Vigilantism. *Africa: The Journal of the International African Institute*, 2008, vol. 78.
27. *Lane R.* Criminal Violence in America: The First Hundred Years. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 1976, vol. 423 (1).
28. *Blew R. W.* Vigilantism in Los Angeles, 1835–1874. *Southern California Quarterly*, 1972, vol. 54 (1).
29. *Bodenhamer D. J.* Law and Disorder on the Early Frontier: Marion County, Indiana, 1823–1850. *Western Historical Quarterly*, 1979, vol. 10 (3).
30. *Little C. B., Sheffield C. P.* Frontiers and Criminal Justice: English Private Prosecution Societies and American Vigilantism in the Eighteenth and Nineteenth Centuries. *American Sociological Review*, 1983, vol. 48 (6).
31. *Lebow R. N.* Vigilantism in Northern Ireland. In *Rosenbaum H. J., Sederberg P. G. (eds.)*. *Vigilante Politics*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1976.
32. *Kowalewski D.* Establishment Vigilantism and Political Dissent. *Armed Forces & Society*, 1982, vol. 9 (1).
33. *Gabdulhakov R.* Citizen-Led Justice in Post-Communist Russia: From Comrades' Courts to Dotcomrade Vigilantism. *Surveillance & Society*, 2018, vol. 16.

Сведения об авторе:

В. С. Харитонов – аспирант.

Information about the author:

V. S. Kharitonov – Graduate Student.

Статья поступила в редакцию 22.08.2023; одобрена после рецензирования 25.09.2023; принята к публикации 05.02.2024.

The article was submitted to the editorial office 22.08.2023; approved after reviewing 25.09.2023; accepted for publication 05.02.2024.

Научная статья

УДК 343.1

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-214-229>

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ И РИСКИ

Алексей Викторович Шушеначев

Сибирский федеральный университет, 660041, Россия,
г. Красноярск, пр. Свободный, д. 79

a.shushenachev@inbox.ru

Аннотация

В современную эпоху имеет место все более нарастающее в своих темпах и объемах внедрение цифровых технологий в различные сферы человеческой деятельности, в том числе в уголовное судопроизводство. Этот процесс сопряжен не только с очевидными преимуществами, но и с рядом рисков и издержек. Цель исследования – раскрыв наиболее очевидные проблемы, возникающие в ходе цифровизации уголовного процесса, предложить пути к их разрешению: это может заинтересовать как ученых-криминалистов, так и законодателей, а равно и практиков, работающих в сфере правоприменения. В исследовании осуществлен анализ статей, посвященных соответствующей проблематике, сопоставлен ряд выявленных в них проблем, а также подвергнуты анализу предлагаемые пути их разрешения. Автором проведено обобщение ряда публикаций как отечественных, так и зарубежных специалистов, посвященных проблемам цифровизации уголовного процесса. Цель исследования обусловила выбор его научных методов, как общенаучных (системный, диалектический, структурно-функциональный, логический), так и частнонаучных (сравнительно-правовой, формально-юридический, историко-правовой и пр.). Автором выявлена необходимость более системного и всестороннего анализа сложившейся в этом аспекте практики во всей совокупности ее плюсов и минусов. Выявление возникающих в этом процессе рисков даст возможность разработать адекватное современным требованиям программное обеспечение вкуче с условиями, регламентирующими его использование в уголовном процессе.

Ключевые слова: цифровые технологии; правоприменение; уголовное судопроизводство; права и свободы человека.

Для цитирования: Шушеначев А. В. Цифровые технологии в уголовном процессе: проблемы и риски // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 1. С. 214–229. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-214-229>

Research Article

DIGITAL TECHNOLOGIES IN CRIMINAL PROCEEDINGS: PROBLEMS AND RISKS

Alexey V. Shushenachev

Siberian Federal University, 79 Svobodny Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russia
a.shushenachev@inbox.ru

Abstract

In the modern era, the introduction of digital technologies into various spheres of human activity, including criminal proceedings, is increasingly increasing in its pace and volume. This process involves not only obvious advantages, but also a number of risks and costs. The purpose of the study is to reveal the most obvious problems that arise during the digitalization of the criminal process, to suggest ways to resolve them: This may be of interest to both forensic scientists and legislators, as well as practitioners working in the field of law enforcement. The study analyzes articles devoted to relevant issues, compares a number of problems identified in them, and analyzes the proposed ways to resolve them. The author has summarized a number of publications by both domestic and foreign experts on the problems of digitalization of the criminal process. The purpose of the study determined the choice of his scientific methods, both general scientific (systemic, dialectical, structural-functional, logical) and private scientific (comparative legal, formal legal, historical-legal, etc.). The author identified the need for a more systematic and comprehensive analysis of the practice in this aspect in the totality of its advantages and disadvantages. The identification of risks arising in this process will make it possible to develop software adequate to modern requirements, together with the conditions governing its use in criminal proceedings.

Keywords: digital technologies; law enforcement; criminal procedure; human rights and freedoms.

For citation: *Shushenachev A. V. Digital Technologies in Criminal Proceedings: Problems and Risks. Herald of the Russian Law Academy, 2024, no. 1, pp. 214–229. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-214-229>

Введение

Одной из важнейших составляющих трансформации общества в современную эпоху, безусловно, является процесс цифровизации, представляющий собой процесс перехода от аналоговых форм накопления, хранения и передачи информации к цифровым, основанным на двоичной системе ее кодирования. Сфера права – как криминалистики, так и правоприменения – в этом аспекте не представляет собой исключения. В данной статье мы рассмотрим проблемы совместимости уголовного судопроизводства с современными цифровыми технологиями, а также сопряженные с этим сложности и риски.

Цифровизация уголовного судопроизводства – сравнительно новая сфера исследования; вплоть до недавнего времени лишь немногие исследователи занимались ее проблематикой. Это связано с тем, что процесс цифровизации уголовного процесса за рубежом был инициирован не ранее, чем в последней трети минувшего века (в России же – в его последние десятилетия), то, соответственно, никакие исследования в этой сфере как в советский, так и в досоветский периоды иметь место не могли. По этой причине ретроспективный анализ публикаций не проводился.

Ряд аспектов использования цифровых и видеотехнологий в процессе судебного разбирательства в современную эпоху рассмотрены в работах Е. К. Антонович, О. Я. Баева, Л. В. Брусницына, З. С. Васильевой, Т. Ю. Вилковой, А. С. Герман, А. А. Гравиной, Т. А. Гусевой, А. Ю. Епихина, В. В. Иванова, А. В. Казаковой, О. В. Качаловой, В. Я. Колдина, С. А. Краснопевцева, В. А. Лазаревой, А. Лейба, Л. Н. Масленниковой, Б. А. Поликарпова, И. П. Поповой, Е. В. Селиной, А. А. Хайдарова, А. Г. Хапиулина, Ю. А. Цветкова, И. И. Шереметьева, Л. А. Шестаковой, С. Щерба и др.

Сохраняют свою актуальность вопросы дальнейшего совершенствования и трансформации наличествующих методов и механизмов, ориентированных на предотвращение и нейтрализацию возможных нарушений в уголовном процессе. В этом направлении работали такие исследователи, как В. А. Азаров, А. С. Александров, А. Р. Белкин, В. М. Быков, Л. М. Володина, К. Ф. Гуценко, А. А. Давлетов, И. Ф. Демидов, Л. М. Карнеева, А. А. Кириллова, Н. Н. Ковтун, А. А. Леви, В. З. Лукашевич, Ю. А. Ляхов, В. Н. Махов, Е. М. Пучковская, М. К. Свиридов, Н. А. Сидорова, А. В. Смирнов, Ф. Н. Фаткуллин и др. Необходимо подчеркнуть существенный вклад этих авторов в уголовный процесс как в теоретическом, так и в практическом – законодательном и правоприменительном аспектах.

Объект данного исследования – общественные (социальные) отношения, складывающиеся в процессе использования судом тех или иных цифровых технологий в процессе судебного разбирательства.

Предметом исследования являются как теоретические разработки, так и ряд аспектов правового регулирования, а равно практика применения правил, определяющих порядок использования судом тех или иных цифровых технологий в процессе судебного разбирательства при рассмотрении споров уголовного и уголовно-процессуального характера.

Целью исследования является анализ использования цифровых технологий в процессе судебного разбирательства, связанного с рассмотрением и разрешением споров уголовного и уголовно-процессуального характера, а также выработка

новых и рассмотрение ранее предложенных рекомендаций по совершенствованию как законодательства, так и правоприменения в уголовно-процессуальной сфере.

Исходя из поставленной цели задачи данного исследования можно сформулировать следующим образом:

- рассмотреть и раскрыть применительно к использованию в уголовном судопроизводстве содержание понятия «цифровые технологии»;

- проанализировать сложившуюся практику правового регулирования использования судом тех или иных цифровых технологий в уголовном судопроизводстве как РФ, так и ряда зарубежных государств;

- выявить проблемы, связанные с правовым регулированием использования цифровых технологий в сфере уголовного судопроизводства, а также сформулировать предложения, направленные на совершенствование действующего здесь законодательства.

1. Методы

Методологическую основу данного исследования составляет материалистическая диалектика как общефилософский метод познания, а также ряд общенаучных методов – анализ и синтез, индукция и дедукция, методы герменевтический, системно-структурный и социологический, а равно статистический и синергетический. Из частнонаучных (специально-юридических) использовался сравнительно-правовой метод исследования.

2. Результаты

Отмечено, что, для предупреждения и нейтрализации возникающих в процессе цифровизации уголовного судопроизводства издержек и неувязок, необходимо системное изучение и всесторонний анализ сложившейся в этом аспекте практики во всей совокупности ее плюсов и минусов. Указанная задача к настоящему моменту в необходимом для полноценного выявления возникающих в этом процессе рисков виде не решена, без чего невозможна разработка соответствующего программного обеспечения в совокупности с необходимой регламентацией его применения в уголовном процессе.

Представляется очевидной необходимость исследования и адекватной оценки судом полученных электронных доказательств в смысле их подлинности и целостности, а также надежности, актуальности и приемлемости в отношении как источника информации, так и ее содержания.

Кроме того, рассматривается возможность учреждения специализированного ведомства с прерогативами контроля уровня надежности доказательств электронного характера, а также обеспечения их сохранности при надлежащем архивировании и хранении.

3. Обсуждение

Уголовный процесс традиционно, на протяжении известной нам истории, представлял собой важную сферу человеческой деятельности. Как само преступление, так и его расследование, а также суд над преступником предполагали и предполагают

активное взаимодействие социального характера. Его структура зародилась в древнейшие времена, с самого начала следуя определенному порядку действий:

- выявление преступления при получении соответствующей просьбы о защите от пострадавших;
- установление обстоятельств совершения и состава преступления;
- получение и последующее исследование доказательств и объяснений с их последующим исследованием;
- принятие решения относительно виновности (либо невиновности) тех или иных лиц, степени их вины и соответствующей меры наказания (либо освобождения от наказания).

Указанные элементы структуры уголовного производства в дальнейшем лишь модифицируются и трансформируются в соответствии с актуальными на данный момент общественными отношениями и природой уголовного конфликта [13; 14].

По мнению Л. А. Воскобитовой, «усложнялись социальные отношения, усложнялись формы и способы преступного поведения, усложнялись и процессуальные правила, регулирующие процессуальное производство по уголовным делам, но главными акторами этой деятельности всегда были и остаются люди» [4, с. 92].

Цифровизация той или иной сферы человеческой деятельности дает:

- 1) существенное увеличение объемов накопленной в тех или иных базах данных информации.
- 2) широкий доступ к указанной информации.
- 3) практически мгновенный обмен информацией между заинтересованными лицами;
- 4) удобный – в смысле поиска и обработки – формат получаемой информации.

Во многих областях человеческой деятельности результатом цифровизации становится все более расширяющееся использование электронных систем там, где ранее использовался лишь «ручной труд»: в полной мере это касается и уголовного судопроизводства. В частности, формируются различные комплексы справочно-правового характера, принципиально облегчающие действующим лицам уголовного процесса поиск необходимой информации. В этом контексте необходимо упомянуть систему ГАС «Правосудие», обеспечившую более широкую доступность судебных приговоров.

Следственные и процессуальные действия сегодня, как правило, фиксируются с использованием соответствующих технологий. Техника видеонаблюдения, широко используемая в местах массового скопления людей, позволяет эффективно выявлять, раскрывать и расследовать те или иные преступления, совершаемые в контролируемой ей зоне.

Начиная с 2011 г. в уголовно-процессуальной сфере стала внедряться практика организации видеоконференций (ст. 240, 399 УПК РФ) [1] для получения показаний в процессе разбирательства в судах различных инстанций; эта практика представляется чрезвычайно значимой в условиях нашей страны с находящимися в ее составе удаленными и труднодоступными территориями.

Процесс расследования преступлений с использованием компьютерной техники или технологии также потребовал соответствующей регламентации действий,

производимых с электронными носителями и содержащейся на них информации (ст. 82, п. 5 ч. 2, ст. 182, ч. 9.1 и ст. 183, ч. 3.1 УПК РФ) [1].

Примерно в 2013–2015 гг. в уголовном процессе стали применяться СМС-повестки участникам процессуальных действий; кроме того, потерпевшему, с целью повышения эффективности взаимодействия с ним, была вменена в обязанность дача сведений об адресе его электронной почты (ст. 42, ч. 5.1 УПК РФ) [1].

Следующий шаг в процессе легализации электронного документооборота в уголовном процессе – введение в 2016 г. понятия «электронный документ», вкуче с регламентацией его применения. Тогда же появляется возможность использования тем или иным лицом так называемой усиленной электронной подписи.

Таким образом, мы можем констатировать определенный прогресс в процессе цифровизации уголовного судопроизводства и его легализации: Этот процесс, бесспорно, весьма перспективен; он подкрепляется, помимо всего прочего, Стратегией развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, предусмотренной указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 20311 [2].

Мы полагаем, что, с учетом сегодняшнего уровня цифровизации уголовно-процессуальной сферы в РФ, а равно очевидных ее перспектив, эта тенденция должна получить поддержку и со стороны Правительства РФ, в частности Министерства юстиции. Например, в структуре этого министерства можно создать ведомство, полномочное контролировать уровень надежности используемых в уголовном процессе электронных доказательств, а также гарантировать их сохранность по завершению дела. Естественно, подобное нововведение потребует разработки и принятия соответствующего нормативного документа (либо совокупности такого рода документов).

Здесь необходимо подчеркнуть, что всесторонняя и бесконтрольная цифровизация, недостаточно продуманное внедрение современных цифровых технологий в уголовный процесс могут быть сопряжены с более или менее очевидными рисками.

Некоторые авторы особенно подчеркивают связанные с цифровизацией издержки. В частности, Воскобитова утверждает: «... нельзя недооценивать весьма великий риск судебных и следственных ошибок, несправедливости разрешения дела и нарушения прав человека, если принятие решений и/или совершение процессуальных действий будет осуществлять машина, запрограммированная и действующая на принципах предельного упрощения и формализации информации и однозначности вариантов решений. Отметим, что при использовании электронных доказательств необходимо учитывать более высокий риск потенциального уничтожения или потери электронных доказательств по сравнению с неэлектронными; требуется устанавливать адекватные процедуры для безопасного изъятия и сбора электронных доказательств; электронные доказательства должны собираться надлежащим и безопасным образом и представляться в суды с использованием надежных услуг, таких как услуги по проверке надежности» [4, с. 94].

Надо отметить, что цифровизация уголовного процесса, во всей совокупности ее преимуществ и недоработок, не могла не инициировать дискуссию в среде правоведов, сопряженную со всесторонним обсуждением связанных с этим процессом рисков. В ряде зарубежных публикаций, связанных с данной тематикой, проблеме рисков уделяется заметное внимание. В частности, в британском судо-

производстве проблемы, связанные с цифровизацией уголовно-правовой сферы выразились в неумении участников процесса использовать компьютер и связанные с ним возможности, – это касалось, в том числе, и работников адвокатуры [15]. В некоторых ситуациях внедрение цифровых технологий приводило к устранению адвокатов из рассмотрения дела судом, что воспринималось крайне болезненно – как явное нарушение равноправия сторон в уголовном процессе [16].

Некоторые авторы предлагают применить «метод экспериментального использования цифровых технологий, сопровождаемый необходимым правовым регулированием, в том числе предусматривающий согласие участников процесса на участие в таком эксперименте. Например, сначала цифровые технологии могли бы вводиться наряду и параллельно с традиционными «человеческими» формами производства, учитывая согласие участников соответствующего процессуального действия» [4, с. 95].

Помимо взаимозаменяемости сложившихся технологий уголовного судопроизводства, предусмотренного УПК РФ, эксперимент в этой сфере может предполагать, в частности, перевод на цифровую технологию не уголовного процесса в целом, но отдельных, наиболее предрасположенных к алгоритмизации его составляющих. Это касается, в частности, деятельности арбитражных судов, где документы в электронной их форме (в том числе исковые заявления) применяются достаточно широко [9].

Мы полагаем, что в уголовном судопроизводстве сообщение о совершении преступления (или соответствующее заявление) может не только подаваться (приниматься) в форме электронного документа, но и адекватным образом учитываться [3]. Впрочем, согласно инструкции МВД, относящейся ко всем видам обращений в органы внутренних дел, заявление (или сообщение) может быть лишь подано в электронном виде: при последующей работе с ним оно должно быть перенесено на бумагу. Здесь следует подчеркнуть, что, с целью своевременной и полной проверки такого рода обращения, необходимо решить вопрос о его официальном принятии и последующей регистрации в возможно более краткие сроки.

В связи с этим представляется весьма желательным разработка специальной формы электронного документа, содержащей информацию о преступлении в виде соответствующих, подлежащих заполнению, разделов.

Признаки, свидетельствующие о наличии состава преступления, вполне могут быть выявлены компьютером, – естественно, на основе ясных ответов заявителя на правильно поставленные и корректно сформулированные вопросы: информация о наличии либо отсутствии этих признаков может быть идентифицирована непосредственно при подаче заявителем электронного документа. При этом должна иметь место немедленная регистрация обращения в качестве повода для возбуждения соответствующего уголовного дела, а также исключается влияние субъективных факторов, неизбежных при участии в этой процедуре должностных лиц (связанных со следственными или судебными перспективами дела). Кроме того, было бы не лишним внести в такого рода программу возможность автоматической передачи полученной информации должностным лицам, ответственным за проведение дознания/следствия. Подобного рода процедура уже применяется

в арбитражных судах, что – надо подчеркнуть! – повышает эффективность судебного разбирательства.

Подобного рода экспериментальный подход к последовательной цифровизации уголовно-процессуальной сферы предполагает отслеживание как плюсов, так и минусов, связанных с внедрением электронной документации с целью последовательного освоения современной процессуальной практики, корректировки соответствующих механизмов правового регулирования, минимизации возникающих рисков, а также возможно более многофакторного учета при разработке соответствующего программного обеспечения.

Что, в первую очередь, необходимо учитывать должностным лицам, принимающим решение о внедрении того или иного цифрового механизма (технологии) в уголовно-процессуальную сферу?

Во-первых, необходимо принять во внимания ряд особенностей уголовного процесса, объективно ему присущих и обусловленных природой складывающихся в его ходе, весьма специфических отношений. Далее, необходимо учитывать принципиальную возможность формализации данной составляющей комплекса процессуальных действий. В-третьих, нельзя упускать возможность укрепления (ни в коем случае не ослабления!) гарантий прав и свобод личности, участвующей в уголовном судопроизводстве. Кроме того, необходимо принять во внимание возможность иных приобретений, связанных с внедрением в судебную практику цифровых технологий, в частности, увеличения скорости судопроизводства при упрощении некоторых его процедур, очевидной экономии человеческих ресурсов и т.д.

Для того, чтобы определить наличествующие сегодня возможности внедрения цифровых технологий в исследуемую нами сферу, обратим внимание на характерную специфику уголовного судопроизводства, объективно требующую вовлеченности в него человека, поскольку искусственный интеллект на современном этапе своего развития лишен ряда принципиальных качеств, присущих человеческому сознанию. Подробное исследование такого рода способностей осуществляющего судопроизводство человека имеет место в диссертации П. М. Морхата [6].

Автор, в частности, утверждает, что адекватное выполнение судьями своих профессиональных обязанностей предполагает не только знание норм Закона, но и определенный уровень «когнитивной и эмоциональной компетенции», ни в коей мере не присущих современным ЭВМ [6, гл. 1, § 1.3.].

Морхарт полагает, что «эмоциональная компетентность» дает судье возможность выявлять и различать как подлинные, так и мнимые интересы действующих лиц, а также скрытые причины их действий. Лицо, наделенное «эмоциональной компетенцией», способно вычленять правдивые, равно как сомнительные, а также ложные показания, выделяя первые как основу системы базовых доказательств по рассматриваемому делу [6, с. 136].

Как полагает А. Шмелев, «именно эмоциональная компетентность позволяет судьям учитывать неоднозначность рассматриваемого дела, возникающую в силу или сложившихся фактических обстоятельств, или смысловой неопределенности представленных доказательств, или принципиальной неопределенности выбора применимой нормы права; когда вступают в противоречие справедливость и за-

конность; когда нельзя не принимать во внимание нравственные нормы. Такие ситуации наглядно иллюстрируются решениями суда присяжных, когда в своем нуллифицирующем вердикте они, отвечая положительно на вопросы о доказанности фактических обстоятельств дела и причастности подсудимого, тем не менее выносят решение о его невинности» [10].

Таким образом, если судья в процессе разбирательства того или иного уголовного дела намерен руководствоваться не только формальными требованиями закона, но и стремлением к разрешению имеющих место противоречий между частными и общественными интересами, учитывая как правовую, так и нравственную значимость принимаемого решения во всей совокупности видимых его последствий, ему требуется такого рода «эмоциональная компетентность», – при наличии надлежащего жизненного опыта. Компьютер, лишенный подобной эмоциональной составляющей, как считает Морхат, не способен принимать взвешенные судебные решения: они неизменно будут чрезмерно формализованными и прямолинейными [6, с. 135].

Здесь Морхат основывается на выводах Х. Вона, утверждающего, что искусственный интеллект не может служить заменой человеческому разуму или человеческому чувству справедливости. Исход судебного разбирательства – это не вопрос вероятности, а реальная жизнь людей, обращаться с которой должны другие люди, которые способны учитывать практические последствия принятия юридически значимых решений. Независимо от того, как могут развиваться передовые технологии, такие технологии не могут принимать решения за людей и судить их» [6, с. 133].

Следуя этой логике, мы должны подчеркнуть, что деятельность следователя или дознавателя, по крайней мере, в современных условиях, поддается формализации – а следовательно, и цифровизации – еще в меньшем объеме, нежели деятельность судьи или присяжного заседателя. Работа в условиях неопределенности, очевидной нехватки или противоречивости имеющейся в его распоряжении информации не дает возможность «цифровизировать» процесс расследования уголовного дела (за исключением чисто технических его аспектов).

То же самое можно сказать и о деятельности обвинителя, в частности, потому что утверждение обвинительного заключения находится в компетенции одного лица, а поддержание обвинения – в компетенции другого. Мнения этих лиц по вопросам, связанных с виновностью, доказанностью обвинения и пр. могут порой принципиально расходиться. Если собранных доказательств явно недостаточно для выдвижения обвинения, если они не подтверждены фактами или выглядят сомнительно, обвинитель может оказаться в ситуации, когда выход возможен лишь в гармоничном сочетании всех трех видов компетентности – правовой, когнитивной и эмоциональной.

Некоторые исследователи считают, что использование искусственного интеллекта в уголовном процессе имеет существенные преимущества, так как последний «не подвержен коррупции и эмоциям, способен строго придерживаться законодательных рамок и выносить решения с учетом многих факторов, включая данные, характеризующие участников спора; оперировать существенно большими, нежели человек, объемами массивов данных из хранилищ государственных служб, например массивом дел, по которым на протяжении нескольких лет не удалось

раскрыть преступления; архивом судебных дел и справочных правовых систем; сможет несопоставимо быстрее обрабатывать данные и учитывать значительно больше факторов, чем судья-человек» [5].

Каждое уголовное дело тем не менее уникально и неповторимо – об этом свидетельствует как следственная, так и судебная практика. Поскольку цифровые технологии, так или иначе, основываются на массивах данных, обобщенных и в высшей степени формализованных, в ряде случаев они могут оказаться неадекватными, а выносимые таким образом решения – несправедливыми или даже неправосудными.

Какое решение может принять суд в подобной ситуации? Дело может быть возвращено обвинителю с целью исправления выявленных следственных ошибок или недостатков. Суд может предложить иную, отличающуюся от первоначальной, классификацию наказуемого деяния, как бы предварив своим решением последующую его доработку. Здесь опять-таки многое зависит от когнитивной, а равно и эмоциональной компетентности судьи.

Таким образом, мы можем констатировать, что волюнтаристский подход к цифровизации уголовно-процессуальной сферы в строго определенных сроки совершенно неприемлем. Соответственно, не выдерживают критики аргументы его сторонников, уверенных в том, что «следователь в российском уголовном процессе только составляет протоколы, что это «мертвая профессия» и поэтому уже в настоящее время может быть с легкостью заменена электронными технологиями» [7]. Указанная позиция никак не отражает реальное содержание процесса расследования, игнорируя его эвристическую составляющую, связанную со свободным поиском вариантов там, где информация, значимая юридически, отсутствует либо является очевидно неполной. Оценка доказательств в уголовном процессе далеко не всегда может быть алгоритмизируема: кроме того, состязательность сторон при недостаточности или неоднозначности имеющейся в распоряжении суда информации не дает возможность задействовать искусственный интеллект в решении такого рода задач.

Ряд авторов справедливо подвергает критике предложения о внедрении в уголовно-процессуальную практику так называемого народного правосудия, где предлагается, упразднив следствие, дать возможность инициировать производство по уголовным делам каждому, – путем предоставления ему не только возможности направлять в соответствующие инстанции сообщения о совершенном преступлении, но и права проведения самостоятельного расследования, сбора доказательств с последующей передачей собранных материалов в суд в суд.

Приведем, в частности, мнение П. Скоробогатого: «Реформировать судебную систему» – с ходу предлагает каждый второй респондент, отвечая на вопрос «как нам обустроить Россию?». Причем рецепты предлагаются преимущественно радикальные, в диапазоне от «комплексных структурных преобразований» до «всех разогнать и набрать новых». А за многими «концептуальными предложениями» видится не столько реальное понимание проблем системы, сколько спекуляции и игра на укорененном в общественном мнении наборе штампов и мифов о работе судебной ветви власти» [8].

Мы не считаем приемлемыми подобного рода «радикальные подходы» к рассматриваемой нами проблематике, ибо их апологеты игнорируют не только особен-

ности современного этапа цифровизации с пока еще ограниченными возможностями искусственного интеллекта, но и специфику уголовного процесса, объективно ему присущую и так или иначе проявляющуюся на всех его этапах. В подобной ситуации внедрение цифровых технологий в уголовно-процессуальную сферу не приводит к заметным положительным результатам. К тому же вопросы обеспечения соответствующих прав и свобод участников уголовного процесса, а равно достоверности собранной информации, ее хранения и неизменности, не говоря уже о правосудности принимаемых решений и их проверки, сторонниками «радикального подхода» вообще не рассматриваются. Соответственно, возникают проблемы, связанные возможностью как выявления, так и надлежащего учета порождаемых цифровизацией рисков.

Процессуальное познание и доказывание представляет собой еще один компонент уголовно-процессуальной деятельности, где, бесспорно, при обсуждении перспектив цифровизации должна учитываться «человеческая» составляющая. В уголовном судопроизводстве имеют место ситуации, где как установленные факты, так и собранные доказательства могут, противореча друг другу, не укладываться в единую схему. Поиск норм права, соответствующих подобного рода уголовным делам, порой также сопряжен с противоречиями: в частности, может сложиться ситуация, когда ни одна из наличествующих правовых норм не соотносится в точности с фактами или, напротив, последние можно соотнести не с одной, а с несколькими нормами.

Подобная задача вряд ли способна быть решена компьютером без участия человека; в то же время компьютер, используемый как вспомогательное средство в уголовном судопроизводстве, способен существенно облегчить работу судьи или следователя, в частности, в процессе обоснования в процессе принятия решения. Кроме того, он способен представить на рассмотрение следствия или суда возможно более полный набор вариантов решения, дополнив анализ обстоятельств рассматриваемого дела наличествующим в базе данных анализом соответствующих материалов, относящихся к аналогичным случаям, а также решений по этим делам.

Соответствующим образом запрограммированный компьютер может оказать некоторую помощь в процессе поиска следов расследуемого преступления; при этом надо понимать, что как следы преступления, так и доказательство, сформированное с их помощью, не может оцениваться компьютером самостоятельно. Участие человека в процессе оценки ее относимости к расследуемому делу, как и вопросов допустимости и достоверности полученного доказательства, представляется совершенно необходимым. Такого рода оценка основывается на внутреннем убеждении человека и может быть алгоритмизирована (формализована). Более того, учитывая различные подходы к допустимости доказательств, используемых обвинением и защитой, мы считаем, что полагаться на искусственный интеллект в подобной ситуации вряд ли допустимо.

Как утверждает Воскобитова, рассматриваемое расхождение в подходах «вытекает из системного сопоставления различных норм, выявления смысла предписаний, умения профессионально толковать текст закона и смыслы слов в из-

ложении той или иной нормы. Из текста ст. 75 УПК РФ следует, что недопустимые доказательства не могут использоваться только «для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных ст. 73 настоящего Кодекса», т.е. не могут использоваться для доказывания позитивного утверждения о фактах, имеющих значение по делу. Но из этого не следует текстуальный запрет на его использование для обоснования «негативного» утверждения: в силу такого доказательства (особенно, если это доказательство оказывается решающим в данном деле), стороне обвинения (один из субъектов которой и допустил оспариваемое нарушение) не удалось опровергнуть доводы защиты. Не удалось вне разумных сомнений доказать причастность обвиняемого к совершению преступления, вследствие чего виновность обвиняемого осталась недоказанной. Такая логика рассуждений пока доступна профессиональному юристу, хотя, как показывает судебная практика, даже он не всегда понимает ее и способен применить к оценке доказательств в конкретном деле. Сомнительно, сможет ли машина выявить такую невнятную регламентацию в тексте закона и правильно по смыслу, по сути, применить его в конкретном деле» [4, с. 101].

Тем не менее современные технологии цифрового характера (прежде всего, камеры видеозаписи), используемые в разных, порой весьма далеких от уголовно-правовой сферы областях, могут быть весьма полезны следствию в процессе поиска доказательств: подобная познавательная ситуация, в ряде аспектов принципиально новая, требует специальных исследований. Как показывает практика, эти возможности уже используются с целью выявления преступного поведения подозреваемых с его последующей фиксацией при расследовании уголовных дел с определенной спецификой (связанных с нарушениями правил торговли, обманом покупателей, взяточничестве и пр.). В частности, в делах о взятках аудиовидеозапись как доказательство причастности обвиняемого к совершению преступления, ему инкриминируемого, рассматривается как достаточное. В свою очередь, ее отсутствие оставляет, как правило, обвинение недоказанным [12].

Наличие камер видеозаписи создает особенную ситуацию, связанную с эффектом присутствия следователя (дознвателя) на месте преступления в момент его совершения. Полученное таким образом доказательство не содержит, в то же время, законных оснований для его отвода. Факт совершения преступления в этой ситуации воспринимается непосредственно, а обстоятельства, ему сопутствующие, в юридически значимых подробностях [11]. Данные обстоятельства, выявленные средствами видеозаписи, не требуют повторного установления тем или иным способом. Дополнительные доказательства в рассматриваемой ситуации могут понадобиться только в особых случаях (в частности, при наличии обоснованных сомнений в подлинности записи, а также при выявлении иных обстоятельств уголовного дела). Таким образом, использование средств видеозаписи часто дает эффект, соответствующий поимке преступника с поличным.

По мнению некоторых авторов, «такая технически обеспеченная ситуация познания создает совершенно новое основание для дифференциации и упрощения форм расследования и судебного разбирательства. Именно по таким делам, когда преступление совершено «под камеру», может быть использовано упрощенное

дознание или следствие, не требующее совершения всех формально обязательных в настоящее время процессуальных действий. По таким делам возможно и упрощенное, суммарное судебное разбирательство, когда для вынесения судебного решения достаточно видеозаписи, устанавливающей время, место и иные обстоятельства дела, виновность обвиняемого и форму его вины, если при этом сама запись и событие не оспариваются правонарушителем. Признание правонарушителем, что событие отражено камерой именно так, как оно было совершено, вполне может позволять ограничиться минимумом других доказательств для установления иных обстоятельств ст. 73 УПК РФ. И только если правонарушитель предлагает иную трактовку события, зафиксированного видеокamerой, может потребоваться расследование в полном объеме для проверки версии обвиняемого или опровержения доводов, приводимых в его защиту» [4, с. 102].

Заключение

Сегодня представляется очевидным, что для предупреждения и нейтрализации возникающих в процессе цифровизации уголовного судопроизводства издержек и неувязок необходимо системное изучение и всесторонний анализ сложившейся в этом аспекте практики во всей совокупности ее плюсов и минусов. Выявление возникающих в этом процессе рисков даст возможность разработать адекватное современным требованиям программное обеспечение вкупе с условиями, регламентирующими его использование в уголовно-процессуальной сфере.

Внедрение цифровых технологий в уголовное судопроизводство не должно порождать и, в принципе, не порождает угроз в аспекте возможного нарушения прав человека. В то же время указанные технологии очевидно облегчают выявление события и обстоятельств совершения того или иного преступления. В дальнейшем, как мы полагаем, применение цифровых технологий приведет к более полной реализации гарантированных законом прав и свобод личности, по сравнению с сокращенным дознанием и упрощенными процедурами судопроизводства (применяемыми при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением). Здесь необходимо исключить или минимизировать перечисленные выше риски и неувязки посредством скрупулезного исследования и адекватной оценки судом полученных электронных доказательств в смысле их подлинности и целостности, а также надежности, актуальности и приемлемости в отношении как источника информации, так и ее содержания. Также представляется возможным учреждение специализированного ведомства в структуре Министерства юстиции РФ с прерогативами контроля уровня надежности доказательств электронного характера, а также обеспечения их сохранности при надлежащем архивировании и хранении.

В заключение мы должны еще раз подчеркнуть необходимость взвешенного, хорошо продуманного подхода к процессу цифровизации уголовного судопроизводства. Только такой, чрезвычайно осторожный, подход к внедрению цифровых технологий в уголовно-процессуальную сферу позволит достичь существенных преимуществ при минимизации неизбежно сопряженных с этим процессом рисков и издержек для судопроизводства, а равно и для лиц, в нем участвующих.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
2. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/law/ukaz-prezidenta-rf-ot-09052017-n-203/strategiia-razvitiia-informatsionnogo-obshchestva-v/> (дата обращения: 18.02.2023).
3. Приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» // Управление МВД России по Курской области : сайт. URL: <https://46.mvd.pf/document/6639923> (дата обращения: 18.02.2023).
4. *Воскобитова Л. А.* Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // *Lex Russica (Русский Закон)*. 2019. № 5 (150).
5. Искусственный интеллект может изменить судебную систему // *Times.kz* : сайт. URL: <https://timeskz.kz/23068-iskusstvennyu-intellekt-mozhet-izmenit-sudebnuyu-sistemu.html> (дата обращения: 18.02.2023).
6. *Морхат П. М.* Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2018.
7. *Семенцов В. А.* Эволюционный подход к цифровизации отечественного уголовного судопроизводства // Сборник статей научно-практической конференции МГУ – МГЮА, 27–28 ноября 2018 г. М. : Университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 2019.
8. *Скоробогатый П.* Судебные реформы требуют последовательности, а не революций // *Эксперт* : сайт. URL: <http://expert.ru/expert/2017/43/sudebnyie-reformyi-trebuyut-posledovatelnosti-a-ne-revolyutsij/> (дата обращения: 18.02.2023).
9. *Шарипова А. Р.* Направления цифровизации уголовного судопроизводства: применимый опыт арбитражного процесса // Библиотека криминалиста. 2018. № 3.
10. *Шмелев А. Н.* Судебная нуллификация нормативного правового акта : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022.
11. *Яни П. С.* Достаточность доказательств по делам о взяточничестве // *Законность*. 2018. № 9.
12. *Barinova D., Ipatov O., Odinskaya M., Zhigadlo V.* Pedagogical Assessment of General Professional Competencies of Technical Engineers Training // *Annals of DAAAM and Proceedings of the International DAAAM Symposium*. 2019.
13. *Borodinova T. G., Petrikina A. A., Borodinov V. V., Gubko I. V.* Topical Issues of Interpretation of Criminal Procedural Norms, Based on Judicial Practice, Taking into Account World and Russian Components // *Scientific Journal of Interdisciplinary Research*. 2020. Vol. 9 (3).
14. *Hannah-Moffat K.* Algorithmic Risk Governance: Big Data Analytics, Race and Information Activism in Criminal Justice Debates // *Theoretical Criminology*. 2019. Vol. 23 (4).

15. Marks A., Bowling B., Keenan C. Automatic Justice? Technology, Crime and Social Control // SSRN : сайт. URL: <https://ssrn.com/abstract=2676154> (дата обращения: 18.02.2023).

16. Susskind R. Online Courts and the Future of Justice. Oxford : Oxford University Press, 2022.

References

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18 December 2001 No. 174-FZ (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

2. Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030. URL: <https://sudact.ru/law/ukaz-prezidenta-rf-ot-09052017-n-203/strategiia-razvitiia-informatsionnogo-obshchestva-v/> (date of the application: 18.02.2023). (In Russ.)

3. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of 29 August 2014 No. 736 "On Approval of the Instructions on the Procedure for Receiving, Registering and Authorizing Statements and Reports of Crimes, Administrative Offenses, and Incidents in the Territorial Bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation". URL: <https://46.mvd.rf/document/6639923> (date of the application: 18.02.2023). (In Russ.)

4. Voskobitova L. A. Criminal Proceedings and Digital Technologies: Compatibility Problems. *Lex Russica (Russian Law)*, 2019, no. 5 (150). (In Russ.)

5. Artificial Intelligence Can Change the Judicial System. URL: <https://timeskz.kz/23068-iskusstvennyy-intellekt-mozhet-izmenit-sudebnuyu-sistemu.html> (date of the application: 18.02.2023). (In Russ.)

6. Morkhat P. M. Legal Personality of Artificial Intelligence in the Field of Intellectual Property Rights: Civil Legal Problems: PhD Thesis. Moscow, 2018. (In Russ.)

7. Sementsov V. A. Evolutionary Approach to the Digitalization of Domestic Criminal Proceedings. In Collection of Articles of the Scientific and Practical Conference of Moscow State University – Moscow State Law Academy, 27–28 November 2018. Moscow: Kutafin University (MSAL), 2019. (In Russ.)

8. Skorobogaty P. Judicial Reforms Require Consistency, Not Revolutions. URL: <http://expert.ru/expert/2017/43/sudebnyie-reformyi-trebuyut-posledovatelnosti-ane-revolyutsij/> (date of the application: 18.02.2023). (In Russ.)

9. Sharipova A. R. Directions for Digitalization of Criminal Proceedings: Applicable Experience of the Arbitration Process. *Criminologist Library*, 2018, no. 3. (In Russ.)

10. Shmelev A. N. Judicial Nullification of a Normative Legal Act: PhD Thesis. Moscow, 2022. (In Russ.)

11. Iani P. S. Sufficiency of Evidence in Cases of Bribery. *Legality*, 2018, no. 9. (In Russ.)

12. Barinova D., Ipatov O., Odinoakaia M., Zhigadlo V. Pedagogical Assessment of General Professional Competencies of Technical Engineers Training. In Annals of DAAAM and Proceedings of the International DAAAM Symposium. 2019.

13. Borodinova T. G., Petrikina A. A., Borodinov V. V., Gubko I. V. Topical Issues of Interpretation of Criminal Procedural Norms, Based on Judicial Practice, Taking into Account World and Russian Components. *Scientific Journal of Interdisciplinary Research*, 2020, vol. 9 (3).

14. *Hannah-Moffat K.* Algorithmic Risk Governance: Big Data Analytics, Race and Information Activism in Criminal Justice Debates. *Theoretical Criminology*, 2019, vol. 23 (4).

15. *Marks A., Bowling B., Keenan C.* Automatic Justice? Technology, Crime and Social Control. URL: <https://ssrn.com/abstract=2676154> (date of the application: 18.02.2023).

16. *Susskind R.* Online Courts and the Future of Justice. Oxford: Oxford University Press, 2022.

Сведения об авторе:

А. В. Шушеначев – аспирант.

Information about the author:

A. V. Shushenachev – Postgraduate Student.

Статья поступила в редакцию 20.09.2023; одобрена после рецензирования 14.11.2023; принята к публикации 05.02.2024.

The article was submitted to the editorial office 20.09.2023; approved after reviewing 14.11.2023; accepted for publication 05.02.2024.

Обзорная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-230-235>

ОБЗОР ИТОГОВ ПРОВЕДЕНИЯ XVII МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ДЕРЖАВИНСКИЕ ЧТЕНИЯ», ПОСВЯЩЕННОЙ 280-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Г. Р. ДЕРЖАВИНА

Екатерина Васильевна Кирсанова

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

caple@mail.ru

Аннотация

Начиная с 2005 г. Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) проводит научно-практическую конференцию «Державинские чтения». 10 лет конференция проходила в городе Москве. Она зарождалась как всероссийская, но, учитывая географию и страны участников, формат был расширен, и конференция стала международной. На протяжении ряда лет конференция ежегодно проводилась в городе Казани, на родине великого государственного, общественного деятеля, первого министра юстиции Российской империи и поэта Г. Р. Державина. Коронавирусная инфекция COVID-19 внесла свои коррективы в формат и периодичность проведения конференции, и вот в 2023 г., в год празднования 280-летия со дня рождения Гавриила Романовича Державина, Международная научно-практическая конференция «Державинские чтения» была проведена в городе Москве.

Ключевые слова: Державинские чтения; ВГУЮ (РПА Минюста России); Гавриил Романович Державин; международная научно-практическая конференция.

Для цитирования: Кирсанова Е. В. Обзор итогов проведения XVII международной научно-практической конференции «Державинские чтения», посвященной 280-летию со дня рождения Г. Р. Державина // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 1. С. 230–235. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-230-235>

Review

REVIEW OF THE RESULTS OF THE XVII INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE “DERZHAVINSKIE READINGS” DEDICATED TO THE 280TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF G. R. DERZHAVIN

Ekaterina V. Kirsanova

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St.,
Moscow, 117638, Russia
caple@mail.ru

Abstract

Since 2005, the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia) has been holding a scientific and practical conference “Derzhavin Readings”. For 10 years the conference was held in Moscow. It began as an all-Russian conference, but then, taking into account the geography and countries of the participants, the format was expanded and the conference became international. For a number of years, the conference was held annually in the city of Kazan, the homeland of the great statesman, public figure, first Minister of Justice of the Russian Empire and poet G.R. Derzhavin. The coronavirus infection COVID-19 has made adjustments to the format and frequency of the conference, and in 2023 the International Scientific and Practical Conference “Derzhavin Readings” was held in Moscow. In 2023, the 280th anniversary of the birth of Gabriel Romanovich Derzhavin was celebrated. By Order of the Government of the Russian Federation No. 1169-r of 6 May 2023, an organizing committee was formed to prepare and conduct the celebration of the 280th anniversary of the birth of G. R. Derzhavin. In accordance with the Order, an action plan was approved, which included many festive events, among which was the International Scientific and Practical Conference “Derzhavin Readings”.

Keywords: Derzhavin readings; VGUYU (RPA of the Ministry of Justice of Russia); Gabriel Romanovich Derzhavin; international scientific and practical conference.

For citation: *Kirsanova E. V.* Review of the Results of the XVII International Scientific and Practical Conference “Derzhavinskie Readings” Dedicated to the 280th Anniversary of the Birth of G. R. Derzhavin. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 1, pp. 230–235. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-230-235>

В соответствии с распоряжением Правительства РФ от 6 мая 2023 г. № 1169-р сформирован оргкомитет и утвержден план мероприятий, который включал в себя множество праздничных мероприятий, среди которых была Международная научно-практическая конференция «Державинские чтения».

Организаторами XVII Международной научно-практической конференции «Державинские чтения», посвященной 280-летию со дня рождения Г. Р. Державина выступили федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» и Министерство юстиции Российской Федерации.

Конференция впервые проходила в два этапа. Первый этап – региональный прошел в сентябре 2023 г. в институтах (филиалах) ВГУЮ (РПА Минюста России) в форме круглых столов, открытых лекций, семинаров, конференций, в которых приняли участие более 35 тысяч обучающихся. Лучшие доклады студентов и преподавателей были выбраны для участия во втором этапе. Второй этап конференции состоялся с 21 по 23 ноября 2023 г. в г. Москве.

Новшеством стал обновленный формат работы сессий. В первый молодежный день – 21 ноября 2023 г. трибуна была предоставлена студентам и молодым ученым, которые смогли выступить и продемонстрировать широкой аудитории результаты своей научной работы как в изучении творческого наследия Г. Р. Державина, так и в различных отраслях юридических знаний, включая актуальные направления теории, законодательства и практики, рассмотрение вопросов российского конституционализма и др. Кроме того, особое место заняла проблематика недопустимости искажения истории и реабилитации фашизма.

Во второй и третий дни работы конференции были организованы сессии по схожей проблематике, в которых принимали участие уже именитые эксперты, руководители органов государственной власти и ученые-правоведы. В свою очередь, участники молодежных сессий имели возможность очно и дистанционно присоединиться к их работе.

Торжественное открытие основной программы конференции состоялось 22 ноября 2023 г. на площадке центрального аппарата Министерства юстиции Российской Федерации.

Пленарное заседание было посвящено истокам российского конституционализма как основам стабильности демократического общества: к 30-летию юбилею принятия Конституции РФ. В настоящее время, когда суверенитет в мире все чаще становится привилегией, именно Конституция РФ выступает гарантом права, демократии, социальной защиты граждан и развития страны.

Так, по мнению Г. Р. Державина, «Конституция является высшей нормой» [1, с. 224–225]. Было бы неверным сводить Конституцию к какой-либо разновидности нормативно-правовых актов. Конституция есть источник всей правовой системы, воплощением права в самом широком смысле слова. Однако право не может существовать в отрыве от правоприменения. Здесь будет уместным вспомнить о духовности человека, ибо «хорошие законы, – отмечал Г. Р. Державин, – могут исправить заблуждения в душе счастливо рожденной и невоспитанной; но они не могут добродетелью осеменить худого сердца» [2, с. 362]. Гавриил Романович писал

о духовно-нравственном восприятии права. Так, С. В. Кабышев отмечает, что для Г. Р. Державина «право – есть способ возвысить человека над его пороками и обрести через духовно-интеллектуальное созидательное усилие социальную гармонию, гражданский мир и согласие» [3, с. 14].

Вера Г. Р. Державина в правовые идеалы и ценности политико-правового, нравственного единства российского общества и государства заложили прочный фундамент для развития современного российского конституционализма.

В пленарном заседании конференции приняли участие представители различных служб и ведомств из России, Беларуси, Кубы и Ирана.

Работа сессий основной программы конференции проходила 22 и 23 ноября 2023 г. на различных площадках Университета, Министерства юстиции Российской Федерации, РФЦСЭ при Минюсте России и Следственного комитета России.

На конференции были представлены следующие панельные сессии:

- Юридическое образование: анализ и перспективы;
- Модели развития системы принудительного исполнения;
- Творческое наследие Г.Р. Державина;
- Правовая модель рынка недвижимости в условиях формирования цифровой экономики;
- Избирательной системе 30 лет;
- Судебная экспертология: 2.0;
- Противодействие пропаганде радикальной, экстремистской и террористической деятельности в сети Интернет;
- НКО без границ;
- Нравственно-духовная траектория. Образование как фундамент национальной безопасности страны в контексте воззрений К.Д. Ушинского;
- Цифровые сервисы на службе у юстиции;
- Третейское разбирательство и медиация.

В рамках основной программы конференции было организовано и проведено более 40 научных, научно-практических и иных мероприятий.

Участники конференции отдали дань памяти российским государственным деятелям, увековеченным в бронзе, – Г. Р. Державину, М. М. Сперанскому и А. Ф. Кони возле здания центрального аппарата Минюста России и возложили цветы. Открытие памятников было приурочено к 220-летию Министерства юстиции РФ. «Миссия Министерства юстиции Российской Федерации, – как отметил министр юстиции К. А. Чуйченко при открытии памятников трем великим юристам России, – состоит в обеспечении прав и законных интересов граждан, верховенство закона и укрепление государственности» [4].

По результатам выступлений было подготовлено и издано два тома сборника более 300 тезисов участников конференции.

Всего в работе конференции приняли очное и дистанционное участие в общей сложности более 1200 участников, в том числе представители из 12 стран: Беларуси, Ирана, Кубы, Бразилии, Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Азербайджана, Таджикистана, Армении, Франции и Германии. Среди которых более 100 представителей государственных органов, ассоциаций, объединений, международных

и российских организаций, а также представители научного сообщества из более чем 20 вузов страны и зарубежья.

В рамках конференции с ВГУЮ (РПА Минюста России) были подписаны соглашение о сотрудничестве с ФССП России; соглашение о сотрудничестве в сфере подготовки кадров с ФСИН России; соглашение о сотрудничестве с федеральным государственным бюджетным образовательным учреждением высшего образования «Московский педагогический государственный университет» и договор о сотрудничестве с Общероссийской общественной организацией «Федерация дзюдо России».

Выбранный формат проведения конференции оказался весьма продуктивным и позволил соединить, с одной стороны, смелость, творческий поиск и свежий взгляд молодежи с опытом и обширными познаниями экспертного сообщества – с другой стороны.

По итогам проведения конференции была подготовлена общая резолюция с выводами и предложениями и направлена в Министерство юстиции Российской Федерации.

Международная научно-практическая конференция «Державинские чтения», посвященная 280-летию со дня рождения Г. Р. Державина, выступила платформой для обсуждения актуальных проблем и вызовов современного общества, способствовала обмену опытом и развитию правовой науки и практики. Многие вопросы, затронутые на сессиях и круглых столах конференции, могут быть рассмотрены на площадке XII Петербургского международного юридического форума в 2024 г.

Пристатейный библиографический список

1. *Ходасевич В. Ф.* Державин. М. : Книга, 1988.
2. *Державин Г. Р.* Избранная проза. М. : Советская Россия, 1984.
3. *Кабышев С. В.* Через диалог с прошлым к приобретению будущего: некоторые аспекты наследия Г. Р. Державина для развития современной российской юриспруденции // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18.
4. В Москве открыли памятники Державину, Кони и Сперанскому к 220-летию Минюста России // ТАСС : сайт. URL: <https://tass.ru/obschestvo/15823225?ysclid=lr6grgfwmu438242486> (дата обращения: 30.11.2023).

References

1. *Khodasevich V. F.* Derzhavin. Moscow: Kniga, 1988. (In Russ.)
2. *Derzhavin G. R.* Selected Prose. Moscow: Soviet Russia, 1984. (In Russ.)
3. *Kabyshev S. V.* Through Dialogue with the past to Acquire the Future: Some Aspects of the Legacy of G.R. Derzhavin for the Development of Modern Russian Jurisprudence. *Current Problems of Russian Law*, 2023, vol. 18. (In Russ.)
4. Monuments to Derzhavin, Koni and Speransky were unveiled in Moscow for the 220th anniversary of the Russian Ministry of Justice. URL: <https://tass.ru/obschestvo/15823225?ysclid=lr6grgfwmu438242486> (date of the application: 30.11.2023). (In Russ.)

Сведения об авторе:

Е. В. Кирсанова – старший научный сотрудник.

Information about the author:

E. V. Kirsanova – Senior Researcher.

Статья поступила в редакцию 01.12.2023; одобрена после рецензирования 26.12.2023; принята к публикации 09.01.2024.

The article was submitted to the editorial office 01.12.2023; approved after reviewing 26.12.2023; accepted for publication 09.01.2024.

ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К РУКОПИСЯМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ»

Рукопись статьи должна содержать обоснование актуальности и научной новизны, апелляцию к оппонентам и наличие дискуссии, самостоятельные выводы автора, отражающие основные результаты проведенного исследования.

Стиль статьи должен соответствовать требованиям, предъявляемым к научным работам, не являться публицистическим. Автору следует избегать использования цитат из популярных журналов и газет, ссылок на высказывания по телевидению. Ссылки на интернет-источники должны соответствовать ГОСТ.

Рукопись статьи не должна содержать выдержки из диссертаций, монографий, учебной литературы, иных научных и учебно-методических работ. Не принимаются материалы, опубликованные ранее в других изданиях, в том числе самим автором рукописи. В случае направления рукописи статьи одновременно в редакции нескольких изданий автор обязан известить об этом ответственного секретаря журнала «Вестник РПА».

Статьи аспирантов в рубрику «Труды молодых ученых» принимаются только при наличии положительной рецензии научного руководителя, оформленной должным образом и заверенной в вузе.

Тексты статей принимаются исключительно в случае, если они соответствуют следующим техническим требованиям:

- Объем – не менее 10 страниц формата А4;
- шрифт – Times New Roman, кегль 14;
- междустрочный интервал – 1,5;
- поля – по 2 см со всех сторон;
- абзацный отступ – 1,25 см;
- все аббревиатуры и сокращения расшифрованы при первом их употреблении в тексте;
- ссылки затекстовые в виде пристатейного библиографического списка нумерованного (по порядку использования в тексте ссылок на источник (не по алфавиту)), оформленные в квадратных скобках с указанием номера издания и страницы (если это необходимо по смыслу текста) (например, [1, с. 5] или [2]);
- в рукописи допускается размещение рисунков и таблиц. Рисунки и таблицы выполняются на отдельных листах. Электронные версии рисунков и фотографий подготавливаются в редакторах Photoshop (*.tif, *.jpg, *.psd, разрешение 600 dpi) или InDesign – отдельными файлами на одну иллюстрацию с приложением их распечаток. Электронная версия текста, таблиц и формул дается в формате RTF.

Автор в обязательном порядке должен представить на русском и английском языках следующие сведения:

- фамилию, имя (полностью), отчество (полностью), ученую степень, ученое звание, почетное звание, должность (полностью, без сокращений и аббревиатур), основное место работы (учебы), e-mail адрес (для связи с научной общественностью, который может быть размещен в открытом доступе), город, контактный телефон;
- название статьи;
- аннотацию статьи;
- ключевые слова статьи;
- пристатейный библиографический список, составленный согласно действующим национальным и международным стандартам.

Объем аннотации – от 250 до 500 печатных знаков. Аннотация должна содержать:

- актуальность,
- цель работы,
- методологию проведенного исследования,
- основное содержание и новизну статьи,
- самостоятельные выводы автора.

Аннотация и ключевые слова должны соответствовать теме статьи и ее содержанию.

Редакционная коллегия журнала осуществляет проверку текста статьи с помощью системы «Антиплагиат». Оригинальность текста должна составлять не менее 60%. Остальные 40% текста могут составлять надлежащим образом оформленные цитаты из литературных и иных источников, выдержки из законодательства, а также научные клише, стандартно используемые в публикациях подобного рода.

Материалы, не соответствующие указанным требованиям, не рассматриваются.

В случае получения от рецензента отрицательной по содержанию рецензии статья снимается с публикации.

Окончательное решение о возможности публикации статьи в журнале принимает Редакционный совет.

Рукописи и направленные с ними иные материалы авторам не возвращаются.

**ВЕСТНИК
РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ**

Научно-практический журнал
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)

№ 1 / 2024

Выпускающий редактор: *Е.В. Кирсанова*
Дизайн обложки: *Ю.С. Соколова, А.А. Нехай*

Подписано к печати 15.05.2024. Формат 70x100 ¹/₁₆. Печ. л. 14,9.
Бумага офсетная, шрифт Muirid Pro.

Адрес редакции:
117638, ул. Азовская, д. 2, корп. 1
Тел.: +7 (499) 963-01-01 доб. 21080.
E-mail: vestnik-rpa@mail.ru
www.journal.rpa-mu.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42,
корп. 5, эт. 1, пом. I, ком. 6.3-23Н

ISSN 2072-9936

9 772072 993603